

В.В.САМАРКИН

Историческая география Западной Европы в средние века

Допущено Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов вузов,
обучающихся по специальности
„История“



Москва «Высшая школа» 1976 г.

902.9
С 17

Рецензенты:

кафедра истории средних веков Ленинградского
педагогического института имени Герцена;
профессор *В. И. Рутенбург*.

Самаркин В. В.

С 17 Историческая география Западной Европы в
средние века. Учеб. пособие. М., «Выш. школа»,
1976.

248 с.

В пособии излагается география населения, экономическая и политическая география Западной Европы в период раннего, развитого и позднего средневековья. В книге содержатся схемы, карты и диаграммы.

С $\frac{10602-285}{001(01)-76}$ 31—76

902.9

© Издательство «Высшая школа», 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет исторической географии

Историческая география — отрасль исторической науки, изучающая главные характерные черты географической, пространственной стороны исторического процесса. Она конкретизирует наши представления о исторических событиях и явлениях, связывает их с определенными территориями, изучает географию исторического прошлого человечества, в том числе в плане взаимодействия и взаимовлияния природы и общества. Иными словами, историческая география — это география определенной территории на определенном этапе исторического развития ее населения.

Для географической характеристики того или иного района, как правило, необходимо знать его физическую географию (рельеф, климат, растительность, животный мир, полезные ископаемые и т. д.); политическую географию (территория и границы политических образований, их территориально-административная структура, локализация мест, связанных с различными событиями, и т. п.); географию населения с точки зрения формирования его состава, размещения и передвижений; экономическую географию, т. е. географию производства и хозяйственных связей с порайонной и отраслевой характеристикой. На этих же основных элементах базируется и историческая география, однако их содержание нередко отличается от того, которое вкладывает в них современная география. И это отличие объясняется не только тем, что историческая география изучает хронологически иной этап развития человечества, чем география современности. Дело в самой географии, географии как науке: география прошлого резко отличается от современной. Так, например, в первобытном обществе фактически не существует географии (точнее — районирования) производства и торговли, и в то же время там осо-

бенно большая роль принадлежит физико-географическим факторам. Нередко в исторической географии той или иной эпохи значительную роль играют такие факторы, которые практически не учитываются современной географией: география народных движений, ареалы распространения основных типов орудий производства, сферы культурного влияния и т. д. Вообще определение круга проблем исторической географии каждой эпохи зависит от особенностей данной общественной формации, от основных закономерностей ее исторического развития. Именно поэтому историческая география является вспомогательной исторической дисциплиной, тесно связанной с историей данной формации.

Однако в отличие от основной массы вспомогательных исторических дисциплин историческая география не обладает специальными методами и приемами исследования, не имеет отдельных источников знания. Конкретный фонд этой науки, фактический материал, на котором она базируется, предоставлены ей другими науками, в первую очередь историей, а затем и дисциплинами, нередко от истории очень далекими. Так, для изучения проблем, связанных с физической географией прошлого, историческая география использует данные исторической климатологии, геологии, дендрохронологии, почвоведения, астрономии, исторической ботаники, географии растений, исторической картографии, гляциологии и многих других отраслей науки, включая этнографию, археологию и непосредственно историю (сведения летописей, мифы, легенды и пр.). Историческая география широко пользуется также выводами таких дисциплин, как топонимика, историческая демография, историческая статистика, нумизматика, история цен и денежного обращения, антропология, география болезней, историческая топография, лингвистика, антропонимика, история военного искусства, история градостроительства. Но подавляющая масса сведений, большая часть научного багажа исторической географии черпаются из исторических источников методами и приемами собственно исторического исследования. Ведь сведения историко-географического порядка дают не только карты и географические описания, но главным образом и прежде всего хроники, актовый материал, картулярии, полиптики и т. д. Практически любой письменный источник может дать сведения по исторической географии своей эпохи. Поэтому,

естественно, исторический географ должен быть в первую очередь историком.

Такая широта «источниковедческой базы» исторической географии, обобщающий характер научной деятельности историко-географа вовсе не означают, что историческая география занимает особое положение среди других исторических дисциплин. Напротив, она сохраняет свой вспомогательный характер, раскрывая только одну — пространственную — сторону исторического процесса.

Тесная связь исторической географии с историей определяет еще одну особенность этой дисциплины — ее прямую зависимость от исторической науки, от уровня ее развития, от ее потребностей и задач: пока история сводилась к истории войн, правлений, событий, т. е. политической истории, историческая география также ограничивалась проблемами политической географии (границы государств, локализация сражений и т. п.), и лишь за последнее столетие она приобрела свой современный вид (география населения, экономическая география эпохи и пр.). Наконец, основные направления историко-географических исследований всегда совпадали с потребностями собственно истории.

Еще одно обстоятельство придает исторической географии как науке своеобразный оттенок. Как уже говорилось, большинство проблем, составляющих ее содержание, в той или иной степени являются объектом исследования других наук. Проблема «среда и общество», например, интересует географов, социологов, философов; вопросами размещения населения как в настоящем, так и в прошлом занимаются кроме историков демографы, экономисты, этнографы, антропологи, специалисты по топонимике, ономастике и т. д. Практически всем разделам исторической географии можно найти соответствующие аналоги в собственно истории: история ремесла и промышленности, торговли, транспорта и т. п. Поэтому перед историческим географом встает очень сложная задача — отталкиваясь от всей суммы знаний, накопленных другими специалистами, определить свой собственный, специфический историко-географический подход к этим проблемам, останавливая главное внимание на территориальных аспектах исследуемых вопросов. Такой своеобразный ракурс при взгляде на, казалось бы, давно разработанные вопросы нередко приводит к новым на-

блюдениям и выводам, дает возможность сделать на общеизвестных посылках новые заключения, расширяющие наши представления об определенной эпохе. Один пример. Общеизвестно, что в средневековых городах и деревнях существовало множество церквей, посвященных различным святым; хорошо известно также, что многие из этих святых по традиции считались покровителями различных ремесел. Но вот простое нанесение на карту церквей и часовен, посвященных св. Николаю (патрону купцов и торговцев), показывает нам скопления очагов этого культа, т. е. торговые центры и наиболее распространенные маршруты купцов данной территории.

Все эти особенности присущи и исторической географии средневековой Западной Европы. Она, как и историческая география любой другой эпохи, состоит из физической географии, политической географии, географии населения и экономической географии. Под первым разделом подразумевается физико-географическая характеристика региона, причем главное внимание здесь должно быть уделено таким вопросам, как отличия климата, рельефа, флоры и фауны средневековья от современных, и проблеме влияния этих особенностей окружающей среды на историческое развитие данной территории. Политическая география западноевропейского средневековья помимо обычных вопросов (границы и внутренняя структура государств) включает в себя и церковную географию. Необходимость этого дополнения вытекает из особенностей истории феодального общества, поскольку административная структура католической церкви наложила значительный отпечаток на политическую и экономическую географию своей эпохи: многие церковные магнаты были одновременно светскими сюзеренами, монастыри и аббатства — центрами внешней и внутренней колонизации, а пути паломничеств в крупнейшие религиозные центры постепенно превращались в торговые маршруты. Воздействие церкви на географию эпохи сохранялось и в более позднее время. Достаточно вспомнить, как религиозные преследования позднего средневековья отразились на численности и размещении населения Нидерландов, Франции, Германии, Ирландии. Не меньший отпечаток наложила на политическую географию средневековья и военно-историческая география, однако эта тема столь обширна, что требует специального рассмотрения. По этим же соображениям из текста пособия вы-

пущены и другие аспекты политической географии эпохи, среди них — связь территориально-политических изменений с генеалогическими факторами.

Наибольшей спецификой по сравнению с современной наукой обладает география средневекового населения. Она, как и современная, интересуется численностью, составом, размещением населения и в этом смысле во многом совпадает с демографией. Но в то же время некоторые ее направления играли в средневековые гораздо большую роль, чем они играют сейчас. Так, характер сельского поселения в средние века зависел от многих социально-экономических факторов: условий колонизации данной местности, типа хозяйственных отношений, господствующих в округе, т. е. историко-географических особенностей этой территории. Еще больший отпечаток на историю феодальной формации наложила география средневековых городов: место их возникновения, их топография нередко дают решающие аргументы для понимания многих проблем западноевропейской истории. Поэтому интерес исследователей к географии феодального города столь велик, что некоторые из них даже выделяют ее в самостоятельный раздел исторической географии.

Значительный интерес представляет также география средневековой культуры. В средние века территориальные границы между разными сферами культурных влияний (христианская и арабская культура, светская культура Южной Франции XII—XIV вв.) прослеживались довольно четко. Вместе с тем культура средневековья обнаруживает довольно тесную связь с остальными элементами исторической географии эпохи: в раннее средневековье — с монастырями, в эпоху возникновения университетов и книгопечатания — с городами. Однако проследить картографически развитие европейской культуры — задача чрезвычайной сложности. Поэтому из большого круга вопросов, характеризующих территориальные особенности культуры западноевропейского средневековья, мы выбрали наиболее, на наш взгляд, важные; субъективность этого отбора оправдывает лишь то, что любой другой его вариант также был бы неполным.

Важное место в понимании характера географии населения Западной Европы принадлежит этническим проблемам. Эпоха феодализма — время становления основных этнических объединений, и хотя в истории средневековья национальные и этнические мотивы не всегда игра-

ли первостепенную роль, именно в это время происходит формирование современной этнической карты Европы.

Содержание экономической географии феодализма в целом соответствует принципам современной географии: здесь характеризуются промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт и пути сообщения. Однако, естественно, методика этих вопросов кардинально различна; так, например, специфика цехового ремесла не дает возможности его порайонной характеристики и позволяет выделить лишь области особого развития его отдельных отраслей (шерстяное дело, горнорудное производство). Из других вопросов, позволяющих более полно представить территориальные особенности хозяйственной жизни эпохи, нами выделен вопрос о сферах распространения различных монетных систем.

И еще одна важная проблема включена нами в круг интересов исторической географии — географические представления и открытия той эпохи. Строго говоря, эти вопросы не относятся к компетенции исторической географии — это есть история географии, история географической науки. Однако проблемы географии играли в средневековые принципиально важную роль: землеведение тесно смыкалось с космогонией и влияло на решение основных вопросов теории и практики. Вместе с тем многие географические представления и открытия непосредственно сказались на истории и географии своего времени; достаточно здесь вспомнить колонизацию скандинавами северных островов или настойчивые поиски европейцами западного пути в Азию и мифической Южной земли. Еще большую роль сыграл этот фактор в эпоху позднего феодализма, когда географические открытия не только изменили традиционные представления о Земле, но и оказали решающее воздействие на политическую, экономическую, торговую карту Европейского континента, не только на численность и состав, но и на характер всей жизни европейского населения. Поэтому, с нашей точки зрения, географические представления и открытия эпохи феодализма являются неотъемлемой частью исторической географии западноевропейского средневековья.

Естественно, что перечисленные нами проблемы не отражают всей полноты предмета исторической географии феодализма западноевропейских стран. В частности, по причине недостаточной разработанности нами в значительной мере опущены вопросы социальной географии;

постановка и решение этих вопросов — одна из самых насущных задач современной науки. Но вместе с тем мы убеждены, что именно всемерно расширительное толкование предмета данной дисциплины более всего отвечает потребностям как самой исторической географии, так и учебной практики.

История возникновения и развития исторической географии как науки

Хотя отдельные элементы историко-географического подхода к историческим вопросам встречаются еще у античных авто-

ров, начало формирования исторической географии как науки относится к позднему средневековью. Именно тогда возросший интерес гуманистов к античности заставил их обратить внимание на географию античного мира. Эпоха великих географических открытий усилила этот интерес: для того чтобы ориентироваться в незнакомых областях, надо было собрать все имевшиеся о них сведения, а искать их можно было практически только у древних авторов. Эти обстоятельства привели к тому, что историческая география возникла как историческая география античного мира, и первые ее шаги связаны с именами итальянского гуманиста Флавио Бьондо (XV в.), фламандского географа XVI в. А. Ортелия, профессора Лейденского университета Ф. Клювера (XVII в.). Основным содержанием их работ было определение границ расселения племен и народов, локализация территорий областей и государств, установление связи между древними и современными поселениями, уточнение мест сражений и других исторических событий, т. е. вопросы, которые сейчас составляют политическую географию и топографию прошлого. Это направление оставалось доминирующим и в последующие (XVIII—XIX) столетия развития науки, хотя круг проблем намного расширился за счет изучения административного, церковного деления, территориальных аспектов демографии, культуры и т. п. К изучению исторической географии стали привлекаться материалы и других дисциплин — топонимики, истории географических представлений и открытий, антропологии. Однако в основе этой дисциплины оставалась политическая география, хотя и несколько дополненная элементами географии населения и этнической географии. Типичным образцом работ этого рода является широко известная в конце XIX в., переведенная на многие (в том числе и русский) языки книга Э. Фримана «Историческая география

Европы», посвященная в основном изменениям государственных границ на континенте.

Другое направление в развитии исторической географии связано с проблемой влияния природных условий на общество. В средние века и в первые столетия нового времени эти вопросы разрабатывались главным образом философами (Боден, Монтескье и др.), причем они, как правило, ограничивались схемой «климат — психический склад человека — особенности общественного развития». В XIX—XX вв. крупнейшие представители этого направления (Ратцель, Видаль де ла Блаш) по-иному подходили к рассмотрению предмета, однако географический детерминизм составлял главное ядро их взглядов. Поэтому несмотря на кажущееся отличие их взглядов от воззрений просветителей XVIII в. их объединяло главное — признание решающей роли географического фактора в общественном развитии. Другие направления ставили в прямую зависимость от природных условий народонаселение (Мальтус), внешнюю политику государств и т. д. В эпоху кризиса капитализма эти течения приняли крайне реакционный характер (неомальтузианство, геополитика и др.).

В XX в. в связи с поворотом исторической науки к социально-экономическим проблемам историческая география пополнилась еще одним большим разделом — экономической географией. Хозяйственная проблематика (развитие сельского хозяйства и промышленности, торговых связей, экономическое районирование) стала занимать все большее место в трудах историко-географов; более того, нередко эти вопросы стали выдвигаться на передний план, подчиняя себе остальные разделы дисциплины. Такая тенденция, например, заметна в наиболее крупной работе последних лет — книге английского исследователя К. Смита «Историческая география Западной Европы до 1800 года» (Лондон, 1967).

Современную буржуазную историческую географию характеризуют и другие моменты. В последние десятилетия интерес к этой науке значительно возрос. Регулярно собираются международные конгрессы и симпозиумы, выходят многочисленные сборники и журналы, посвященные как исторической географии в целом, так и отдельным ее разделам, выпускаются разнообразные альбомы, атласы и карты в большинстве проблемно-исследовательского плана. Исследования характеризуются при-

менением новейших методов — аэрофотосъемки, используемой для выяснения следов прежних систем землепользования; подводной археологии как способа воссоздания топографии затонувших поселений. Но вместе с тем в современной западноевропейской науке отсутствует четкое и общепринятое представление о предмете и содержании дисциплины. Еще в конце 30-х годов известный медиевист М. Блок писал: «...назвать книгу «Историческая география» — значит рисковать не дать заранее вполне точного представления о ее содержании». Это определение вполне применимо и к сегодняшним работам западных авторов, каждый из которых по-своему трактует предмет своего исследования.

Все вышесказанное применимо и к исторической географии западноевропейского средневековья. Возникнув в XVI—XVII вв. (Валуа, Д'Анвиль и др.), она вначале ограничивалась топографическими задачами (внутренние и внешние границы государств, локализация событий), затем на протяжении XIX и особенно XX столетий ее содержание постепенно расширялось. После работ К. Кречмера, Г. Дэрби, Ю. Белоха, Г. Итса и других эта дисциплина приняла свой сегодняшний вид со всеми особенностями, присущими современной исторической географии вообще. Сейчас из ее разделов, пожалуй, наиболее активно развиваются демография и хозяйственная география (сельскохозяйственное районирование, география цен и другие вопросы). В современной исторической географии средневековья широко используются материалы и методы других, не чисто исторических наук. Так, например, значительный эффект для понимания многих проблем средневековой географии, как политической и экономической, так и географии населения, дают топонимические сведения. Еще в прошлом столетии Ф. Энгельс в статье «Франкский диалект» дал блестящий пример использования данных лингвистики для выяснения сложнейших проблем расселения древних племен. С тех пор круг вопросов, в решении которых принимают участие сравнительное языкознание, топонимика и другие лингвистические науки, значительно расширился.

В советской исторической науке историческая география средневековой Западной Европы находится на этапе становления. У истоков ее стоял В. К. Яцунский, сформулировавший предмет и содержание этой науки. Основоположники советской медиевистики (Е. А. Косминский,

С. Д. Сказкин и др.), разрабатывая принципиальные вопросы марксистской истории средневековья, первыми поставили вопрос о территориальных особенностях процесса феодального развития в различных областях Европы (генезис феодализма, рента и т. д.). Отдельные вопросы западноевропейской географии эпохи феодализма прямо или косвенно рассматриваются в книгах и статьях К. Д. Авдеевой, А. И. Неусыхина, А. А. Сванидзе, А. Я. Шевеленко и др., однако обобщающих работ по этой тематике (не считая первых вариантов учебных пособий по данному курсу) в советской историографии еще нет. В то же время практически все исследования советских медиевистов, посвященные особенностям политического и социально-экономического развития отдельных местностей Западной Европы в средние века, содержат разнообразный, иногда очень яркий и ценный материал по исторической географии эпохи феодализма.

Географическая среда и развитие общества в феодальную эпоху

Взаимодействие природно-географической среды и общества — важная методологическая проблема. Выше уже кратко говорилось о том, как ставилась эта проблема в домарксистской философии и истории. Советская историческая наука, основываясь на принципах исторического материализма, полагает, что окружающая среда воздействует на исторический процесс, однако ее воздействие нельзя считать главным и определяющим. Природа, окружающая среда участвует в развитии общества: любая социально-экономическая формация, базисом которой являются производительные силы и производственные отношения, включает в себя природный, географический фактор как одну из производительных сил. Естественно поэтому, что действие этого фактора не может быть всеобъемлющим и решающим, так как в процессе общественного развития участвуют многие факторы, в первую очередь — другие производительные силы (производственные навыки человека, орудия труда и пр.) и производственные, общественные отношения. Окружающая среда может наложить и накладывает определенный отпечаток на процесс исторического развития — ускоряя или замедляя его, формируя его специфические местные особенности, однако она не может в корне изменить его. Более того, природно-географическая среда как производительная сила сама во многом зависит от других факторов общественного раз-

вития, в первую очередь от уровня развития производства и от характера общественных отношений. Ведь одни и те же физико-географические характеристики (горы, моря и реки и т. д.) могут в одних случаях оказывать отрицательное, в других — положительное влияние на исторический процесс — в зависимости от уровня развития общества.

Природная среда как производительная сила зависит от развития общества еще и в том отношении, что на каждом этапе общественного развития природа используется по-разному. Те же реки в одном случае могут служить только средством передвижения, в другом — источником энергии. Одна и та же земля в родовом обществе используется как охотничье, например, угодье, позже — как объект земледельческого хозяйства, в другой же формации — как место разработки полезных ископаемых.

Анализируя природную среду как составную часть общественного развития, К. Маркс различал два основных вида природных ресурсов:

1) те, которые служат средством существования людей, — естественное плодородие почвы, рыба, звери, птица и т. п.;

2) те, которые служат средствами труда, — металлы, уголь, строительный материал, энергия рек и пр. «На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»¹. Первой общественной формацией, в которой второй вид естественного богатства с самого начала имел решающее значение, был капитализм. Он «предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека как ребенка на помочах»... Не область тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»².

С этой точки зрения феодальная формация занимает промежуточное место, включая черты и того, и другого способа использования природных ресурсов.

В эпоху господства натурального хозяйства земледелие — основное занятие людей — зависело от природной среды. Тогда использовались и природные ресурсы второго рода (например, дерево — для построек и орудий

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 23, с. 521.

² Там же с. 522.

труда), однако в целом хозяйство приспособлялось к окружающему миру. Так, естественные различия плодородия почв способствовали развитию чересполосицы, недостаток богатых кормов пастбищ был одной из причин выпаса скота по пару и, как следствие этого, принудительного севооборота. В других местах скудность почв и иные природные факторы заставляли местное население заниматься рыболовством, и оно становилось главным средством существования. Зависимость средневекового человека от естественных природных ресурсов была чрезвычайно велика.

По мере развития феодальной формации все большее значение приобретали ресурсы другого рода, те, которые служат основой производства. То же самое земледелие требовало более совершенных орудий, а следовательно, развития горнодобывающего дела и металлообработки, разнообразных усовершенствований во всех отраслях производства. Характерное для феодализма общественное разделение труда, все более углубляясь, вело к широкому использованию природных ресурсов, а нередко и к их истощению (например, истребление лесов). Так, уже в средневековье были заложены основы хищнического отношения к природе, которые затем, при следующей, капиталистической формации достигли наивысшего развития. Вместе с тем овладение естественными богатствами земли, широкое использование природных ресурсов приводило средневековое общество к умножению «его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»¹, делало его все более независимым от «милостей природы».

Прямое воздействие географического фактора на общественное развитие, весьма значительное на первых этапах человеческой истории, по мере развития общества постепенно уменьшалось. Это положение исторического материализма ярко подтверждается на примере феодальной формации. В раннее средневековье зависимость общества от природы была особенно сильной: урожаи полностью определялись естественным плодородием почвы и климатическими колебаниями, охота и рыболовство целиком зависели от окружающих лесов и протекающих рек. По мере развития феодального общества основное занятие населения — земледелие стало меньше опреде-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 23, с. 522.

ляться природно-климатическими факторами, и сельское хозяйство постепенно приобретало все большую независимость от стихийных сил природы. Еще меньше влияли природные условия на развитие ремесла; так, например, наиболее развитые районы шерстяного дела в Западной Европе того времени — Тоскана и Фландрия — не обладали особо благоприятными условиями для скотоводства и основная масса сырья для производства тканей доставлялась туда из других, порой весьма отдаленных мест. В дальнейшем эта относительная самостоятельность хозяйственного развития, ее сравнительная независимость от естественного географических условий стала сказываться еще больше. Наиболее яркий пример этого применительно к позднему средневековью — сравнение природных условий и экономики Испании и Нидерландов. Последние не обладали ни достаточным количеством земель, ни какими-либо полезными ископаемыми, однако нидерландская промышленность эпохи разложения феодализма заняла ведущее место в Европе. И наоборот, трудно подыскать более богатый природными ресурсами район, чем Пиренейский полуостров, но промышленность Испании при Габсбургах находилась в полном запустении. Тем не менее не следует преувеличивать степень этой «независимости» хозяйства: в тех же Нидерландах экономика (торговля, рыболовство, судостроение) во многом определялась именно географическим положением страны; влияние природного фактора на хозяйственное развитие феодального общества оставалось весьма значительным.

В эпоху феодализма начинается и обратный процесс — воздействие человека на природу, и хотя он носил стихийный характер, последствия его были очень велики. Меняется флора и фауна, речная система сообщений дополняется искусственными каналами, люди отвоевывают землю у моря, и вообще ландшафт континента постепенно приобретает иной вид.

В извечной борьбе средневекового человека с природой особенно показательна деятельность по осушению болот. Массовое наступление на болота начинается в эпоху развитого феодализма. Так, процесс внутренней колонизации в Англии выражался, в частности, в освоении болотистых земель. В XII—XIII вв. большие массивы земли были отвоеваны у болот в Восточной Англии, Соммерсетшире, Суссексе, Кенте. В соммерсетских болотах

к началу XIV в. от трети до половины заболоченной территории было превращено в пашню, в районе норфолкских маршей было осушено около 30 тыс. акров земли. Еще большего успеха достиг этот процесс в Северной Италии, в частности в Ломбардии, где уже в XIII в. болота почти полностью исчезли. В целом это было только начало активной борьбы по осушению низин; она растянулась на много столетий и не всегда завершалась успехом. В XV—XVI вв., например, неоднократно предпринимались попытки освоения Агро Романо, но новые поселенцы спустя какое-то время, как правило, бежали с этих мест, не будучи в состоянии вынести тягот каторжного труда и малярийного климата. Знаменитые Понтийские болота, протянувшиеся на 30 км в окрестностях Рима и питавшиеся сточной водой Альбанских и Вольских гор, вплоть до конца XIX в. так и оставались источником малярийной опасности, постоянно угрожавшей «Вечному городу».

Влияние физико-географических условий на развитие общества было самым разнообразным — прямым и непосредственным, как это чаще всего случалось в хозяйственных вопросах (условия для земледелия или скотоводства, наличие полезных ископаемых и т. д.), опосредованным (воздействие на политическую историю, складывание определенного уклада быта, материальной культуры и пр.). Это влияние прослеживается на многих сторонах жизни общества. В раннее средневековье, например, оно сказалось на Великом переселении народов. Не исключено, что одной из причин, способствовавших передвижению германских племен с Балтики на юг Восточной Европы, было изменение климатических условий в том регионе. Та же причина, по мнению иных авторов (усыхание закаспийских степей и увлажнение южнорусской зоны), вызвала передвижение кочевых народов Азии в Северное Причерноморье. Потепление климата, сделав более доступными карпатские и альпийские перевалы, облегчило многочисленные набеги германцев, гуннов, аваров, венгров на территорию Западной Европы. Отступление льдов создало благоприятные условия для походов викингов в Исландию, Гренландию и Америку. Физико-географические особенности наложили отпечаток и на политическую историю. Отдаленность и труднодоступность территории способствовали длительному сохранению политической независимости отдельных народов —

басков, шотландцев, ирландцев — или приобретению ими государственной самостоятельности — швейцарцы. Суровость или ограниченность окружающей территории помогла выработке отличных мореходных качеств у жителей прибрежных областей — скандинавов, генуэзцев, далматинцев, населения Бискайского побережья Пиренейского полуострова, придав, в свою очередь, своеобразные черты их хозяйству, быту и политической истории. Географические условия определили направление и характер внутренней колонизации во многих странах (наступление на лес и горы во Франции, на лес и болота в Англии). В более позднее время природные факторы часто создавали возможности для той или иной хозяйственной специализации отдельных территорий, например перегонное скотоводство внутренних областей Испании или горно-приморских комплексов Италии и Южной Франции. На протяжении всего средневековья удобство географического расположения было неперенным условием торговой активности любого крупного города. Количество подобных примеров можно было бы увеличить до бесконечности, однако и эти достаточно ярко подтверждают, сколь многообразно и порой сложно было воздействие окружающей среды на особенности исторического развития каждой области. В целом, несмотря на ограниченность воздействия природно-географического фактора, его влияние на специфику общественного развития феодальной эпохи было весьма и весьма значительным.

Однако определение степени этого воздействия требует конкретного анализа каждого отдельного случая, исследования всей совокупности причин, влиявших на особенности исторического развития данной территории.

**Физико-географическое
районирование
Западной Европы**

Понятие «Западная Европа» имеет скорее историческое, чем географическое содержание: под собственно Западной Европой

в зарубежной географии (а в последнее время частично и в советской) подразумевается лишь самая западная окраина континента с четко выраженным океаническим климатом, т. е. приморская Франция и Британские острова. Районируя континент, географы обычно оперируют терминами «Южная», «Северная», «Средняя» Европа, имея в виду под ними Средиземноморье, Скандинавию и континентальную часть материка. Что же касается деления Европы в широтном направлении, то оно

условно и основывается на чисто внешних признаках — политических границах: европейская часть СССР и зарубежная Европа (иногда в широком, ненаучном смысле называемые Восточной и Западной Европой); никаких серьезных оснований для выделения Западной Европы в отдельный естественноприродный регион в современной физической географии не существует. Поэтому термин «Западная Европа» в географии носит условный характер.

В соответствии с университетским курсом истории западноевропейского средневековья в нашем пособии к Западной Европе мы относим территорию основных стран западноевропейского феодализма — Франции, Англии, Империи, государств Апеннинского и Пиренейского полуостровов. Наше содержание термина «Западная Европа» значительно уже, чем используемое географами «Зарубежная Европа», — в него не входят славянские страны, изучаемые в курсе истории южных и западных славян. Другие страны Европейского континента, не принадлежащие к этому территориальному «ядру», хотя и входящие в программу курса западноевропейского средневековья, такие, как Венгрия, Балканские и Скандинавские государства, затрагиваются нами лишь частично, в той мере и в тех вопросах, когда их средневековая история и география были тесно связаны с историей и географией основных стран западноевропейского феодализма. Так, например, о Скандинавии речь идет главным образом применительно ко временам викингов и к периоду позднего феодализма (политическая география эпохи Тридцатилетней войны, добыча полезных ископаемых). Таким образом, термин «Западная Европа эпохи феодализма» понимается нами сравнительно узко, но и в то же время в соответствии с его содержанием в эту эпоху.

Европа занимает западную оконечность Евразийского материка. Это один из самых расчлененных по береговой линии континентов: четверть его площади приходится на полуострова. Рельеф Европы чрезвычайно разнообразен — от впадин, лежащих ниже уровня Мирового океана (некоторые районы побережья Северного и Балтийского морей), до областей вечных снегов. Однако в целом континент не принадлежит к гористым: около 60% его территории ниже 200 м над уровнем моря и лишь 1,5% — выше 2000 м. Специфической чертой европейского рельефа является его мозаичность: в нем мало больших ком-

пактных массивов, и расположенные рядом области нередко отличаются большим своеобразием. Крупнейшие горные системы континента расположены преимущественно в широтном направлении, поэтому они не являются серьезными преградами для масс атлантического воздуха. Воздействие Атлантики на климат, растительность, водную систему и другие физико-географические компоненты значительно, особенно в западной части континента. Все эти моменты, выгодно отличающие Европу от остальных материков земного шара (относительная мягкость климата, разнообразие природных условий в рамках небольших регионов, удобная береговая линия и пр.), играли немалую роль в те времена, когда развитие общества во многом зависело от природных факторов.

В данном пособии не дается подробная физико-географическая характеристика Западной Европы: существуют многочисленные пособия по современной физической географии этого района; что же касается отличий ее в средние века от современной, то этому посвящен специальный раздел работы. Здесь же мы остановимся лишь на суммарной характеристике отдельных районов западноевропейской территории.

Районирование зарубежной Европы — одна из сложных и дискуссионных проблем современной географической науки. До недавнего времени в советской географии господствовала точка зрения, наиболее четко выраженная в работах Б. Ф. Добрынина, по которой на территории зарубежной Европы выделялись три главные «части» — Южная, Средняя и Северная; они дробились на 13 крупных областей, состоящих из более чем 90 подобластей; многие подобласти подразделялись, в свою очередь, на районы. В последнее время в географической практике утверждается еще более дробное деление, положенное в основу физико-географического атласа мира; по нему на территории зарубежной Европы выделяется более 700 регионов, в основном районов и подрайонов. Естественно, что столь подробное деление не может быть рассмотрено нами; мы дадим характеристику лишь отдельных наиболее крупных регионов Западной Европы.

На территории современной Франции выделяется в первую очередь Парижский бассейн — обширная равнина Центра, Севера и Северо-Востока Франции, постепенно повышающаяся к югу и востоку. Она охватывает земли Иль-де-Франса, восточной части Нормандии, Пикар-

дии, Шампани, а также пограничных Фландрии и Лотарингии. Эти области отличаются пересеченностью рельефа и разнообразием ландшафтов: холмистые гряды из песчаника, и сейчас местами покрытые широколиственными и сосновыми лесами, чередуются с обширными равнинами, сложенными из бурых почв, и с широкими речными долинами, утопающими в зелени садов, виноградников и огородов. В рамках каждой области здесь можно наблюдать значительные различия. Так, северо-западная часть Шампани — «сухая Шампань» — представляет собой малоплодородное плато шириной около 60 км, используемое главным образом под пастбища; к юго-востоку от него расположена 20-километровая полоса «влажной Шампани», ранее лесисто-болотистой области; сейчас же район интенсивного развития сельского хозяйства, знаменитый центр виноградарства. На севере и востоке Шампань примыкает к лесистым Аргоннам, отделяющим ее от Лотарингии, возвышенного плато с умеренно влажным, имеющим континентальный оттенок климатом. Лотарингия ограничивается с юга Вогезами (высшая точка 1400 м), имеющими разнообразные ландшафтные зоны — от горных лугов до земледельческих речных долин, а с севера — невысокими (около 600 м) Арденнами, за которыми простирается равнинная Фландрия. Столь же разнообразен пейзаж западной части Парижского бассейна. На юго-западе он сливается с низменностью Нижней Луары (и граничащей с ней с юга Вандеи), на северо-западе — с Восточной Нормандией, двумя важными земледельческими районами; разделяет же их Нормандская возвышенность. Климат Парижского бассейна чрезвычайно благоприятен для земледелия: мягкие зимы в среднем с плюсовой температурой, равномерные осадки, отсутствие резких колебаний, присущих как континентальному, так и океаническому климатическому типу. Этот район обеспечен сравнительно густой сетью достаточно полноводных рек: Сена с ее притоками (Ивонна, Марна, Уаза), реки бассейна Рейна — Саар, Мозель, Маас, правые притоки Луары, Сомма, верхнее течение Шельды. Все эти обстоятельства сыграли немалую роль в истории района, выдвинув его в средневековье в число наиболее развитых земледельческих районов феодальной Европы.

Другая крупная равнинная область Франции — Аквитанская низменность (Аквитанский бассейн) — рас-

положена между морем, Пиренеями и Центральным Французским массивом; на севере она смыкается с Вандеей. Это холмистая равнина, постепенно повышающаяся к югу (плато Арманьяк и Лангезан) и востоку (плато Кос и Лимузен). На западе береговая линия от Байоны до устья Гаронны — одна из самых прямолинейных в мире. Она сложена из песчаных дюн (высотой до 100 м), ранее покрытых лесом, но уже в средневековье лес был истреблен, в связи с чем море постоянно наступало на сушу (со скоростью до 25—30 м в год) и поглощало прибрежные поселения. За дюнами тянутся Ланды — заболоченная плоская низменность, покрытая в основном вереском и пригодная лишь для скотоводства. Главным сельскохозяйственным районом бассейна является Гароннская низменность; земли, лежащие в эстуарии Гаронны (Жиронда), образуют известную область виноградарства (Медок). К востоку Гароннская низменность повышается, переходит в приподнятую равнину, перерезанную множеством широких речных долин (область Тулузы), а затем в приморскую часть Лангедока. Этот проход (между Тулузой и Каркассоном) уже с древности являлся важным путем связи между землями Средиземноморья и Атлантического побережья. Климат Аквитании теплый и влажный, в западной части особенно благоприятный для виноградарства, в восточной — для земледелия. Вместе с тем на основной части области условия более пригодны для скотоводства, особенно перегонного типа.

В целом равнины занимают около $\frac{2}{3}$ поверхности современной Франции. Кроме двух названных равнинных бассейнов выделяются также еще Приморский Лангедок и долина Роны. Нижний Лангедок — типичная средиземноморская область с мягкой зимой и сухим жарким летом. Побережье Лионского залива — наносная песчаная низменность с многочисленными озерами и лагунами, мало пригодная даже для каботажного судоходства: за прошедшие столетия береговая линия выдвинулась далеко в море и многие бывшие порты превратились в города, лежащие вдали от побережья. Далее к северу идет широкая полоса холмов, покрытых плантациями виноградарства и маслиновыми рощами. На востоке, отделяя Центральный массив от Альпийской Франции, с юга на север тянется более чем на 300 км довольно широкая ложбина с долиной Роны. Дельта реки — заболоченная низменность, но севернее Рона протекает в широкой

пойменной долине, сплошь занятой культивируемыми землями. Севернее Лиона и почти до областей Дижона и Безансона Сона также на протяжении почти 200 км течет по широкой плодородной долине. Этот естественный проход, связывающий Средиземноморье с окраинными областями Парижского бассейна, оказывает значительное влияние на природу окружающих земель: элементы средиземноморской флоры по долине проникают довольно далеко к северу; в свою очередь, с севера в приморские области часто дует холодный сухой ветер, «мистраль», настоящий бич виноградарей Южной Франции.

Значительная часть территории возвышенной Франции приходится на долю Центрального Французского массива (средняя высота около 750 м). Это один из самых компактных горных массивов Европы. Он постепенно понижается к северу и западу; на востоке же и юге его склоны обрываются круто, на юго-востоке из долины Роны эти сбросовые края имеют вид внушительного горного хребта, получившего особое название — Севенны. Центральная, наиболее возвышенная часть массива — Овернь — чрезвычайно разнообразна по своему ландшафту. Здесь наряду с крутыми бесплодными вершинами, достигающими высоты 1500—1800 м, каменистыми плато, пригодными только для скотоводства, отдельными склонами, заросшими разными лесными породами и вереском, часто встречаются плодородные плоскогорья, котловины и речные грабены, в которых процветает земледелие и огородничество. Северо-восточную часть Центрального массива занимает плато Морван, пересеченное рядом невысоких (около 1000 м) горных хребтов — Лионне, Божоле, Маконне и др. Этот район обладает мягким климатом и также благоприятен для земледелия. Морван на севере постепенно снижается в плоскогорье Лангр, доходящее почти до Труа и Шампани. На северо-западе Центральный массив переходит в наклонное гранитное плато Лимузен, местами поросшее лесом и имеющее влажный и прохладный климат. Юго-запад массива занимает плоскогорье Кос — безлесное засушливое плато с бесплодными известняковыми почвами и редкими поселениями; в средневековые жители этих мест занимались преимущественно перегонным скотоводством.

Значительно меньше по размерам и высоте (даже горные кряжи не превышают 300 м) Армориканский массив, составленный тремя возвышенностями — полуострова

Бретань, Котантен и Нормандская возвышенность. Климат здесь мягкий, но ветренный и дождливый, часты туманы. Для земледелия, главным образом огородничества, используются долины, а также защищенные места морского побережья. Берега высокие и крутые, часто обрушивающиеся в море. Здесь самые высокие в Западной Европе приливы; у побережья множество островов, крупнейшие из которых Нормандские. Население по преимуществу концентрируется по побережью; рыболовство издавна составляет одно из основных его занятий.

К востоку от долины Роны простирается Альпийская Франция, занимающая западные склоны Западных Альп и широкую полосу средневысотных гор и плоскогорий — Предальп (Предальпы Прованса, Предальпы Дофине, горный массив Юра). Для Предальп и предгорий Прованса типичны черты средиземноморского ландшафта и климата, как, впрочем, и для южных отрогов Западных Альп (Приморские Альпы). Севернее картина резко меняется: высокогорный пояс расширяется более чем на сотню километров (Савойские Альпы), горы достигают максимальных для Европы высот (Монблан, Пельву), соответственно повышается и пояс Предальп (Предальпы Дофине). Климат становится влажным; средиземноморское влияние исчезает вообще; ландшафт внизу и в глубоких речных долинах по преимуществу лесистый, выше простираются альпийские луга, еще выше — ледники и вечные снега. На широте Лиона и Верхней Роны Альпы резко поворачивают на северо-восток; между ними и Юрой располагается Швейцарское плоскогорье. Юрские горы (высотой до 1700 м) пересечены множеством плодородных речных долин, богаты лесом и характеризуются гораздо более мягким климатом, чем области собственно Альп; здесь благоприятные условия для развития виноградарства, садоводства, зернового и лесного хозяйства, скотоводства, это наиболее цветущие районы Бургундии (бывш. Франш-Конте).

На юго-западе Франции возвышаются Пиренеи. Французские склоны их более круты, чем южные, испанские. В хозяйственном отношении эта область характеризуется преимущественно скотоводством, но пастбищ не так уж много.

На восток от Франции Средняя Европа имеет ступенчатый рельеф, постепенно повышающийся к югу. Северную часть ее занимает Среднеевропейская (Северогер-

манская, Польско-германская) равнина, простирающаяся вдоль берегов Северного и Балтийского морей более чем на тысячу километров. Само побережье низменное, топкое, наносного типа; вдоль его на отдельных участках идет полоса дюн. Далее к югу расположены марши и польдеры, бывшие участки морского дна, осушенные человеком или высохшие естественно, после образования дюнного барьера; это плодородные илистые земли, занятые огородами, садами, лугами. Однако большую часть площади западной части Среднеевропейской равнины (в Голландии, например, около 60%) составляют малопродуктивные песчаные почвы и заболоченные торфяники; среди них наиболее известна Люнебургская пустошь в междуречье Везера и Эльбы. К востоку картина меняется: поверхность постепенно повышается, почвы становятся более плодородными. Меняется и климат, постепенно переходя из океанического в умеренно-континентальный. В этой ландшафтной картине несколько особняком стоит Ютландия с ее холмистой поверхностью, высокими обрывистыми берегами на севере и востоке полуострова и повышенной влажностью, особенно в западной части полуострова.

К югу от Среднеевропейской равнины простирается система средневысотных гор и равнинных плато. На западе они поднимаются далеко к северу, сужая полосу Среднеевропейской равнины почти до сотни километров; на востоке низменность расширяется к югу более чем на 400 км, соответственно тесня горы. Западные горы расположены в основном в бассейне Рейна. Здесь по обе стороны от Верхнерейнской низменности тянутся два хребта-близнеца — Шварцвальд и Вогезы (около 1400—1500 м), лесистые массивы с меняющимся по высоте типом хозяйства: внизу сады и виноградники, выше посевы зерновых культур, еще выше — луга. Сама Верхнерейнская низменность представляет собой широкую речную долину (около 40 км) с плодородными лессовыми почвами и мягким климатом. Здесь много виноградников, садов, огородов, возделываются самые разнообразные полевые культуры; это один из древнейших земледельческих районов материковой части Европейского континента. Велико историческое значение этого района и как места пересечения природных путей, соединяющих юг и север (по Рейну), восток и запад (проход по плодородной Гессенской равнине между Шварцвальдом и Рейн-

ским Сланцевым массивом) континента. Севернее, после слияния с Майном, Рейн поворачивает на северо-запад и пересекает Рейнские Сланцевые горы — лесистое сырое плато, аналогичное французско-бельгийским Арденнам. Массив этот, сложенный из каменистых почв, невысок (400—800 м) и постепенно понижается к северу. Рейн в этих местах образует узкую живописную долину с высокими и обрывистыми берегами, теплый и сухой климат которой резко контрастирует с сырым прохладным климатом окружающих плато и горных кражей (Таунус, Эйфель и др.).

Как уже говорилось, на востоке горы отступают к югу. Здесь наиболее крупный массив — Чешская (Богемская) возвышенность, окаймленная горами: с севера Судетами (западная часть их носит название Рудные горы), на юго-западе — Баварским лесом. На юго-востоке массива расположены относительно невысокие (до 800—900 м) Чешско-Моравские Высоты, естественный проход между Карпатами и Судетами (Моравские Ворота), традиционный путь многих племен эпохи Великого переселения народов. Горные хребты этой области имеют сглаженные вершины, редко достигающие до 1200—1500 м, склоны их пологи и покрыты лесом, климат здесь влажный. Ландшафт массива в целом мозаичный, что связано с частым чередованием холмов, равнин и возвышенностей и наличием множества районов со своим микроклиматом.

Между Богемским массивом и Рейнскими Сланцевыми горами расположен Тюрингенский бассейн — невысокая область, составленная из разнообразных нагорий, кражей, котловин и пр. На севере ее ограничивает Гарц (до 1100 м), постепенно понижающийся к востоку. Это Гослар и Мансфельд — район традиционной добычи цветных металлов (серебро, медь). Южную границу бассейна составляют Тюрингенский и Франконский лес. Еще дальше к югу простирается Швабско-Франконский бассейн, ограниченный верхним течением Дуная. За Дунаем начинается Баварское плато (Швабско-Баварское плоскогорье), лесистый массив, постепенно повышающийся к югу, с относительно сухим и континентальным климатом. По рельефу с ним сходно лежащее к юго-западу Швейцарское плоскогорье, однако климат там более мягкий и влажный. Здесь много озер (крупнейшие из них — Женевское и Боденское — как бы замыкают плато с юго-запада и северо-востока), на берегах которых почвы и

климат особенно благоприятствуют земледелию, садоводству и виноградарству.

Альпы — крупнейшая горная система Западной Европы. Они тянутся более чем на 1200 км от Лигурийского моря до Среднедунайской низменности в виде дуги, наиболее резкий изгиб которой находится в районе массива Монблан. Монблан вместе со Швейцарскими Альпами составляет самую высокогорную область Альп. Западные Альпы значительно выше, чем Восточные, но менее широки (около 150 км), перевалы здесь обычно расположены на высоте более 2000 м. Ландшафт типично горный, сменяющийся в высотной последовательности: пояс лесов, поднимающийся примерно до 1800—2000 м над уровнем моря, затем горные луга и с высоты около 2500—3000 м — вечные снега.

Южные склоны Альп обрывисты и довольно резко переходят в Паданскую (Ломбардскую) равнину, ограниченную с юга Северными Апеннинскими горами; на востоке она расширяется и охватывает почти все северное побережье Адриатического моря. Почвы Паданской низменности наносные, чрезвычайно плодородные, ее пересекают довольно полноводные реки (Брента, Адидже, Рено, По с многочисленными притоками), климат здесь мягкий, без особых контрастов. Еще в раннее средневековье эта область была густо покрыта лесами, но их истребление привело к тому, что в XIII—XIV вв. ландшафт ее стали составлять главным образом кустарники. Восточная часть равнины всего на несколько метров возвышается над уровнем моря; она имеет заболоченный характер, здесь много лагун; наносная деятельность рек постепенно отодвигает границу суши и моря все дальше на восток.

Основную часть полуострова занимают Апеннинские горы. Это средневысотные горы, местами, однако, поднимающиеся до 2000—3000 м. Нижний их пояс занят виноградниками, садами, выше размещаются посевы зерновых, а вершины, как правило, используются для скотоводства. К цепи Апеннин примыкают плоскогорья Ласила (в Калабрии), Гаргано (на одноименном полуострове, вдающемся в Адриатику) и Ле-Мурдже (Апулия). Цепь Апеннин в северной своей половине отклоняется к востоку, образуя на западе полуострова ряд областей, постепенно понижающихся к побережью Лигурийского и Тирренского морей. Это Тоскана, Лацио, Кампанья, сочетающие разнообразный рельеф: от горных краев и хол-

мистых предгорий до заболоченной приморской низины (маремма). В южной части полуострова Апеннины отклоняются к западному побережью, и здесь равнины примыкают к Адриатике: Тавольере (к югу от массива Гаргано, одно из наиболее засушливых мест полуострова) и сухое равнинное Салентинское плато.

От Апеннинского полуострова значительно отличается другой крупный полуостров Средиземноморья — Пиренейский. Он высок (средняя высота над уровнем моря около 660 м), массивен и не обладает изрезанным морским побережьем, климат его во многих внутренних районах имеет континентальный оттенок. Основную часть полуострова (около 60% его территории) занимает Месета, обширное нагорье, состоящее из Старо-Кастильского и Ново-Кастильского плоскогорий, разделенных Центральной Кордильерой. В целом Месета представляет собой высокое ровное плато, поросшее кустарником, а иногда даже полупустыню (Ла-Манча), с довольно суровым климатом и скудными почвами. Оно окаймлено горными хребтами — на юге Сьерра-Морена, на северо-востоке Иберийские горы. Однако основная часть гор полуострова расположена по его периметру — Андалузские на юге, Каталонские на северо-востоке и огромная цепь Пиренейских и Кантабрийских гор на севере. Север и запад полуострова обычно называют «влажной» Испанией; климат здесь океанический, переходный от субтропического к умеренному. На северо-западе полуострова выделяется Галисийский массив, занимающий территорию Галисии и соседних районов Португалии (до Тахо на юге), — сильно расчлененное долинами и котловинами плоскогорье с отдельными хребтами — сьеррами. К востоку от Галисии расположена Астурия, занимающая западную часть Кантабрийских гор. Холмистое и террасовое побережье Астурии густо заселено; здесь возделывают сады и огороды; климат мягкий и менее влажный, чем в соседних областях. Восточная часть Кантабрийских гор (страна басков) более пологая и менее высока, чем западная, но ее холмистое побережье во многом напоминает астурийский берег. Далее на восток простираются Пиренеи, которые, уступая по размерам и высоте Альпам, по массивности и труднодоступности, пожалуй, превосходят их: только узкие проходы по берегам Средиземного моря и Бискайского залива достаточно удобны для связи с континентом. Между Пиренеями, Иберийскими и Ката-

лонскими горами лежит Арагонская котловина, занимающая бассейн реки Эбро. Поверхность ее — холмистая равнина, приподнятая к подножью окружающих гор, климат континентальный.

Наиболее обширная равнина Пиренейского полуострова — Андалузская низменность. С севера она ограничена обрывом Месеты — горами Сьерра-Морена, прежде знаменитыми своим серебром, медью и ртутью. У их подножья протекает Гвадалquivир, за которым простирается обширная равнина, постепенно расширяющаяся на юг и запад. Во времена арабов это была наиболее развитая область Испании. Другая исторически развитая территория — Испанский Левант, южная часть восточного побережья полуострова, приморские области Мурсии и Валенсии. Однако, пожалуй, наиболее цветущей областью страны была и остается узкая полоса южного побережья, стиснутая между Андалузскими (Бетскими) горами и морем. Здесь при условии искусственного орошения обилие солнечного тепла создает исключительно благоприятные условия для возделывания садов, виноградников, плантаций сахарного тростника, цитрусовых и других культур. Субтропический климат и соответствующая флора характерны также и для части Португальской низменности.

Британские острова являются своего рода северо-западной оконечностью континента (Великобритания окончательно отделилась от материка только после последнего обледенения); так, гористый Корнуэлл соответствует Бретани, гряда Даунс имеет своим продолжением возвышенность Артуа, а Лондонский бассейн во многом напоминает Парижский бассейн. Наиболее возвышенная часть острова Великобритания — север и запад. Здесь расположены Северо-Шотландское и Южно-Шотландское нагорья, разделенные Шотландской низменностью, Пеннинские горы и Кемберлендский массив, Кембрийские горы (Уэльс). Это в основном сглаженные горы, редко превышающие 1000 м. Юг и восток страны — это всхолмленные равнины, часто объединяемые под общим названием Лондонский бассейн. Его пересекает ряд холмистых гряд (Даунс, Чилтерн, Котсуолд) высотой до 300—320 м. Из равнинных областей (Честер, Мидленд, Гемпшир, равнина Темзы) особенно выделяется Феннланд, плоская и топкая низменность к югу от залива Уош, состоящая из глинистых почв и торфяников. Вообще болота,

торфяники, вересковые пустоши на острове занимают значительные территории (в Уэльсе около $\frac{1}{3}$, в Шотландии свыше $\frac{2}{3}$ земель); во многом это объясняется избыточной влажностью: климат островов типично океанический, и по количеству атмосферных осадков Британские острова принадлежат к числу наиболее влажных стран Европы.

Такова в самых общих чертах физико-географическая характеристика отдельных наиболее крупных областей Западной Европы. Сравнение этих природных регионов с политическими образованиями, существовавшими на территории Западной Европы в эпоху феодализма, приводит к интересным выводам.

Государства рабовладельческой эпохи, как известно, в основном были небольшими по размерам, и их границы во многом определялись физико-географическими рубежами (горы, реки и т. п.). Иную картину мы наблюдаем в средневековье. Размеры государственных объединений феодальной эпохи значительно увеличиваются и некоторые из них (Англия, Франция, Испания, Швейцария, Португалия) к концу средневековья принимают очертания, близкие к современным. Однако главное отличие политических образований феодального общества от государств античности заключается в том, что в средневековую эпоху политические границы уже не определялись в такой степени географическими рубежами, как это было ранее. Это относится почти ко всем крупным политическим объединениям Западной Европы — Империи, Франции, Испании и Португалии, Бургундии, Папской области и др. С этой точки зрения особенно показательны границы Португалии: северная ее часть и Галисия представляют единый природный регион, однако они входят в состав разных государств. Несовпадение естественных и политических границ характерно и для большинства других более мелких исторических областей континента. Возьмем, например, Нормандию. Средневековая Нормандия включала в свой состав северную часть Нормандской возвышенности и широкую полосу равнин (от полуострова Котантен на западе до земель к востоку от устья Сены); никаких естественных рубежей на границах этой области не существовало. Даже в тех случаях, когда в основе исторической территории лежал какой-либо природный регион, границы их, как правило, не совпадали; так, Бретань как политическое объединение выходила за

пределы полуострова и включала в себя на востоке часть Нормандских высот, а на юге захватывала земли по обе стороны нижнего течения Луары. Та же тенденция характерна для Французской Бургундии, Арагона, Баварии, Австрии и многих других исторических областей средневековья.

С этой точки зрения очень показательна роль рек как политических рубежей в средневековье. В предыдущие эпохи реки, особенно крупные, чаще всего выступали в качестве естественной преграды, разделяющей разные народы и государства. Именно такие функции выполняли в дофеодальные времена Рейн и Дунай, Сена (разграничивавшая земли белгов и галлов), позже — Эльба и другие реки. Но уже на протяжении средневековья складывается иная функция рек — объединительная, способствующая собиранию в единое политическое целое земель, находящихся в бассейне данной транспортной артерии. Более или менее крупные политические объединения средневековья, как правило, располагались по обоим берегам крупных рек, протекающих по их территории. Так, на Верхнем Дунае мы видим герцогства Баварское и Австрийское, по Одеру — Померанию, Бранденбург и Силезию, на Сене — графство Шампань, земли королевского домена, герцогство Нормандия, по Луаре — графства Форец, Бурбон, Невер, Орлеан, Блуа, Анжу, герцогство Бретонское; все они занимают как лево-, так и правобережье этих рек. Сходная картина наблюдается практически на всех крупных реках феодальной Европы.

В целом сравнение исторических (политических) и природных (географических) областей средневековой Западной Европы очень показательно. Оно говорит о том, что, хотя в основе исторических областей феодальной эпохи лежат природные регионы, прямой зависимости между географическими и политическими факторами, характерной для предыдущих эпох, уже не существовало.

Отличительные черты физической географии средневековья

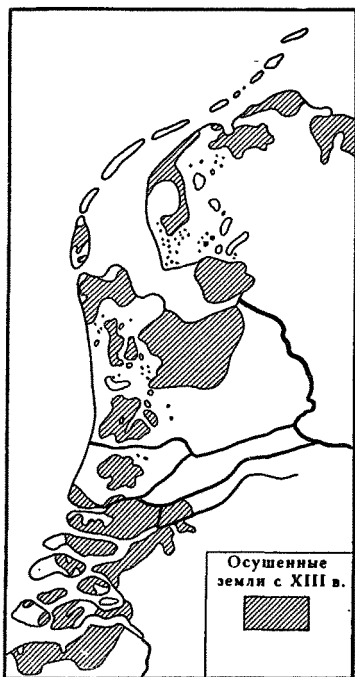
В целом физическая география средневековой Западной Европы (рельеф, реки, климат, растительность и т. д.) принципиально не отличалась от современной. Однако, несмотря на значительное сходство, мы можем найти и некоторые отличия, сложившиеся на протяжении более тысячи лет господства феодальных отношений.



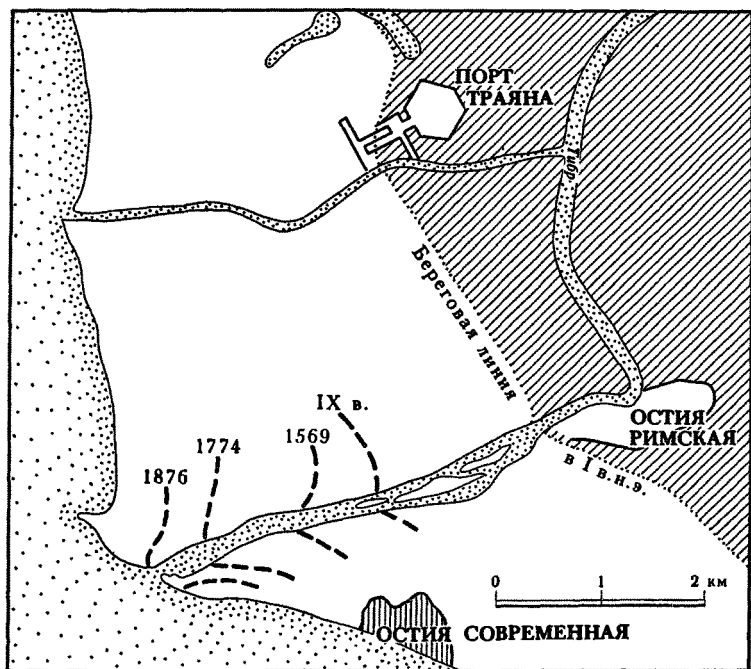
Возникновение залива Зейдер-Зе

Хотя рельеф Европы за последние тысячелетия подвергся наименьшим изменениям, контуры береговой линии континента в отдельных местах изменились довольно значительно. Данные естественных наук показывают, что в связи с относительной мягкостью нашей геологической эпохи уровень вод Мирового океана постепенно повышается. По вычислениям последних лет средняя скорость этого подъема приблизительно равна 1 мм в год, т. е. метру в тысячелетие.

Правда, эти данные применимы далеко не ко всем районам земного шара, но в Атлантическом регионе они, вероятно, близки к действительности. Во всяком случае остатки многих римских и греческих поселений, сейчас полностью или частично ушедших под воду, подтверждают это. Так, например, современный Амальфи в раннее средневековье — крупный центр морской торговли Средиземноморья; сейчас этот город занимает лишь часть средневековой территории, основная ее часть находится под водой. Другим примером является судьба бывшего озера, а теперь морского залива, Зейдер-Зе, отделяющего провинцию Северная Голландия от Западной Фрисландии. Еще в римскую эпоху морское побережье этих облас-



Изменение береговой линии Северного моря в районе Нидерландов



Изменение береговой линии в устье Тибра за последние два тысячелетия

тей представляло собой ровную линию, а на месте современного залива находилась суша. Крупнейшее озеро, лежащее в этой местности, соединялось с морем одним из восточных рукавов Рейна. Постоянный приток морской воды во время частых штормов и наводнений расширил территорию этого озера, и в конце XIII в. оно постепенно превратилось в морской залив. В XIV столетии размеры его резко увеличились, и внутри нидерландских земель образовалась обширная морская акватория. Непосредственной причиной всех этих явлений было относительное потепление Арктики, достигшее своего максимума в XIII в., когда даже Гренландия оправдывала свое название «зеленого» острова.

Вместе с тем во многих местах Европейского побережья шел и обратный процесс — наступление суши. Ча-

ще всего это было вызвано подъемом отдельных участков земной поверхности, наносной деятельностью рек или, начиная с развитого средневековья, трудовой деятельностью человека. Последнее, например, характерно для Нидерландского побережья. Иногда эти изменения накладывали существенный отпечаток на географию эпохи; так, некоторые южно-французские города (Нarbonна, например), еще в раннее средневековье стоявшие на берегу моря, к концу феодальной эпохи были отделены от него значительной полосой суши и перестали быть портами. Римские порты Равенна и Аквилея

также превратились в сухопутные города, причем особенно велики были изменения в районе Равенны. Здесь в результате речных наносов береговая линия отодвинулась на несколько десятков километров и контуры северо-западной части Адриатики в корне изменились. Немалым изменениям подвергалась также береговая линия озер, меняли свои русла и многие реки (особенно на Пиренеях). Впрочем, более точное установление характера всех этих изменений требует комплексного изучения каждого конкретного случая.

Остальные элементы рельефа не подверглись серьезным колебаниям, хотя, конечно, и здесь имели место некоторые перемены. Примером этого может служить судьба Феннланда (Северо-Восточная Англия), дважды на протяжении средневековья (в начале V и второй четверти XIII в.) испытавшего понижение суши; в результате этого колонизованная в римскую эпоху область превратилась в безлюдную заболоченную низменность. Постепенно опускалось также и морское побережье Нидерландов.

Очень сложно определение климатических колебаний прошлого. Как и в современную эпоху, в средние века

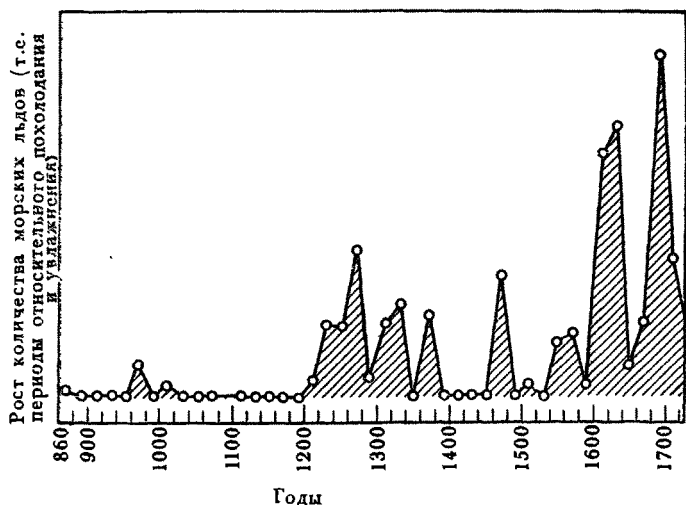


Северо-западное побережье Адриатики в античности и в настоящее время; пунктиром показаны современная береговая линия и современное течение рек

на территории Западной Европы существовало несколько климатических регионов — скандинавский, средиземноморский, континентальный и т. д., — обладавших значительными особенностями. Так, например, Южная Европа и тогда характеризовалась влажной зимой и засушливым летом (средиземноморский климат). Но вместе с тем в этих рамках наблюдались серьезные отклонения. В Сицилии, в частности в мусульманскую эпоху, произрастали финики, водились верблюды, в Испании — львы.

Для определения климата прошлого существует несколько методов: гляциологический (по изменению ледяного покрова гор), дендрохронологический (по ежегодным кольцам деревьев), астрофизический (связь с солнечным излучением) и др. Но результаты их, как правило, очень неопределенны; так, астрофизики выделяют циклы солнечных колебаний в 11, 22½, 37, 83, 300 лет, причем средняя разница температуры внутри этих циклов не превышает десятых долей градуса. Такие же неопределенные сведения чаще всего содержат и письменные источники, так как выражения типа «жаркое лето» или «холодная зима» не могут служить базой для точных выводов.

Однако историка-медиевиста интересуют не только общие колебания климата; для него представляют большую важность именно те климатические характеристики, которые влияют на урожайность сельскохозяйственных культур, — ведь именно она в известные эпохи во многом определяла различные стороны жизни феодального общества. В целом на Европейском континенте можно выделить три основные сельскохозяйственно-климатические зоны: южную (Средиземноморье), северную (Скандинавия, северные острова) и умеренную, континентальную. В каждой из них на урожайность оказывали влияние разные факторы, но для первой решающим были осадки, для второй — температура, для третьей же одинаково важную роль играли оба эти момента. Естественно, что воссоздать полную картину средневекового климата и его влияния на урожай практически невозможно; мы можем лишь в общих чертах определить, были ли данные годы благоприятны или же они препятствовали земледелию. Причем уже априорно, исходя из общего знакомства с аграрным развитием феодальной Европы, можно сделать вывод, что в целом природные условия не слишком благоприятствовали земледелию. Так, ряд



Колебания ледового покрова Атлантики в районе Исландии (IX—XVII вв.)

исследователей полагают, что в раннем средневековье, т. е. в те времена, когда хозяйство крестьянина находилось в наиболее тесной зависимости от погодных факторов, в среднем только один год из трех (а иногда даже из пяти) приносил хороший урожай.

В общих чертах картина колебаний осадков и температуры в средневековой Европе выглядит следующим образом. Первые столетия до и после нашей эры на территории Римской империи были относительно влажными, но в III в. наступает период сравнительной сухости. Затем к VI в. климат снова увлажняется, а в VII—X вв. опять становится сухим. С XI столетия и до конца развитого средневековья влажность резко повышается; особенно дождливой была первая половина XIV в. В эпоху позднего феодализма в Европе относительная влажность сохраняется.

Несколько иной была картина температурных колебаний. В целом эпоха V—XIII вв. характеризуется относительным потеплением по сравнению с предыдущими временами (но, конечно, это не означает, что в эти годы не было отдельных периодов похолоданий, суровых зим, заморозков и т. п.). Максимум потепления приходится на XI—XIII вв.; именно в это время идет интенсивное тая-

ние ледников, создавшее благоприятные условия для скандинавской навигации, колонизации Гренландии и других северных земель. Позже, с XVI в., начинается похолодание, особенно сильное в конце этого столетия; с известной долей преувеличения его иногда называют «малым ледниковым периодом». В это время опускаются границы снежного покрова гор и ледников, смещаются к подножью зоны растительности и средняя температура во внутренних областях континента падает сразу на несколько градусов.

Таким образом, если взять XII—XIV вв., например, то они были благоприятным временем для роста зерновых и других культур в северных районах и в горных местностях континента. Но одновременно эти же факторы (излишняя влажность и жара) были неблагоприятны для созревания посевов в основной части континентальной Европы. И этот факт очень показателен: ведь именно в эти годы (особенно в XIII в.) сельскохозяйственное производство большинства стран Европы достигает своего рода максимума; следовательно, мы можем предположить, что извечная борьба человека с природой начала входить в стадию, при которой общество становится относительно независимым от окружающих его стихийных сил.

Для большей конкретизации картины климата средневековья несколько подробнее охарактеризуем некоторые его хронологические рубежи.

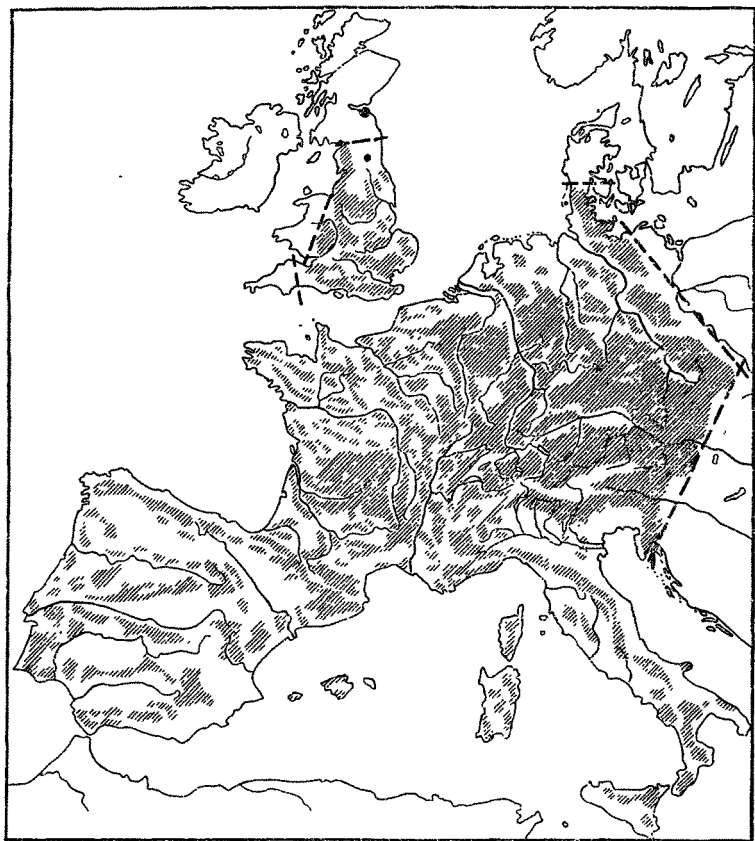
Считается, что в XI в., климат континента в целом напоминал современный, хотя в отдельные периоды температура и была несколько выше. Во втором десятилетии, например, на меридиане Гринвича средняя температура января составляла около $+10^{\circ}\text{C}$. Летом довольно часто шли затяжные дожди, а отсюда — наводнения и паводки: за 110 лет (конец X — начало XII в.) в одной только Франции 27 лет сопровождалось крупными наводнениями. В то же время засухи были относительно редки: за это же время насчитывают всего 9 засушливых лет.

Наибольшими климатическими аномалиями отличались XIII и XIV века. В это время на Балтике и в Северном море преобладает штормовая погода, значительно меняется береговая линия Фризии, Ютландии, Голландии. На побережье Линкольншира, например, разбушевавшаяся стихия смыла в море несколько деревень и

даже небольшой городок. В 1280 г. большой портовый город Уинчелси в Суссексе почти весь был затоплен морем; это же повторилось в 1283 г., и в 1292 г. город пришлось перенести в другое, более безопасное место. С арктических широт потянули холодные ветры; в Исландии и Гренландии ледники сдвинулись к югу, что привело к эмиграции местного населения и упадку гренландских поселений. Начали смещаться обычные маршруты как рыбных косяков, так и рыбацких судов. На континенте резко усилились перепады температур. Летом нередко продолжала стоять жара, зимой же климат стал гораздо суровее: несколько недель и даже месяцев в году держался лед на Темзе, иногда замерзали такие реки, как По, Адидже, Брента, Тибр. Одновременно участились суховеи, и вместе с тем нередко были дождливые холодные лета. Неустойчивость климата была столь велика, что современные летописцы постоянно вспоминают о грядущем «конце света».

Рубеж XVI—XVII вв. характеризуется резким похолоданием на всей территории Европы, особенно в ее континентальной части. На том же гринвичском меридиане температура января падает в среднем до 0°. На значительном протяжении и на большой срок замерзают Рейн, Маас, Шельда, Сена. В Южной Франции за полвека семь раз вымерзали виноградники и оливковые рощи (за все предыдущее столетие это случалось только дважды). Низкие температуры сочетаются с большим количеством осадков, в результате чего зимы переносятся с большим трудом. Холодные снежные зимы дополняют прохладные дождливые лета. Впрочем, последние штрихи этой климатической картины во многом основаны на субъективных lamentациях современников, поэтому некоторые исследователи позднего средневековья не склонны слишком пессимистически относиться к общей оценке климата той эпохи.

Флора Западной Европы со времен средневековья претерпела кардинальные изменения. В начале средних веков на континенте абсолютно преобладал лесной ландшафт. Леса покрывали подавляющую часть территории Англии, Германии, Франции, Испании и даже Италии, где в рабовладельческую эпоху площадь культивируемых земель была относительно велика; Альпы, Апеннины и многие холмистые районы были заняты огромными лесными комплексами. По последним



Лесной покров Западной Европы в раннее средневековье

данным, в раннее средневековье насчитывалось не менее двухсот лесных массивов, каждый размерами в сотни тысяч гектаров. Леса дали имя многим районам континента: Угольный Лес, Богемский Лес, Провинция Сильвана (Чешский Лес), Сильва Лонга (Иль-де-Франс), знаменитый Герцинский Лес, простиравшийся, по словам Цезаря, на сотни километров, и многие другие. Ориентировочно считается, что лесной покров начала средневековья составлял не менее $\frac{3}{4}$ всей площади Западной Европы. Позже, в эпоху развитого средневековья, повышенная влажность климата создавала благоприятные

условия для дальнейшего роста лесов; однако именно в это время начинается процесс сокращения их площади. Основной причиной этого является хозяйственная деятельность людей.

Лес и его продукты играли огромную роль в жизни средневекового человека; по крылатому выражению М. Блока, лес сопровождал крестьянина «от колыбели до гроба». Лес был основным строительным материалом, он давал свет и тепло жилищам, из него изготавливались орудия труда, предметы ремесла и обихода, лесные продукты составляли сырьевую базу разнообразных промыслов: кора деревьев шла на дубление кож, зола использовалась в мыловарении, древесный уголь — в кузнечном деле, из молодых побегов деревьев изготавливались плетни и фашины, незаменимые для ремонта дорог и прочих хозяйственных нужд; упряжь скота, обувь и одежда крестьянина — все это и многое другое так или иначе было связано с лесом. Лес давал и значительную часть продуктов для стола средневекового жителя, причем не только крестьянина, то также горожанина и даже феодала: мясо, грибы, мед, дикие груши и яблоки, ягоды и множество других плодов шло из леса. Особо велика была роль леса как природного пастбища для скота. Свежая листва, молодые побеги, кустарник, желуди, трава перелесков служили основным кормом для многочисленных стад свиней, коз, крупного скота и лошадей, свободно бродивших по окрестным рощам и наносивших им (особенно козы и свиньи) непоправимый ущерб. Хищническое отношение к лесам не могло не отразиться на их размерах; так, в западных областях Германии лесной покров пачал сокращаться уже с VII в., именно тогда начался, по выражению немецких историков, «период великого корчевания». Однако главный удар средневековым лесам был нанесен земледелием эпохи развитого феодализма. Процесс внутренней колонизации, развернувшийся в ту эпоху во всех европейских странах, означал рост посевных площадей в значительной части за счет корчевки, рубки, выжига и других видов сведения леса. Наступление на лес приобретало массовый характер. Документы того времени пестрят сведениями об освоении новых земель, отнятых у леса и кустарника, хуторах и заимках в лесистых районах, основании новых деревень. Так, по подсчетам К. Д. Авдевой, относящимся только к 21 английскому графству,

там в XII—XIII вв. возникло более 3,5 тыс. поселений, носящих «лесные» или родственные им имена. Этот пример тем более показателен, так как возможности внутренней колонизации в Англии до известной степени ограничивались существованием заповедных королевских лесов, занимавших в то время от четверти до трети всей территории страны. В других областях Европы «лесная» колонизация, как правило, шла в более благоприятных условиях и самых широких масштабах; в качестве примера можно вспомнить хотя бы массовые переселения немецких крестьян на восточные земли. Значительный урон лесам нанесли в ту эпоху и возросшие потребности судостроения, городского строительства, расширившиеся масштабы ремесленного производства и зарождающейся промышленности. Достаточно сказать, что в самой Западной Европе мачтовый лес для постройки судов, например, к позднему средневековью практически исчез, и он импортировался из других районов континента (Восточная Европа, Балканы и т. д.).

В результате всех этих процессов лесистый покров континента сократился в несколько раз. Мы не имеем точных сведений о размерах потерь леса в период средневековья, однако некоторые данные позволяют приблизительно представить их масштаб. Почти полностью (за исключением отдельных горных мест) были сведены средиземноморские леса; в результате уже в XVII в. в Италии и Испании типичным видом «лесного» ландшафта стал кустарник. На основной части континента леса сохранились в большей степени. В Германии, например, как полагают современные географы, лесистость страны с XV в. не менялась; сейчас она составляет 20—25% всей территории. Если исходить из того, что современный лесной покров Западной Европы равен приблизительно 22% ее территории и если принять мнение некоторых специалистов о том, что он с XVIII в. почти не менялся (разве только в сторону увеличения за счет новых культурных посадок), то следует признать, что в феодальную эпоху площадь европейских лесов сократилась в 3—4 раза.

Другим следствием средневековой эпохи было изменение характера лесов. В древности в Западной Европе господствовали широколиственные дубово-буковые леса, запимавшие относительно плодородные почвы и обладавшие ценной древесиной. Их уничтожение привело к увеличению удельного веса хвойных пород, и сейчас боль-

шая часть лесного фонда западной части континента состоит из хвойных лесов.

Изменились со времени средневековья и другие виды ландшафта: расширилась зона лесостепи, резко увеличились области, занятые кустарником (особенно в Средиземноморье, но также и на Британских островах).

Значительным изменениям подверглась также фауна континента. Во времена Тацита и в последующие столетия в западноевропейских лесах обитало множество оленей, кабанов, туров, медведей, лосей, зубров, лис, волков и др. Охота на них носила промысловый характер: мясо диких животных являлось одним из основных источников питания населения феодального поместья вплоть до последних столетий эпохи развитого средневековья. Не меньшее значение имело и рыболовство. Безжалостное истребление зверей, а также уничтожение лесов постепенно привели к уменьшению видов животных и падению их численности. В период позднего средневековья прежнее изобилие фауны сохранилось только в отдельных глухих местах, преимущественно на окраинах континента. Так, на Корсике еще в XVI в. население вело ожесточенную борьбу со стадами кабанов, диких оленей, травивших посевы, и волков, нападавших на домашний скот. В большинстве же областей Европы картина животного мира неузнаваемо изменилась; наиболее распространенными видами стали кролики, зайцы, в некоторых местах еще встречались редкие косули, кабаны, волки, олени (преимущественно в охотничьих парках). Уменьшилось также число представителей пернатых. В дальнейшем судьба животного мира Западной Европы сложилась трагично: с лица континента почти исчезли лоси, медведи, зубры, бобры, олени и многие другие животные, сохранившиеся лишь в количествах, обреченных на вымирание (сейчас, например, по всей Западной Европе насчитывают 7—8 диких медведей, во всей Скандинавии — 15 волков и т. д.). В целом считается, что за последние столетия в Европе практически вымерло около 200 видов различных животных и птиц. Резко сократилось и количество пресноводных рыб.

Историческая география Западной Европы в период раннего и развитого средневековья (V—XV вв.)

ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Этническая карта
средневековой
Европы

Под этническим делением
обычно подразумевается деле-
ние населения на особые груп-

пы — этносы, — отличающиеся своим языком, общностью территории и экономических связей, а также культурно-бытовыми особенностями и этническим самосознанием. Основное этническое образование периода феодализма — народность, сменившая племенные объединения докласового общества и народности рабовладельческой эпохи. Народность в период феодализма проходит долгий путь становления и развития и окончательно формируется только к концу его; ее сменяет зарождающаяся нация. Помимо народностей средневековье знало и другие формы этнических образований — этнические (или этнографические) группы, входившие в состав народностей, и более крупные этнические объединения, состоящие из нескольких народностей.

Народность феодальной эпохи обладает рядом специфических особенностей. Пути ее становления в разных странах были разнообразны. Так, в одних местах отсутствовали или запаздывали в развитии одни ее характерные черты (общность территории, экономики), в других — другие. На протяжении всего средневековья на формирование народностей оказывало большое влияние существование внутри них отдельных этнических групп,

нередко также приобретавших характер народностей (саксонцы, баварцы, швабы в Германии; галисийцы, баски, каталонцы в Испании). Основу каждой народности составляло трудовое население — крестьяне, ремесленники, — и именно особенности их культуры, быта выступали в качестве характерных этнографических признаков всего народа; что же касается феодальной верхушки общества, то ей нередко был присущ своего рода космополитизм и иногда в ее среде господствовали язык и культура другого народа (английские феодалы после норманского завоевания, онемеченная часть чешских феодалов).

Еще одной особенностью этнической структуры средневековья было отсутствие резких и твердых границ между различными этническими группировками. Феодализм, особенно раннее средневековье, характеризуется постоянным взаимопроникновением и ассимиляцией разных этнических групп, что было связано с непрекращавшимися войнами, походами, завоеваниями. Современные европейские нации сложились в процессе многовекового взаимовлияния разнообразных этнических комплексов средневековой Европы.

Этническая карта Западной Европы к началу средневековья представляла чрезвычайно пеструю картину. В ее формировании нашли отражение самые разнообразные этнические слои античности: лигуры, этруски, италики, кельты, иберы. Наибольший отпечаток на дальнейшее этническое развитие Европы наложили кельты. Во времена Поздней Римской империи кельты занимали большую часть современной Франции (аквитаны, галлы, белги), Англии (бриты), Северной Испании (кельтиберы), Швейцарии (гельветы). Самыми многочисленными из них были галлы, насчитывавшие около 80 племен. Значение кельтского элемента в средневековой истории огромно. Многие из кельтских племен (бриты, галлы, белги) явились ядром формирования некоторых средневековых народностей и оказали значительное воздействие на их культуру. Особая роль среди них принадлежит галлам, которые раньше и больше других кельтских племен подверглись романизации, поэтому именно они часто выступали носителями римских традиций, сыгравших столь важную роль в средневековой истории. Кельты оказали значительное воздействие и на топонимическую карту Европы; многие из названий европейских государств, областей и населенных пунктов кельтского происхождения:

Британия, Бельгия, Бретань, Аквитания, Овернь, Пуату, Реймс, Нант и др.

На протяжении средневековья Западная Европа испытывала воздействие самых различных этнических групп. Наибольшей сложностью состав европейского населения отличался в период Великого переселения народов. В это время (и позже) на территории Западной Европы жили представители самых разнообразных народов, настоящий конгломерат этнических группировок: тюрки (гунны, авары), угры (венгры), семиты (арабы), славяне и германцы.

Важную роль в формировании этнического облика средневековой Западной Европы сыграли германцы. Прародиной древних германцев считается Восточная Прибалтика — Скония (Южная Швеция), побережье и острова Балтийского моря. Отсюда в III — II вв. до н. э. германские племена двинулись на юг: по Эльбе к верховьям Рейна и Дуная и по Висле к нижнему течению Дуная, в Северное Причерноморье. Причины этой миграции, положившей начало постоянным перемещениям племен, населявших земли Восточной и Центральной Европы, были разнообразными. Возможно, немалую роль в них сыграли физико-географические факторы (начавшийся период увлажнения степной зоны Восточной Европы), но еще большее значение, очевидно, имели внутренние мотивы: экономические потребности экстенсивного хозяйства и резко возросшее в условиях внутренней дифференциации племен стремление к обогащению, наиболее естественно удовлетворявшееся грабежом и завоеваниями.

В результате этих перемещений в первые столетия нашей эры на территории Центральной, Восточной и отчасти Западной Европы сложились две основные группировки германских племен, находившиеся в постоянном движении, — восточные и западные германцы. Они перемещались преимущественно на запад, на плодородные земли римских провинций и самой метрополии. Первая волна германских завоеваний, начало которой было положено еще вторжениями кимбров и тевтонов, достигла своего наивысшего размаха во времена Цезаря и в последующие десятилетия; именно тогда западные германцы основали первые устойчивые поселения в районе Верхнего и Среднего Рейна, Майна, Неккара, Саара, Верхнего Дуная, где лесостепная флора и плодородные лёссовые почвы явились базой оседлого земледельческого хозяйства.

Следующая волна германских завоеваний приходится на период Великого переселения народов; в результате ее была разрушена Римская империя и германские племена расселились по всей территории Западной Европы. Плацдармом их вторжений были Десятинные поля (область между Верхним Рейном и Дунаем), нижнее течение Рейна и южные проходы (главным образом Паннония). Крупнейшими были передвижения восточногерманских племен — вандалов и свевов, готов, бургундов, лангобардов и западногерманских племенных объединений саксов, англов и ютов, алеманнов, франков, баваров. Многие из них привели к образованию собственных племенных королевств на территории бывшей империи. На новых землях «варвары» иногда подселялись в имения к прежним римским собственникам или отбирали у них лучшие земли (бургунды в Лионской Галлии, вестготы в Южной Франции и Испании); нередко они расселялись и по свободным пространствам (франки, бургунды в Савойе, частично остготы); иногда же завоевание принимало характер массового истребления прежнего населения (лангобарды). О характере расселения германских племен помимо письменных источников дает нам ценные сведения и топонимика; например, наименования, включающие суффикс или окончание *ingen, ing, ange*, равноценные русскому «ичи», т. е. «сыновья такого-то лица», или общегерманский элемент *heim*, франкский *fege*, лангобардский *faга*, указывают на первоначальное компактное расселение какой-либо родовой группы; формирование названия из римского «вилла» и имени германского происхождения (например, Бузонвиль — *Busonis villa*) чаще всего говорит о совместном поселении покоренного населения и завоевателей.

Германское завоевание оказало огромное влияние на этническую историю средневековья, оно повлияло на состав населения европейских стран, на его быт, экономику, язык и культуру, даже на его внешний облик. Главное же значение германских завоеваний заключалось в том, что, оседая как на захваченных римских, так и на нероманизованных землях, эти племена давали толчок развитию новых общественных отношений.

К концу раннего средневековья по многим районам Западной Европы прокатилась еще одна волна нашествий северогерманских племен — норманское завоевание. Скандинавские викинги совершали набеги почти по всему



Набеги норманов в VIII—X вв.:

1 — места постоянных поселений норманов; 2 — территории, наиболее часто подвергавшиеся набегам; 3 — даты набегов

северному и западному побережью Европы, обосновывались в Средиземноморье и проникали далеко в глубь континента, поднимаясь по течению Рейна, Сены, Луары и Роны. Особую роль норманские завоевания сыграли в истории Англии, Южной Италии и Нормандии, где завоеватели основали свои государства. Германским племенам датчан, например, захватившим в начале X в. устье Сены и дважды (в IX и XI вв.) завоевавшим Англию, принад-

лежит важное место в процессе формирования английской и северофранцузской народностей. Наибольшей активностью среди скандинавов отличались выходцы из Норвегии, основавшие свои колонии на огромном пространстве от Сицилии и Африки до Исландии, Гренландии и Ньюфаундленда. Экспансия шведов была направлена на юг и восток, в славянские земли.

Другим большим этническим пластом, следы которого обнаруживаются на территории ряда стран Западной Европы, были славяне. В раннем средневековье племена западных славян занимали значительную часть земель Центральной Европы, местами заходя далеко на запад от Эльбы; южные славяне колонизовали территорию Балкан. Славянские племена проявляли большую активность, проникая на земли соседей как мирным путем, так и совершая продолжительные военные походы. Немалый отпечаток на историю средневековой Италии наложила славянская колонизация Фриуля и южного побережья Апеннинского полуострова, а славянские политические образования на территории Польши и Чехии (впоследствии составившие важную часть Священной Римской империи), а также Австрии (герцогства Каринтия и Крайна) сыграли большую роль в истории западноевропейского средневековья.

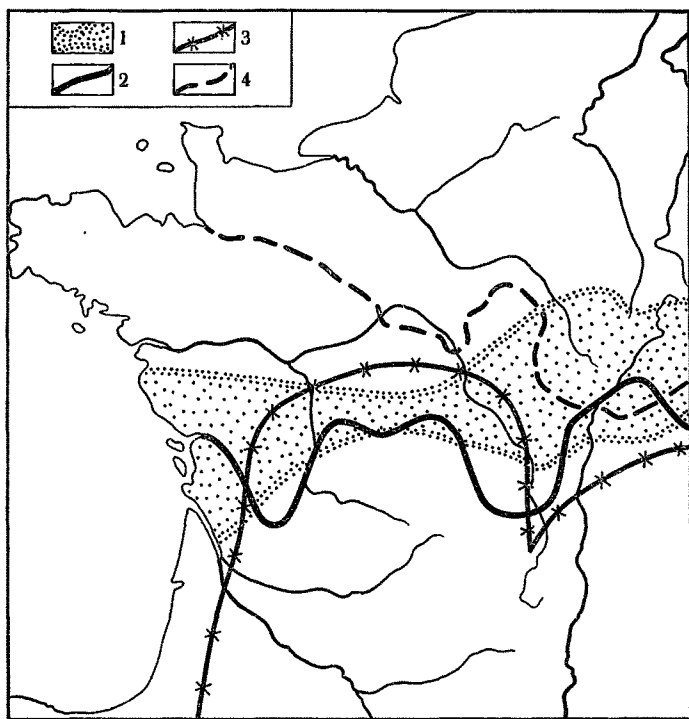
Несколько меньшая роль в формировании этнического состава европейского населения принадлежит угрофиннам и арабам. Хотя венгры в IX — X вв. неоднократно совершали набеги на страны Западной Европы (Северную Италию, Германию, Францию), их влияние на этническую картину европейского населения было незначительным. Своеобразным было воздействие арабов. Как известно, они захватили обширные европейские территории — большую часть пиренейских земель, главные острова Средиземноморья и отдельные города на Апеннинском полуострове и в Южной Франции; в моменты наивысшей экспансии на континенте их отряды доходили до Роны и Луары. Но религия ставила непреодолимый барьер ассимиляции местного христианского и пришлого мусульманского населения; влияние арабов на западноевропейские страны шло главным образом по линии культурного и научно-технического воздействия; в этих сферах оно было весьма велико.

Такова в самых общих чертах картина этнических напластований в Западной Европе в средние века. Естест-

венно, что этническая неустойчивость в большой степени сказалась на процессе формирования основной этнической ячейки той эпохи — народности. Можно полагать, что народность в основных своих чертах сложилась только к концу развитого средневековья и лишь в наиболее феодально развитых странах Западной Европы — Англии и Франции. Но и в них к этому времени окончательно сформировались далеко не все признаки народности. Что же касается большинства западноевропейских стран, то в них этот процесс принял гораздо менее четкие формы и растянулся на гораздо больший промежуток времени. В результате этническая карта средневековой Европы отличалась чрезвычайной пестротой.

На территории современной Франции до XIII в. существовала тенденция к образованию двух народностей — северофранцузской (земли *langue d'oïl*) и южнофранцузской (области, где господствовал *langue d'oc*). Кроме этого главного языкового различия области также отличались культурой, экономическими связями, господствовавшими типами сельскохозяйственных орудий и пр. Гегемония северных областей определилась лишь после Альбигойского погрома, нанесшего непоправимый ущерб экономике Южной Франции, и после консолидации основной массы французских земель вокруг королевского домена. К концу Столетней войны и в период, последовавший за ней, т. е. в XV — начале XVI в., мы уже можем говорить о формировании основных черт единой общезападной народности. Однако и в это время внутри нее существовали различные группы, обладавшие своими специфическими этническими особенностями: фламандцы, бретонцы, гасконцы, пикардийцы и т. д. Так, например, к концу развитого средневековья на территории Французского государства кроме господствующего французского языка (к тому же дробившегося на ряд диалектов) были распространены провансальский, кельтско-бретонский, фламандский (диалект нижнегерманских языков), баскский и каталонский языки.

Приблизительно в это же время складывается и английская народность на территории Средней, Восточной и Южной Англии; на остальной части английских земель жило кельтоязычное население, отличавшееся своей культурой, бытом и особенностями экономического и социально-политического склада. Это, в первую очередь, относится к шотландцам и кельтскому населению Уэльса, кото-



Различия в языке, праве, орудиях производства на территории средневековой Франции:

1 — разграничительная полоса между *langue d'oc* и *langue d'oïl*; 2 — граница между областями письменного и устного (кутюрного) права; 3 — южная граница распространения тяжелого плуга как доминирующего орудия производства; 4 — южная граница топонимов франкского происхождения (типа «имя+court»)

рое, впрочем, в большей степени испытывало англосаксонское влияние. Что же касается самой английской народности, то становление ее главных этнических признаков относится к концу XIV — началу XV в., т. е. даже к несколько более раннему времени, чем во Франции; это объясняется более благоприятными условиями политического развития на островах.

Картина становления немецкой народности гораздо сложнее. До XI в. этническое и государственное развитие немецких земель шло по пути создания благоприятных условий для становления народности и единого государства. Однако в эпоху развитого средневековья в Герма-

нии победили децентрализаторские тенденции и Империя превратилась в формальное объединение территориальных княжеств, что лишило зарождающуюся немецкую народность реальной территориальной (а также экономической и культурной) основы. Четко проявилась этническая консолидация по отдельным областям — Бавария, Алемания (Швабия), Франкония, Саксония, Фрисландия; связи же этих областей между собой были чрезвычайно слабыми. Особенно ярко это видно на примере формирования общенемецкого языка. До XIII в. языком письменности (государственных актов и литературы) в Германии оставался латинский язык; наряду с ним нередко использовался и местный язык данной территории. Позже в качестве наиболее распространенного письменного языка стал использоваться разговорный язык одной из областей Верхней Германии, Алемании, однако не он был положен в основу общегерманского литературного языка. Немецкий литературный язык возник только в XVI в. и на базе средневерхнегерманского диалекта, на котором говорили немецкие колонисты захваченной у славян Мейсенской области. В результате в средневековой Германии, несмотря на наличие определенной языковой близости отдельных областей, так и не сложилось языкового единства — этого необходимого условия для формирования национальной общности. Еще более велика была экономическая и политическая разобщенность немецких земель.

Важной особенностью исторических условий, в которых формировалась немецкая народность, было значительное воздействие других национальных элементов. На территории Империи кроме германцев проживали представители многих этнических групп: население Верхней Лотарингии и Эльзаса, гораздо более близкое зарождающейся французской, а не немецкой народности, будущее нидерландское население Нижней Лотарингии, романское население Бургундии, наконец, многочисленные славяне; все они оказали большое влияние на этнический облик формирующейся немецкой народности. Особенно велико было влияние славян. Славянские поселения были разбросаны почти по всей территории Германии вплоть до Рейна; несмотря на жесточайшую насильственную ассимиляцию, славяне наложили значительный отпечаток на быт, культуру и обычаи своих завоевателей.

В целом основные характерные этнические особенности немецкой народности сложились уже к концу развитого средневековья; однако они сложились в такой незавершенной и неустойчивой форме, что вполне правомерно сомнение в самом факте существования сформировавшейся немецкой народности в эту эпоху.

Столь же сложное положение существовало в Италии. Отсутствие политического единства, своеобразие экономического развития Северной, Южной и Центральной Италии, наличие сильных влияний других этнических групп (арабы, германцы, славяне и пр.) ставили непреодолимые преграды на пути формирования общетальянской народности. Процессы этнической консолидации шли главным образом в рамках отдельных областей и преимущественно за счет развития местных локальных этнических особенностей. В масштабах же всей страны складывались лишь элементы этнического единства (единый литературный язык, отдельные проявления национально-го самосознания).

На территории Пиренейского полуострова формирование испанской народности было надолго задержано арабским завоеванием. Лишь в последние века Реконкисты началось складывание этнического ядра из населения Новой Кастилии, захватившего отвоеванные у арабов земли. Однако этот процесс растянулся на многие столетия. Помимо испанской народности, на территории полуострова существовали и другие этнические комплексы: португальцы, близкие к ним галисийцы, а также баски и каталонцы. В целом складывание испанской народности шло по такому же сложному и замедленному пути, как и в других странах Южной (отчасти Центральной) Европы.

Еще более сложную этническую картину представляли другие, более мелкие территории средневековой Западной Европы. Так, на землях Шотландии в средние века постепенно складывались две родственные этнические группы: южные, низинные шотландцы, испытавшие большое влияние английской народности и говорящие на английском языке, и хайлендеры, горцы, кельтоязычное гэлльское население Северной Шотландии, в средние века создавшее собственное королевство на Гебридах и западном побережье Шотландии. На землях современной Бельгии, Голландии и Люксембурга в средневековье стали складываться этнические группы валлонов, фламанд-

цев и голландцев. Но, пожалуй, наиболее сложным продуктом этнического синтеза являются мальтийцы, наследники финикийцев, карфагенян, греков, римлян, арабов, европейских крестоносцев, венецианцев, турок, в разное время завоевывавших этот остров.

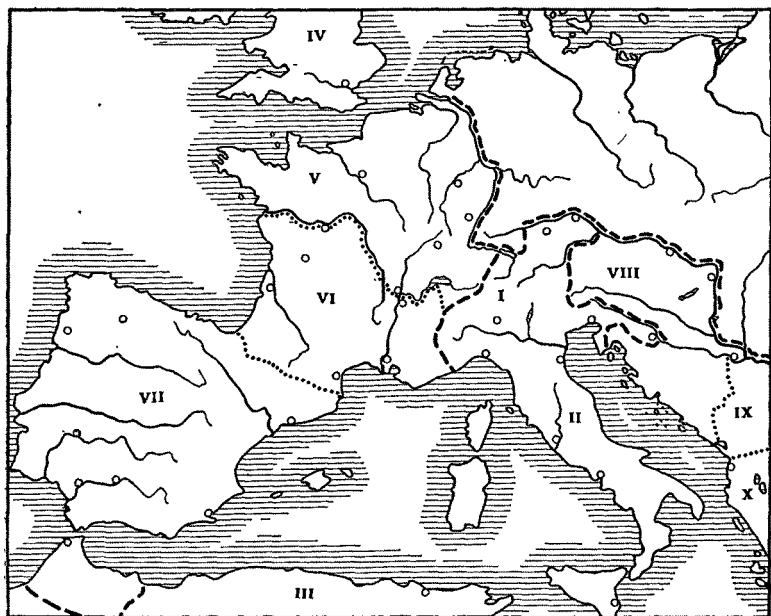
Политическая карта
Европы в период раннего
средневековья

После реформы Диоклетиана и Константина Римская империя имела следующее политико-административное деление. На

территории Западной Европы были расположены две префектуры — Италия и Галлия (третья — Иллирия — занимала земли Юго-Восточной Европы), дробившиеся на диоцезы, которые, в свою очередь, состояли из провинций. В каждой провинции существовали муниципии — города с окрестной территорией, носившие название «паги». Так, например, префектура Галлия состояла из 3 диоцезов: собственно Галлии, Британии и Испании; диоцез Галлия — из 17 провинций, Британия — из 2, Испания — из 7 (5 из них — на полуострове, остальные — на африканском побережье и островах). Эта административная структура формально сохранялась вплоть до падения Империи в конце V в. Однако уже с начала V в. на территории Империи стали возникать «варварские государства» германских народов.

Одно из первых «варварских» королевств возникло на Пиренеях, куда в 406 г. вторглись племена вандалов, свевов и аланов. Одна из ветвей вандалских племен — силинги — обосновалась в южной части полуострова — в Бетике. Аланы заняли центр и запад страны (Лузитанию). На северо-западе, в Галисии, возникли королевства свевов и вандалов-аздингов. Вскоре эти государства под напором вестготов пали, сохранилось лишь свевское королевство, просуществовавшее до VII в. Аланы, вандалы и остатки свевских племен, разгромленные вестготами и римлянами, в 429 г. переправились в Африку и здесь на территории римской провинции Африка (с центром в бывшем Карфагене) основали свое государство, просуществовавшее почти столетие (442—534).

Другим ранним «варварским» государством на территории империи было Вестготское королевство. Одержав победу над вандалами, готы получили от императора Южную Галлию (Аквитанию), где они поселились на правах вспомогательного римского войска. Так в 419 г. возникло Вестготское королевство с центром в Тулузе.



Административное деление Римской империи в IV в.:

Префектура Италия

Диоцезы: I — Италия аннонария; II — Италия субурбикария (с островами); III — Африка

Префектура Галлия

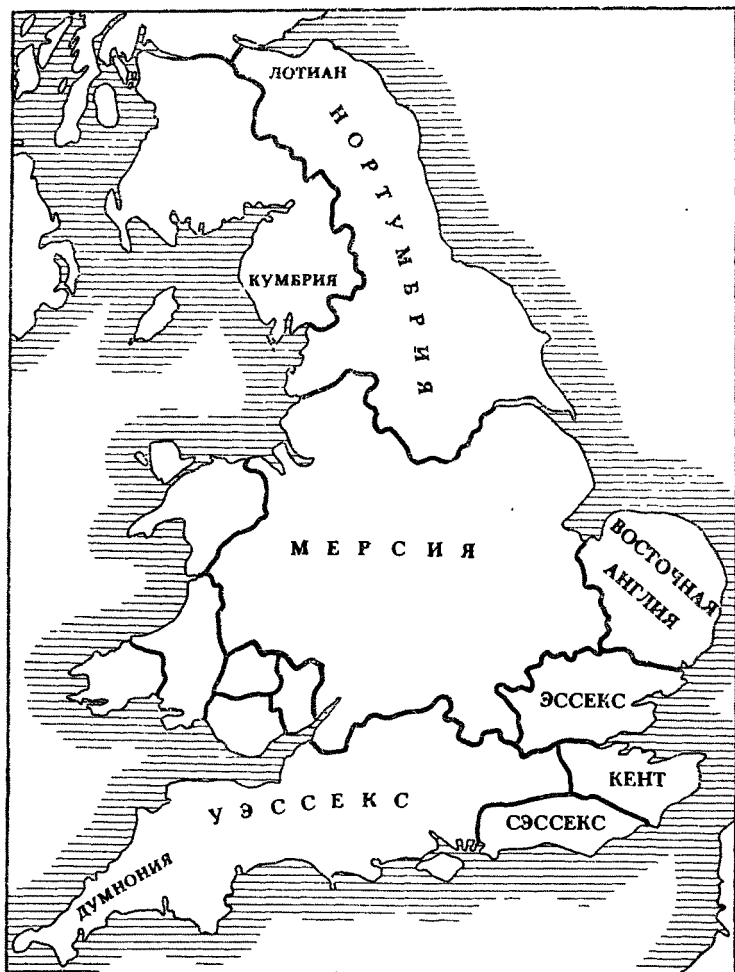
Диоцезы: IV — Британия; V — Галлия; VI — Нарбонская Галлия; VII — Испания

Префектура Иллирия

Диоцезы: VIII — Паннония; IX — Дакия; X — Македония

Вскоре, еще до падения Империи, оно стало фактически независимым и расширило свои границы за счет захвата Нарбоннской области и отдельных земель на Пиренеях. В начале VI в. вестготы были вытеснены из Аквитании франками и окончательно обосновались в Испании. Испанское государство вестготов существовало до завоевания полуострова арабами.

Еще одно «варварское» королевство возникло на территории Галлии — Бургундское. До V в. бургунды обитали к востоку от Рейна, по Майну, в районе Вормса. Перед битвой на Каталаунских полях они осели на правах римского союзного войска в Савойе (Сабаудии), вокруг Женевы. Позже бургундские племена переместились на се-



Английские королевства ок. 800 г.

веро-запад и основали собственное государство с центром в Лионе. Во времена своего расцвета оно занимало земли между Луарой и Рейном, доходя на севере до верховьев Сены и Мааса. В 534 г. Бургундское королевство вошло в состав государства франков; однако оно сохраняло некоторую самостоятельность — как при Меровингах, так и в более поздние времена.

На территории Британских островов в V — VI вв. постепенно оседают германские племена англов, саксов, ютов и фризов, пришедшие с континента, с побережья Северного и Балтийского морей. Здесь они образуют семь главных королевств: ютский Кент, три саксонских государства — Уэссекс, Сэссекс, Эссекс (западное, южное и восточное королевства саксов), королевства англов — Восточная Англия и (позже) Нортумбрия с Мерсией. Вначале господствующее положение занимало самое северное государство — Нортумбрия (VII в.); затем гегемония перешла к Мерсии (VIII в.) и с IX в. — к Уэссексу, королевству западных саксов. В IX в. начинаются нашествия на Англию морских пиратов — датчан, постепенно завоевавших Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию, т. е. весь северо-восток английских земель (так называемая Область датского права). Однако к середине X в. эти земли были отвоеваны англосаксами.

В самой Италии реальная власть уже со второй половины V в. перешла в руки предводителей германских отрядов, по своему желанию смещавших императоров; один из них, Одоакр, свергнув в 476 г. последнего императора, начал править самостоятельно. В 493 г. государство Одоакра было разрушено остготами, основавшими королевство, в которое кроме Центральной и Северной Италии входили паннонские земли и Прованс. Остготское государство в Италии просуществовало до середины VI в.; тогда же, после кратковременного господства Византии, земли Северной и Средней Италии перешли под власть лангобардов. Лангобарды завоевали значительную часть страны, за исключением областей Венеции и Равенны на севере и Рима в центре; на юге границей между ними и византийскими владениями были полунезависимые герцогства Сполето и Беневент. Основная масса лангобардов осела в Северной Италии, отсюда и название Лангобардия (Ломбардия). Лангобардское королевство (с центром вначале в Павии, затем в Милане) просуществовало более двухсот лет и во второй половине VIII в. было включено в состав империи Карла Великого.

Наибольшую роль в истории раннесредневековой Европы сыграло государство франков. Первые известия о франках относятся к III в. н. э.; они занимали тогда территорию «Батавского острова» (земли в дельте Рейна). Происхождение этого племенного союза неясно. Очевидно, он образовался из остатков германских племен, жив-

ших на этой территории, — батавов, хамавов, хаттов, сугамбров и пр. Уже тогда союз состоял из нескольких ветвей: в него входили салические франки, населявшие низовья Рейна, южнее их располагались рипуарские франки, несколько далее к востоку — хатты. Во второй половине IV в. салические франки осели в Токсандрии — области по левому берегу Нижнего Рейна. Отсюда они постепенно расселились на юг и на запад — до Соммы, Угольного Леса — укрепленного римлянами лесистого района на территории позднейшей Фландрии. Здесь в V в. сложилось несколько «королевств» салических франков с центрами в Камбре, Турне и др. Почти в то же время оформились области расселения других франкских племен: рипуарские франки заняли земли по левому берегу Среднего Рейна с центром в Кельне, хатты поселились по правобережью среднего течения Рейна.

В начале VI в. при Хлодвиге эти ветви франкской группы племен объединяются. Одновременно франки переходят к активной экспансии, захватывают земли полу-независимого римского правителя Сиagriя (с центром в Суассоне), германского племени алеманнов и почти всю Центральную Галлию, вытеснив из нее вестготов. При преемниках Хлодвига была захвачена Бургундия, Тюрингия и Прованс. В отдельные периоды власть франкских королей из меровингской династии распространялась почти на всю континентальную часть Западной Европы и доходила до Эльбы на востоке (но без Арморики, Фризии, Ютландии и Саксонии). Однако государство франков было крайне непрочным. Уже после смерти Хлодвига оно дробится на уделы, отошедшие его сыновьям и внукам. Позже на землях королевства начинают выкристаллизовываться три основные области — Нейстрия (северо-западная часть Галлии, к западу от Сены, с Парижем), имевшая преимущественно галло-римское население, Австразия (к востоку от Сены), населенная восточными франками и подвластными им племенами, и Бургундия (бывшее самостоятельное королевство); позже приобретает самостоятельность Аквитания, ставшая вначале герцогством, а затем и королевством.

Возрождение территориального единства Франкского государства относится к эпохе Каролингов; началось оно усилиями австразийских майордомов из рода Пипинидов и достигло своего апогея в правление Карла Великого. Уже Карл Мартелл восстановил власть франкских коро-

лей в Алемании, Баварии, завоевал Фризию, покорил отпавшую Аквитанию; при Пипине франки отнимают у арабов Септиманию, ведут успешные войны с саксами и лангобардами. Особенно большие территориальные приобретения приходятся на правление Карла Великого. При нем было присоединено Лангобардское королевство (включая Беневент), Бавария, покорена Саксония и захвачена у арабов северо-восточная часть Пиренеев; его власть вынуждены были признать авары и лужицкие славяне. Франкское государство при Карле занимало практически всю территорию континентальной Западной Европы, а его восточная граница проходила по Эльбе и Дунаю и доходила до Балкан. В 800 г. Карл принял титул императора.

Франкское государство при Меровингах и Каролингах имело следующее территориальное деление. Основу его составляли паги в галльских и гау в зарейнских землях, общим числом около 300. Происхождение пагов уходит своими корнями в эпоху независимой Галлии; многие из них представляли замкнутые физико-географические области, и это позволило им сохранить территориальную целостность до наших дней (например, Лионне, Лимузен и др.). Почти столь же древними были гау: их возникновение связано с расселением племен германских завоевателей. В эпоху Меровингов начинается процесс превращения этих единиц в графства (комитатус), во главе которых стояли графы, постепенно превращающие свою должность в наследственное звание. Графства обычно делились на сотни. Тогда же появляются и первые герцогства, состоящие из нескольких графств; как правило, они создавались на землях, удаленных от центра, — Шампань, Эльзас, Аквитания, Алемания, Бавария, Тюрингия, Бургундия (в последней герцоги поначалу назывались патрициями). Постепенное развитие этих процессов привело к следующей организации Франкского государства при Карле Великом. Ядро империи составляли королевства — Франкское, Лангобардское и Аквитания (удел наследника престола). Они делились на герцогства и графства, формально подчиненные королю, но фактически почти самостоятельные. На окраинах империи были расположены независимые пограничные марки: Датская, Саксонский рубеж, Сорбская, Восточная (Паннонская), Фриуль, Бретонская и Испанская. Столицей империи номинально являлся Рим, Франкского королевства — Аахен

(после Верденского раздела — Аахен и Реймс), Лангобардского — Павия, а затем Милан. Однако они выступали в этой роли лишь во время коронации, в остальное время двор передвигался вместе с императором, попеременно останавливаясь в многочисленных его поместьях.

После смерти Карла Великого его империя стала терять свое территориальное единство. Уже при Людовике Благочестивом было проведено несколько разделов государства между его сыновьями, внуками Карла. После смерти отца они окончательно (843 г., Верден) поделили между собой наследство: земли к западу от Рейна достались Карлу Лысому, к востоку от Рейна — Людовику Немецкому, Италия и длинная полоса от устья Рейна до устья Роны перешли к Лотарю. Впоследствии северная часть континентальных владений Лотаря отошла по договору к одному из его сыновей, тоже Лотарю; так возникла Лотарингия. Потомки Карла постоянно враждовали между собой; это приводило к новым переделам государства. Единство империи было восстановлено Карлом Толстым (80-е годы IX в.), однако он вскоре был низложен собранием знати. Империя окончательно распалась на ряд самостоятельных государств с выборными королями в каждом из них. В конце IX в. этими государствами были: Восточно-Франкское королевство, Западно-Франкское королевство, Италия, Бургундия и Прованс (впоследствии они объединились в Арелатское королевство), Лотарингия и Наварра.

В Западно-Франкском государстве на протяжении X в. все большее влияние приобретают графы и герцоги Парижские Робертины, в конце этого столетия захватившие королевский престол и положившие начало новой династии — Капетингов. Формально в состав королевства входили земли, лежащие к западу от линии: устье Рейна — верховья Сены — правобережье Роны. Однако на практике власть короля над ними была призрачной; каждый из феодальных властителей этой территории был совершенно самостоятелен и независим в своих владениях. Крупнейшими из этих владений были герцогство Нормандское (возникшее в 911 г. после набегов норманов), графство Фландрское, герцогство Бретань, герцогство Гиень (Аквитания) с графством Пуату, бывшим ядром домена аквитанских герцогов, герцогство Гасконь с центром в Бордо, герцогство Бургундское с центром в Дижоне, графства Шампань, Блуа, Тулузское, Барселон-

ское и др. Каждое из этих владений, в свою очередь, состояло из более мелких, практически самостоятельных фьефов.

К концу раннего средневековья наряду с официально принятым названием королевства — Западно-Франкское государство, или Каролингия, — все чаще появляется новое — Франция. Впервые оно возникло еще при Меровингах и применялось к землям, лежащим в районе Реймса, Лана, Вердена и Меца. В VIII—IX вв. термин «Франция» относится уже ко всей северо-восточной части Западно-Франкского королевства, а по мере роста владений Капетингов, первые из которых носили также титул герцогов французских, «Франция» становится названием всего государства.

Другая часть Каролингской империи — Восточно-Франкское королевство — также состояло из многочисленных владений, крупнейшими из которых были архиепископства и герцогства, причем последние, в отличие от западных земель, носили в основе племенной характер, и их границы менее зависели от династических и политических изменений. Самыми значительными светскими владениями были герцогства Саксония и Тюрингия, Бавария, Швабия и Франкония. С IX в. в состав королевства периодически входят лотарингские земли, во второй половине X в. разделившиеся на два самостоятельных герцогства — Верхнюю и Нижнюю Лотарингию. Тогда же бывшая Восточная марка превращается в герцогство Австрийское. Крупнейшие архиепископства располагались по Рейну: Майнцское, Вормское и Шпейерское. В X в. начинается новый натиск германцев на западных (полабских) славян, которые после смерти Карла Великого отказались от выплаты дани и вели постоянные войны с саксами. Здесь, в междуречье Эльбы и Одера, было создано несколько новых марок, важнейшей из которых стало Мейсенское маркграфство. Одновременно германскими королями был захвачен Шлезвиг.

Восточно-Франкское королевство представляло собой конгломерат этнических и политических образований: каждое из племенных герцогств отличалось не только политической самостоятельностью, но и этническим составом, языком и многими другими региональными особенностями. Даже самоназвание населения — тевтоны — возникло довольно поздно (в XI в.); до этого в ходу были племенные названия — саксонцы, баварцы и т. д. В X же

столетии происходит дальнейшее расширение территориальных границ государства. В 962 г. образуется так называемая Римская империя с германскими королями на ее троне, но по своим размерам она была гораздо меньше прежней империи Карла Великого: в нее входили, да и то формально, лишь Германия и часть Италии. Одновременно от королевства отпадают славянские земли: немецкое влияние сохраняется только в сербо-лужицких областях.

Сложной была судьба земель, доставшихся по Верденскому договору Лотарю. Северная часть его континентального наследства (Лотарингия) была тесно связана вначале с Восточно-Франкским королевством, затем с Империей. На юге же вновь возрождается Бургундское королевство, включающее графства Прованс и Бургундское (с центром в Безансоне). В IX—X вв. оно неоднократно дробится на различные политические образования, чаще всего на два королевства с центрами в Лионе и Арле (отсюда и название области — Арелат); в первой половине XI в. основная часть бургундских земель вошла в состав империи.

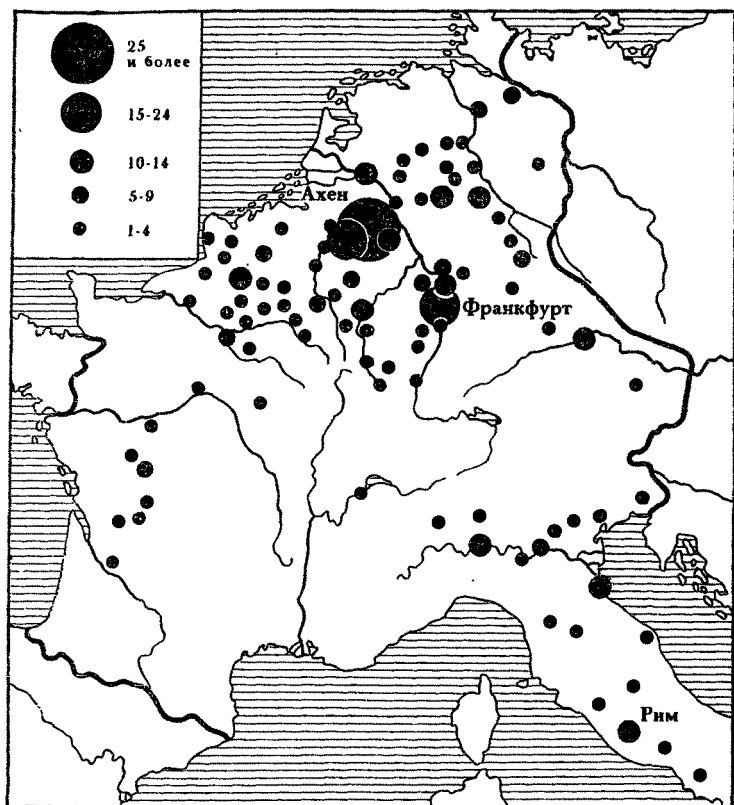
На большей части Пиренейского полуострова с VIII в. устанавливается господство арабов. На не занятых арабами северных землях (Баскония, Галисия, Кантабрия) возник ряд государственных образований — графства Старая Кастилия, Арагон, Рибаторса, Собрарбе, Барселонское (на месте Испанской марки Карла Великого), королевства Наварра, Галисия, Овьедо (два последних объединились в начале X в. в королевство Леон). На протяжении IX—X столетий эти территории нередко дробились в различных комбинациях, и к XI в. из них выделились два наиболее мощных государственных образования — королевства Кастилия и Арагон, подчинившие себе своих соседей. Сразу же после арабского завоевания начинается Реконкиста. К концу XI в. христианские государства уже вышли на рубеж Тахо — Эбро и освободили Толедо.

На Британских островах англосаксам во второй половине X в. удалось отвоевать у датчан значительную часть захваченных ими земель. Однако в конце X — первой половине XI в. датчане вернули свои приобретения. При Кнуде ими была создана могущественная морская держава, в состав которой входили Англия, Дания, часть Швеции и Норвегии. Но вскоре англосаксонской знати уда-

лось провести на королевский престол своего представителя и воссоздать формально объединенное английское государство, существовавшее до нормандского завоевания (1066).

Северная и Средняя Италия, вошедшие в состав империи Карла Великого, получили такое же административное деление, как и другие земли государства. Крупнейшими из феодальных владений этого королевства были маркграфства Ивреи, Тревизо, Фриуля, герцогства Тоскана, Беневент, Сполето, княжество Салерно и церковные формально независимые области — патриархат Аквилеи и Патримониум св. Петра (Папская область). Вхождение в состав новой Римской империи практически никак не повлияло на политико-административную структуру итальянских земель: зависимость от императора часто сводилась к символическим формам. В Южной Италии еще со времен Юстиниана установилось византийское господство; византийские императоры контролировали часть земель Центральной и Северной Италии — Равеннский экзархат и города Лациума. В VIII в. эти территории перешли под власть папы и явились ядром Папской области. С XI в. на территории Южной Италии появляются норманы, постепенно создавшие здесь, на землях Сицилии, Апулии и Калабрии, сильное государство. Еще раньше острова Сицилия и Сардиния подверглись арабской колонизации; однако господство арабов здесь, как и в отдельных местах самого полуострова, было недолговечным.

Такова в самых общих чертах политическая география раннего средневековья. Она обладает рядом специфических особенностей. В частности, следует иметь в виду относительность таких понятий, как «столица», «границы» и т. п. Выше уже говорилось, что столицы выступали в качестве таковых лишь в период коронации. Правда, традиция коронации в определенном городе (имперской короной в Риме, французской в Реймсе, лангобардской в Павии и Милане) была устойчивой и часто влияла на ход политических событий. В остальное время эти города ничем не отличались от других городов страны. Государственные границы также являлись понятием чрезвычайно относительным: правильнее говорить не о каких-либо определенных линиях, а о пограничных районах. Еще более сложен вопрос о завоеваниях и степени подчинения одних государств другим. Характер их был чрезвычайно



Перемещения двора Карла Великого. Указано число зарегистрированных посещений

разнообразным. Иногда завоеватели практически не вмешивались в дела покоренного населения и оно продолжало жить по своим прежним законам (бургунды) и даже участвовать в управлении государством (правление Одоакра, отчасти остготское государство в Италии); но нередко завоевание выливалось в уничтожение местного населения и полное подчинение его остатков (лангобардское завоевание). Еще более различными были виды и степень подчинения одних государств другим: от выплаты дани, иногда даже носящей символический характер, до различных градаций политической зависимости. «Государственные» взаимоотношения усложнились в период

феодалной раздробленности. Не исключением, а правилом тогда было состояние, при котором одно и то же владение входило в состав нескольких государственных образований, подчиняясь им по разнообразным динамическим или вассальным линиям. Пестрота и взаимопереплетенность вассальных связей составляла одну из характерных черт феодального общества в период как раннего, так и развитого средневековья.

В период развитого феодализма на смену прежним политическим объединениям, нередко имевшим в своей основе случайные политические факторы, базировавшимся на династических связях и т. д., приходят новые объединения, отличающиеся относительной общностью этнического состава, элементами экономического и культурного единства.

Политическое объединение Франции проходило вокруг области Иль-де-Франс, которая вместе с Нормандией и Пикардией была районом наиболее развитого зернового хозяйства и наиболее сформировавшихся феодальных отношений. Удобное географическое расположение этих земель в центре страны делало их естественным ядром нового политического образования. Однако политическая гегемония Иль-де-Франса определилась не сразу, его серьезным соперником выступали экономически более развитая Шампань и южные области королевства. Лишь в XIII—XIV вв. после альбигойского погрома на юге, упадка Шампани, победы освободительного движения во фландрских землях и поражения движения за независимость во французских городах центральнофранцузские земли заняли ведущее положение в государстве. Окончательно их гегемония установилась в ходе Столетней войны.

Собирание французских земель вокруг владений короля начиналось почти с нуля: по своим размерам королевский домен уступал не менее чем десятку владений «зависимых» от него вассалов. В момент перехода короны к Капетингам он состоял из графства Орлеан и Этамп, графства Санлис и каштелянств Пуасси, Аттиньи и Монтрейль сюр Мер. Крупнейшими феодальными сюзеренами во Франции в то время были графы Фландрские, герцоги Нормандии и Аквитании, графы Анжу. Но занятые собственными делами, они не представляли непосредствен-

ной угрозы королевскому трону. Наибольшую опасность для Капетингов в первые века их правления представляли их непосредственные агрессивные соседи — графы Шампани, графы Блуа и Шартра и графы Труа и Мо. Самыми различными путями (династические браки, войны, покупка) Капетингам удалось в XI—XII вв. расширить свои владения за счет соседних фьефов; первыми приобретениями были земли вокруг Парижа, графство Гаттинне, виконтство Бурже. К этому времени важнейшими соперниками Капетингов становятся английские Плантагенеты, объединившие под своим началом кроме Англии большую часть французских территорий: Аквитанию, Нормандию, Бретань, Пуату, Анжу, Овернь и другие земли. Началась многовековая борьба английской и французской короны за территорию Франции. Резкое увеличение королевского домена происходит в правление Филиппа II Августа (конец XII—начало XIII в.); при нем были присоединены Нормандия, Анжу, Мэн, Пуату, Овернь, Турень и поставлены в вассальную зависимость Бретань, Лимож и другие бывшие под контролем англичан территории. За Плантагенетами сохранилась одна Аквитания. Другим направлением агрессии Филиппа был северо-восток; здесь он в борьбе с графами Фландрии и Шампани присоединил к домену графства Вермандуа, Артуа и Валуа. В XIII в. земли королевского домена увеличились за счет графств Тулузского и Шампанского, Блуа, Шартра, Лангедока и других земель. В результате в начале XIV в. французским королям номинально была подчинена почти вся современная Франция (кроме части Аквитании) — земли к западу от Шельды, Мааса и Соны с Роной. Непосредственно в состав домена входила лишь часть этих земель — территории на севере и северо-востоке (Нормандия, Иль-де-Франс, Пикардия, Шампань), в центре (Орлеан, Бурже, Пуату) и на юге страны (Овернь, Тулуза, Лангедок). Остальные области, формально зависимые от короны, были фактически самостоятельны: Фландрия, Бретань, Бургундия, Анжу, Ангулем, Арманьяк, Беарн, Фуа и др. Затихшая было борьба с английскими королями вновь разгорелась во время Столетней войны. По миру в Бретиньи, французский престол потерял значительную часть своих владений, сохранив лишь Шампань, Пикардию, Иль-де-Франс, часть Нормандии и часть земель на юге страны. По мере развития военных событий положение менялось,

и к моменту выступления Жанны д'Арк центр владений короны переместился в южные земли; они включали территории к югу от Луары (кроме Аквитании). После победоносного завершения Столетней войны французские короли восстановили свой домен в территориальных рамках начала XIV в., присоединив к нему дополнительно Дофине, Гиень и часть Гаскони; за Англией остался лишь округ Кале. Присоединениями Людовика XI (Бургундия, Прованс, окончательное завоевание Артуа, Мэна и Анжу) завершается процесс территориального объединения Франции в XV в.

К концу XV в. Французское королевство занимало большую часть современной территории страны. На востоке его граница проходила по линии Кале — Верден и далее опускалась по Соне с Роной, выходя за пределы этой линии в Дофине и Провансе. На западе естественной границей королевства служило Атлантическое побережье, на юге — Пиренеи. Однако политические границы не всегда совпадали с географическими: Бретань на северо-западе и гасконские земли наваррской короны на юго-западе представляли собой фактически самостоятельные владения, хотя и связанные вассально с французским престолом. Подавляющая часть территории страны находилась под контролем королевской власти — земли королевского домена и наследственные владения правящего дома Валуа; лишь отдельные области страны были связаны с троном вассальной зависимостью (Невер, Перигор, Авиньон).

Внутренняя структура земель королевства в основном копировала территориальное деление королевского домена, окончательно сложившееся к середине XIII в. Низшую административную (а также судебную, фискальную и пр.) ячейку составляли превоства и каштелянства, объединенные в бальяжи и сенешальства. Так, в конце XIII в. домен французских королей состоял из 23 бальяжей и сенешальств; собственно «Франция» включала в себя бальяжи Санлис, Вермандуа, Амьен, Санс, Орлеан, Бурж, Макон, Тур и превоство (на правах бальяжа) Париж; 5 бальяжей составляли «Нормандию» и 9 сенешальств — южные земли. В дальнейшем, по мере роста домена и включения в него новых земель, количество бальяжей и сенешальств увеличивалось и в конце XV в. дошло до 42.

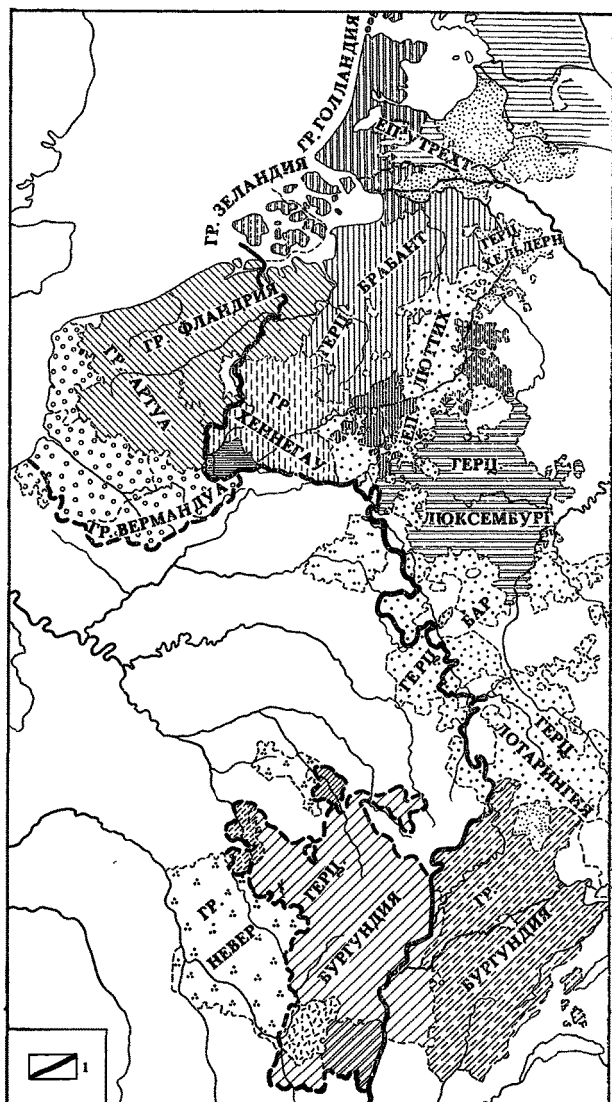
Совершенно иную картину представляла собой Германия. Империя (с XIV в. Священная Римская империя) из объединения племенных герцогств постепенно превращалась в конгломерат территориальных княжеств, уже с первой половины XIII в. законодательно оформивших свою независимость от центральной власти. В XIII в. складывается сословие имперских князей, вначале состоявшее из 23 крупнейших светских властителей. Из их числа выделяются четыре курфюрста (король Чешский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский), которые вместе с церковными курфюрстами (архиепископы Майнца, Трира и Кельна) избирают императора; законодательно это было оформлено «Золотой Буллой» Карла IV. К имперским князьям принадлежали также крупнейшие церковные феодалы, число которых в несколько раз превышало количество светских князей; в целом в XIII в. Империя насчитывала до ста крупных территориальных владений. Кроме владений светских и церковных феодалов в состав Империи входили также имперские города — Аугсбург, Аахен, Вормс, Страсбург, Магдебург, Констанц, Нюрнберг, Любек, Гамбург, Бремен и др., многие из которых обладали сюзеренной властью над значительной округой. В XIV в. начинают складываться городские союзы — Швабский, Рейнский, Ганзейский.

Территория Империи охватывала не только немецкие земли; в ее состав входили Италия (до середины XIII в.; позже, да и то чисто формально, — только часть северо- и центральноитальянских земель), Швейцария, часть Бургундии, брабантско-нидерландские области и земли Центральной Европы, населенные западными славянами. Крупнейшими из территориальных княжеств в Империи были королевство Чехия, герцогства Верхней и Нижней Лотарингии (позже на этой территории возникли герцогства Лотарингское, Люксембургское и Брабант), герцогства Саксонское, Брауншвейгское, Мекленбургское, Голштинское, Померанское, Вюртембергское, эрцгерцогство Австрийское с герцогствами Штирия, Каринтия и Крайна, маркграфства Бранденбургское и Мейссенское, пфальцграфство Рейнское, графства Бургундское, Тироль, Клеве, Геннегау и церковные владения архиепископов Майнца, Трира, Зальцбурга, Бамберга, Бремена, епископов Мюнстера, Утрехта, Тренто. Формально в состав Империи входили также Великое

герцогство Тосканское, герцогства Милан и Савойя, графство Прованс (до 1481 г.). Из императорских династий (Габсбурги, Люксембурги, Виттельсбахи), постоянно сменявших друг друга на престоле, наиболее значительными домениальными владениями обладали Габсбурги: им принадлежали австрийские герцогства, Тироль и земли к северу от верхнего течения Рейна. Территориальное единство Империи было относительным: каждый сюзерен (а к концу XV в. их число доходит почти до 300) обладал всей полнотой прав над населением данной области и был практически независим от центральной власти.

Иная картина сложилась в Англии. Административное деление Англии было четким и однообразным. Вся страна была поделена на графства; их в объединенном английском королевстве насчитывалось около 50. Графства состояли из сотен. Высшая местная администрация в большинстве случаев или назначалась из центра, или выбиралась на местах, но утверждалась центральной властью. Более крупных политических объединений (маркизаты, герцогства) реально не было, хотя существовали титулы, определявшие положение их носителя при королевском дворе. Границы Английского королевства определились рано. Уже к началу развитого средневековья установилась пограничная линия между Англией и Шотландией, сохранившаяся почти в неизменном виде до наших дней. Более сложными были отношения с Уэльсом. Англичане постепенно завоевывали земли Южного Уэльса, но это делалось силами пограничных лордов, а не короны. Тем не менее к концу XII в. Южный Уэльс был захвачен англичанами, а через столетие в результате войн Эдуарда I весь Уэльс был присоединен к владениям английской короны. В Ирландии Англии принадлежит (с XII в.) небольшая укрепленная территория вокруг Дублина — Пелль. Помимо владений на островах Анжуйской династии Плантагенетов принадлежали также значительные владения на континенте: Аквитания, Гасконь, Анжу, Мэн, Бретань и с XI в. входившая в состав домена английских королей Нормандия. Постепенно эти земли перешли под контроль королей Франции; после Столетней войны за Англией сохранились лишь Кале и Нормандские острова.

Расположенные между двумя крупнейшими государствами континента — Францией и Империей, современные бельгийско-голландские территории в развитом

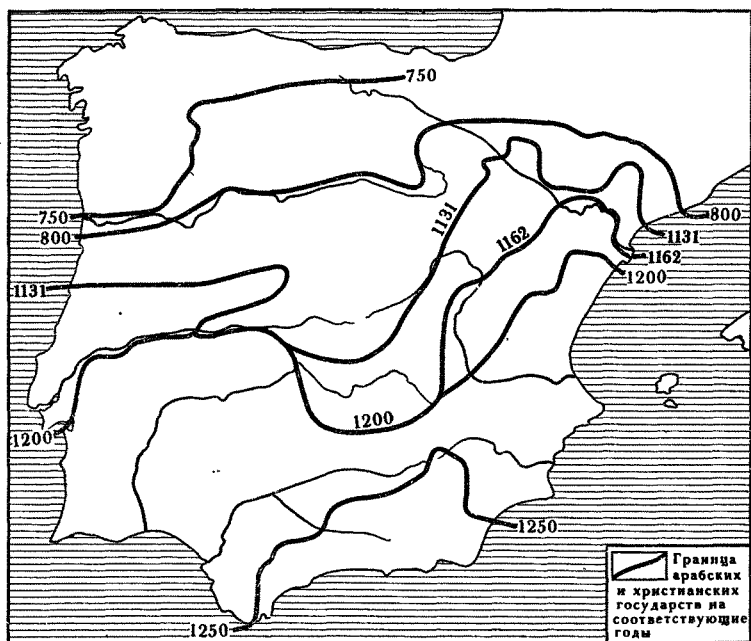


Бургундское государство в XV в. Показана (1) западная граница Священной Римской империи

средневековые служили объектом непрекращавшейся борьбы враждующих соседей. Графство Фландрия, занимавшее западную часть этих земель, находилось в состоянии почти непрерывной войны с усиливающимся Французским королевством, то входя в его состав, то получая относительную самостоятельность, но жертвуя при этом своей территорией (Артуа, Вермандуа). Иным было положение в южных и восточных землях; здесь герцогство Брабант, графства Голландия, Зеландия и Хеннегау, Льежское епископство, формально входившие в состав Империи, постепенно превращались в территориальные княжества и приобретали все большую независимость. В XV столетии судьбы этих территорий оказались едиными — и Фландрия, и брабантско-нидерландские земли вошли в состав возродившегося Бургундского государства.

Некогда могущественное Бургундское королевство с XI в. теряет свою территориальную целостность. Значительная часть Южной Бургундии (графство Прованс) входит в состав Империи, остальные земли постепенно присоединяются к более могущественным соседям: Франция в XIII—XIV вв. аннексирует Ним, Лион, Авиньон (позже проданный папам), Валансьен, Дофине, в XV в. — Прованс; восточная часть земель попадает в руки Савойского дома. Центрально-бургундские области (Малая Бургундия) с XI в. стали фьефами Германской империи; здесь с конца XIII в. начала складываться Конфедерация лесных кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден), к которым позже присоединились Люцерн, Берн, Цюрих и другие земли. Их становление проходило в жестокой борьбе с Габсбургами и Савойскими герцогами, сюзеренами соседних территорий.

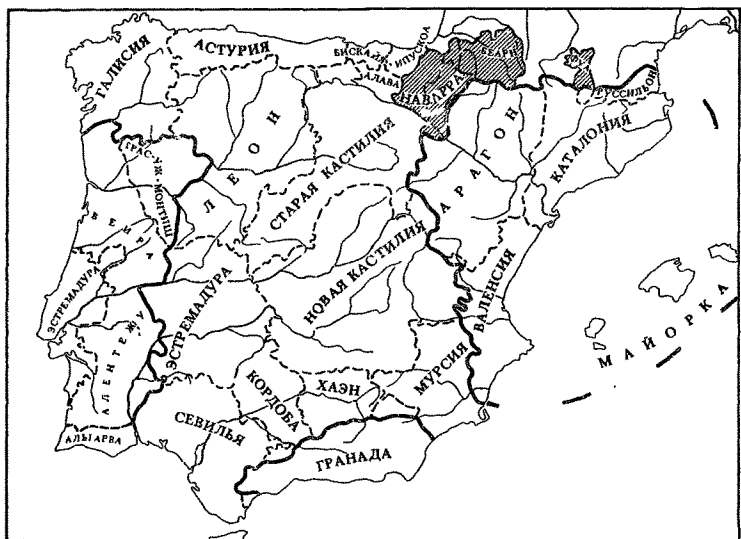
На землях Северной Бургундии (Франш-Конте или графство Бургундское) в XIV—XV вв. начало складываться новое Бургундское государство, во главе которого встала побочная линия французского правящего дома Валуа. Как герцоги Бургундские и графы Артуа они были вассалами французской короны, как владельцы Франш-Конте и других земель — подданные Империи. Используя постоянное соперничество своих сюзеренов, герцоги Бургундские различными путями расширили свои владения, присоединив к ним Фландрию, Голландию, Зеландию, Брабант, Люксембург, Хельдерн и Хеннегау, Пикардию, Вермандуа и Невер. Во второй половине XV сто-



Реконкиста в Испании

летия Бургундское герцогство было одним из могущественных государств континентальной Европы. После победы Людовика XI над Карлом Смелым часть этих владений (Пикардия, Артуа, Невер) снова отошла к французской короне, основная же масса земель возвратилась в состав Империи, став ядром домениальных владений Габсбургов.

В южной части континента крупнейшим государством была Испания. Главным событием в политической жизни страны в эпоху развитого средневековья была Реконкиста, в ходе которой складывались границы испанских государств. К концу XI в. Реконкиста сделала значительные успехи, большая доля которых пала на Кастилию, отодвинувшую границы с арабами до среднего и нижнего течения Тахо и отвоевавшую Толедо и земли к югу от него. В восточной части полуострова позиции Наварры и Арагона были более слабыми, и здесь граница с арабами проходила по линии Тудела — Уэска — Барселона.



Государства Пиренейского полуострова в XV в.
Заштрихованы территории, находившиеся в вассальной зависимости от испанской и французской короны

С конца XI в. Реконкиста была, однако, приостановлена сначала альморавидами, а в XII в. — альмохадами, полудикими берберскими племенами, хлынувшими из Северной Африки. Но к началу XIII в. произошел перелом, и в этом столетии Реконкиста одержала решающие успехи: была отвоевана практически вся территория полуострова и в руках арабов остались лишь земли Гранадского эмирата, окончательно завоеванные христианами в XV в. Одновременно расширялась территория Арагонского королевства за пределы полуострова; в его состав вошли южнофранцузские графства Каркассон, Руссильон, Фуа, Бигор, Беарн, средиземноморские острова и часть Южной Италии.

К середине XV в. основная часть земель полуострова была занята Кастилией, в состав которой входило королевство Леон (состоящее из собственно королевства Леон и королевства Галисии), королевство Кастилия (Старая Кастилия, Астурия, вольные области Алава, Гипускоа, Бискайя) и новые, основанные на завоеванных землях королевства — Толедо (Новая Кастилия), Кордова, Хаэн, Севилья и Мурсия, а также область Эстре-

мадура. В состав объединенного Арагонского королевства кроме старых земель — собственно королевства Арагон, графства Каталония и Руссильон — входили новые королевства — Валенсия, Майорка, Неаполитанское королевство, Сицилия и Сардиния. Португалия также представляла собой объединение нескольких областей, главными из которых были королевства Португалия и Альгарва. В конце XV в. Кастилия и Арагон объединяются династической унией, однако старое политико-административное деление продолжает играть немалую роль в жизни страны.

В XI—XII вв. значительная часть Италии входила в состав Империи. В это время крупнейшими феодальными владениями в стране были герцогства Тосканское и Сполето, Тревизско-Веронская, Иврейская и Анконская марки. Большую часть территории юга занимало норманское королевство Сицилии, Апулии и Калабрии (с центром в Палермо), позже превратившееся в Королевство Обеих Сицилий (с центром в Неаполе).

В XIII—XIV вв. политическая картина Италии резко меняется. С конца XII — начала XIII в. в стране возникают многочисленные города-коммуны, позже превратившиеся в синьории. Самые сильные из них — Милан под властью Висконти, Верона — Скалигеров, Падуя — Каррара, Мантуя — Гонзага, Феррара — Эсте — постепенно захватили всю территорию Северной Италии. В Центральной Италии, особенно в Тоскане, также возникли цветущие коммуны — Флоренция, Сиена, Лукка, Прато, однако здесь синьории утвердились лишь в нескольких городах — Флоренции, Урбино, Римини; попытки же установления синьории в Лукке, Болонье и многих других местах оказались безуспешными. Крупнейшим государством Средней Италии была Папская область, в XIII—XIV вв. временами простиравшаяся до Равенны. Значительные территории, причем все более увеличивающиеся, на северо-востоке страны принадлежали Венеции. Что же касается Генуи, то ее владения на полуострове были невелики, но зато ей принадлежал ряд заморских земель: Корсика, Сардиния. Юг страны и Сицилийское королевство в первой половине XIII в. входили в состав Империи, во второй половине столетия Неаполитанское королевство перешло под власть Анжуйской династии, в самой же Сицилии утвердились арагонцы.

В середине XV в. крупнейшими государствами Северной Италии были герцогства Миланское, Савойя, республика Венеция, маркизаты Мантуя, Монферрат, Салюццо, а также Генуэзская республика со своими корсиканскими владениями. Промежуточное положение между Северной и Средней Италией занимали владения рода Эсте (Феррара, Равенна, Реджо-Эмилия, Модена). В Центральной Италии крупнейшей по-прежнему была Папская область, включавшая весь юго-запад, восток и северо-восток этой части страны. Кроме папского государства здесь были расположены республики Флоренция, Сиена и Лукка. Весь юг страны, включая Сицилию и Сардинию, занимало арагонское Неаполитанское королевство.

Таким образом, политические судьбы европейских государств в период развитого средневековья были различны. Для части их была характерна политическая раздробленность, отсутствие территориального единства, этого одного из важнейших признаков складывающейся народности. Такое положение существовало в Италии, во фландрско-нидерландских землях — наиболее экономически развитых районах Западной Европы этого времени; такое положение было характерно и для Империи. Вместе с тем в Англии, Франции, частично Испании на протяжении эпохи развитого феодализма постепенно складывается основное территориальное ядро национальных государств и укрепляются политические связи между различными входящими в эти государства областями.

Социальная география Понятие социальной географии применительно к феодальному строю чрезвычайно широко: оно включает в себя территориальные различия в социальной структуре, формах и степени эксплуатации зависимого населения, организации общины и вотчины, роли города, в размахе и особенностях классовой борьбы и ряд других вопросов. Мы кратко остановимся лишь на главных территориальных особенностях процесса развития средневекового крестьянства и его классовой борьбы.

Марксистская историческая наука выделяет три основных варианта генезиса феодальных отношений в европейских странах: синтезное взаимодействие феодальных элементов, зарождавшихся внутри рабовладельческой формации и общинно-родового строя варваров с преобладанием позднеримского элемента (остготская и

лангобардская Италия, Вестготское государство в Юго-Западной Галлии и Испании, Бургундское королевство в Юго-Восточной Галлии); «уравновешенный» вариант, при котором позднеримские и варварские начала взаимодействовали приблизительно в одинаковой степени (население Северной Галлии, сербы и хорваты); возникновение феодализма непосредственно из варварского общества с незначительным влиянием (Британия, Юго-Западная Германия) или полным отсутствием римского элемента (Северо-Западная Германия, Скандинавские страны, а также области западных и восточных славян). Каждый из этих вариантов обладал значительной спецификой развития социальной структуры общества.

В остготской Италии социальный строй не претерпел серьезных изменений по сравнению с временами Поздней империи. Подавляющую часть населения по-прежнему составляли слои и классы, генетически связанные с рабовладельческим обществом, в первую очередь колонаты, игравшие ведущую роль в производстве. Социальную картину Апеннинского полуострова резко изменило лангобардское завоевание, после которого начали формироваться основные категории будущего феодального общества — феодалы и зависимое крестьянство; ядром крестьянства явились колонаты, рабы и другие категории зависимых, а также часть пришлого лангобардского населения и свободных римлян. Отсутствие источников не позволяет выявить удельный вес и формы участия римского элемента в этом процессе. Что же касается лангобардов, количественно меньшей, но социально наиболее значимой части населения, то основные этапы изменений в их среде известны. В VI и в VII вв. подавляющую массу непосредственных производителей составляли свободные общинники — ариманы; кроме них существовали полусвободные альдии. В VIII в. основная масса ариманов превращается в зависимых и полузависимых людей, либелляриев, чиншевиков и по своему положению постепенно сближается с альдиями, вольноотпущенниками-либертинами и другими категориями зависимых. Социальная стратификация этого времени чрезвычайно пестра и сложна, однако становится уже заметной тенденция к нивелировке всех категорий зависимых лиц в класс зависимого крестьянства.

В испанском Вестготском государстве удельный вес завоевателей также был невелик (не более 5%), но они

довольно быстро растворились в среде местного римского населения. Новые классы возникли в готской Испании в результате сдвигов, затронувших все социальные слои, независимо от их этнической принадлежности. Уже к началу VII в. основную массу непосредственных производителей составляли прекаристы, колоны, либертины и сервы. По всей видимости, основную часть формирующегося класса зависимых крестьян в готской Испании в отличие от других варварских государств составили сервы и либертины.

Во Франкском государстве, зоне «уравновешенного» синтеза, франки составляли более значительную часть населения, чем в лангобардском и готских королевствах, хотя и здесь они уступали по численности галло-римлянам. Основную часть франкского населения составляли свободные общинники; полусвободные литы и рабы редко использовались в сельском хозяйстве. Среди галло-римлян выделялись градации от крупных земельных собственников до землевладельцев мелкопоместного и крестьянского типа, земли которых обрабатывали колоны и разного рода держатели. К концу VI в. этнические различия, довольно четкие в предыдущий период, сглаживаются, происходит постепенное сближение знати, а также рядовой массы обеих этнических групп. Все более явно вырисовываются две наиболее многочисленные категории рядовых — свободное крестьянство (франкские общинники, мелкие земельные собственники римского, галльского, германского происхождения) и зависимые, обрабатывающие земли франкских и галло-римских собственников (колоны, литы, трибутарии, вольноотпущенники и др.). Резкие изменения в социальной структуре Франкского государства происходят в VIII—IX вв., когда основная часть свободного крестьянства теряет свои земли и вступает в разные формы зависимости от крупных церковных и светских землевладельцев; к середине IX в. здесь в основном завершается формирование класса зависимого крестьянства, который составляет подавляющую часть населения общества.

В областях бессинтезного пути развития феодальных отношений класс зависимого крестьянства формировался из более однородных элементов; основную часть его составили бывшие свободные общинники. Темпы этого процесса были чрезвычайно медленными: у англосаксов, например, вплоть до IX в. основную массу непосред-

венных производителей продолжали составлять свободные керлы, да и позже, уже в XI в., наряду с зависимыми существовало значительное число свободных крестьян.

К XI столетию в большинстве стран Западной Европы основная часть населения состояла из феодально-зависимого крестьянства. Во Франции, например, главными его категориями были крепостные сервы и лично свободные вилланы; кроме них существовало небольшое число аллодистов, постепенно втягивавшихся в феодальную зависимость; областями распространения двух последних прослоек были Нормандия, Бретань, Аквитания, графства Блуа, Мэн, Анжу, Пуату. В районах синтезного пути генезиса феодализма с преобладанием римских начал картина формирования зависимого крестьянства отличалась большей сложностью и незавершенностью. Например, в Северной и Средней Италии основными категориями крестьянства в X в. были сервы, массарии, либеллярии и относительно большая прослойка свободных аллодистов. Сервы и близкие к ним альдии выступают как настоящие крепостные, по правовому статусу недалеко ушедшие от своих предков — римских рабов. К ним близки, особенно в Средней Италии, массарии и колоны, в значительной мере лишенные личной свободы и фактически прикрепленные к земле. Либеллярии и эмфитевты Северной Италии в большей степени сохранили личную свободу, чем эти же категории крестьянства центральных областей страны. В Южной Италии процесс формирования класса зависимого крестьянства к XI в. только начинался и основную рабочую силу здесь составляли свободные крестьяне — собственники и арендаторы, колоны, рабы и некоторые категории полузависимого населения (госпиты, коммендировавшиеся лица). Столь же незавершенным был процесс формирования зависимого крестьянства и в областях бессинтезного пути генезиса феодализма. В Германии, например, процесс формирования зависимого крестьянства завершился только к концу XI — началу XII в., а столетием раньше в стране было огромное количество крестьян, находившихся на различных этапах перехода к зависимости. Более всего эти прослойки были распространены в Саксонии и Фрисландии, но и в таких областях, как Алемания, Бавария, Франкония, наряду с полностью закрепощенными деревнями существовали деревни, закрепощенные лишь частично или даже свободные.

В период развитого средневековья своеобразие в положении крестьянства в различных регионах Западной Европы определялось уже не наличием или отсутствием синтеза, а рядом других обстоятельств, и в первую очередь — развитием города и товарно-денежных отношений и их воздействием на деревню. С этой точки зрения на европейском континенте можно выделить четыре основных района: северо-запад, Средиземноморье, центральноевропейские области и Скандинавию. В первом из них (Северная Франция, Северо-Западная Германия, в основных чертах — Англия) развитие товарного производства привело к личному освобождению основной массы крестьян с сохранением их владельческих прав на землю (английские фригольдеры, французские цензитарии, мейеры нижнерейнских областей и др.). В средиземноморских странах, особенно Италии, к потребностям рынка приспособилось господское хозяйство и это привело к освобождению крестьян без земли и распространению аренды и новых, сочетающих в себе элементы феодальной и капиталистической форм эксплуатации держаний (испольщина). В областях Центральной Европы, в первую очередь заэльбской Германии, приспособление к рынку барского хозяйства вызвало усиление старых форм эксплуатации и укрепление феодальной зависимости крестьянства. Для Скандинавских стран эпоха развитого средневековья — время окончательного формирования класса феодально-зависимых крестьян; однако и здесь, несмотря на наличие огромного слоя лично свободных и даже сословнополноправных крестьян, имела место феодальная реакция.

К концу XV в. подавляющая часть населения Англии состояла из лично свободных крестьян, на разных условиях держащих или арендующих земли сеньоров (фригольдеры, копигольдеры, лизгольдеры). Небольшая их часть (йомены) по своему положению приближалась к зажиточным собственникам, однако основная масса крестьянства, несмотря на наличие довольно крепких владельческих прав на землю, находилась в бедственном положении; в последние десятилетия этого столетия по дорогам Англии бродили тысячи «раскрестьяненных» крестьян. Во Франции свободное крестьянство также составляло подавляющее большинство населения, хотя в отдельных местах (Бургундия, Невер, Бурбонне, Овернь, земли к востоку и северу от Парижа) еще сохранилось

крепостное право. Основную часть свободных крестьян в Северной и Северо-Восточной Франции составляли цензитарии (частично — госпиты), наряду с ними на юге страны — арендаторы и испольщики. Испольщики были основной категорией крестьянства и в Центральной Италии; в округе Флоренции, например, они обрабатывали в разных местах от 80 до 100% всех земель. В Северной Италии наиболее распространенными категориями были краткосрочные арендаторы и либеллярии. Свободное крестьянство было также весьма значительно и в Испании (в частности — в Кастилии). Однако там многочисленна была и прослойка в различной степени зависимых крестьян — в Каталонии и тех местах Арагона и Кастилии, которые послужили плацдармом для Реконкисты. В Германии XV в. определились три основных района, характеризующиеся особой социальной структурой в деревне. В Северо-Западной Германии превалировало свободное крестьянство с сильной мейерской прослойкой; остальные крестьяне выступали в роли мелких арендаторов и наемных лиц. Крестьянство Юго-Западной Германии также было в массе свободным, но в его дальнейшем развитии преобладали тенденции противоречивого свойства: с одной стороны, держания превращались в краткосрочные арендные земли, с другой — все более усиливалась личная зависимость крестьян, нередко приводящая к крепостнически-барщинным формам. В восточной части Империи крестьянство с точки зрения владельческих прав и личной свободы находилось в наиболее благоприятном положении, однако и здесь возникает тенденция лишения непосредственных производителей прав на землю и перевода их в крепостное состояние; правда, она касается пока только сохранившихся там литовских и славянских крестьян.

Классовая борьба является неотъемлемой чертой средневекового общества. Принимая разные формы — недобросовестная работа на господина, прямой отказ от выполнения повинностей, бегство, участие в различных еретических движениях и сектах, — она нередко выливалась в открытые вооруженные выступления не только в рамках одной или нескольких деревень, но и в региональные и общенациональные, охватывающие значительную часть территории страны. В связи с ограниченностью источников нам недостаточно известны локальные движения раннего средневековья. Что же касается региональных

восстаний этого периода, то они, как правило, были направлены против процесса феодализации тех областей, в которых было сильно свободное крестьянство и велики остатки общинных отношений: Саксония (841—843), Нормандия (997), Бретань (1024), славянское Поморье (2-я половина X в.). Иной характер носили крестьянские восстания эпохи развитого средневековья: наиболее крупные из них в большинстве случаев были связаны с областями наибольшего развития феодального гнета или с теми местами, где развивающееся товарно-денежное хозяйство сталкивалось с отсталыми формами феодальных общественных отношений. Это относится в первую очередь к крупнейшим крестьянским войнам общенационального характера — Жакерии и восстанию У. Тайлера, а также и таким более ограниченным регионально выступлениям крестьян, как движение пастушков и восстание 1322—1329 гг. в фландрско-нидерландских землях, восстания Дольчино и тукинов в Северо-Западной Италии, крестьянская война против «дурных обычаев» в Каталонии и др. В то же время крестьянские восстания стихийно вспыхивали в тех или иных местах Западной Европы; они создавали постоянный фон средневековой жизни. Для примера возьмем одну только Северную Италию второй половины XIV—XV в. В гористых окраинах этой территории на всем протяжении этого периода вооруженные выступления крестьян практически не прекращались. В Пьемонте не утихало движение тукинов, периодически вспыхивая с новой силой (в 1382—1387, 1391, 1450 гг. и далее — вплоть до середины XVI в.), в Фриуле — движение местных крестьян против венецианского, позже — австрийского засилья (весь XIV и XV вв., с кульминационным взрывом в Крестьянской войне 1511 г.), в Трентино-Альто-Адидже — постоянная борьба местных коммун против немецких феодалов (восстания 1407, 1432—1436, 1447 гг.). Не менее напряженной обстановка была и на равнине: восстания 1384 г. в дистрикте Пармы, 1438 г. в округе Равенны, 1476 г. в окрестностях Феррары и многие другие.

Численность населения, его состав и размещение Определение численности населения является одной из наиболее сложных проблем исторической географии. Отсутствие источников делает эту проблему во многих случаях неразрешимой; и хотя во многих исследованиях приводятся данные о количестве

жителей той или иной местности, часто они являются спорными, а то и просто не соответствующими действительности. Так, численность населения раннесредневековой Франции определяется разными авторами в диапазоне от 5 до 30 млн. человек, Испании (включая арабов) — от 7—8 до 40—50 млн. и т. д. Ниже мы будем пользоваться преимущественно расчетами одного из современных исследователей И. Рассела, которые во многом основаны на работах других специалистов по демографии средневековья.

Исследователь демографии средневековья в первую очередь сталкивается со сложностями методического порядка. Ряд памятников средневековой истории позволяет ставить демографические проблемы (например, сообщения современников о количестве жителей городов, областей, стран; переписи, пусть случайные и неполные; списки налогообложения и т. п.), однако к ним совершенно неприменимы методы современной демографии. Возьмем полиптик Сен-Жерменского монастыря, составленный в начале IX в. В нем поименно перечислены свыше 10 тыс. держателей мансов различных категорий, тем не менее общее число жителей этой территории неизвестно. Поэтому попытки определить плотность населения данной области приводят к разным цифрам — от 10 до 60—70 человек на кв. км. Неизвестно также, насколько плотность населения этого района характерна для всей страны; с одной стороны, речь идет о плотно населенных землях вблизи Парижа, с другой — о лесистом районе. Во всяком случае механическое перенесение этих данных на площадь всей Каролингской Галлии приводит к совершенно неверным результатам.

Еще более сомнительны цифры, сообщаемые современниками. Как известно, Цезарь говорит об одном из германских племен — свевах, что у них было сто округов, каждый из которых выставлял по тысяче воинов, ежегодно менявшихся; это приводит некоторых авторов к выводу, что древних германцев было 5 млн. человек. Другие данные единодушно говорят о немногочисленности победителей-варваров в сравнении с побежденными римлянами, и если население Римской Галлии в эту эпоху доходило до 5 млн. человек, то численность германцев должна была быть значительно меньшей. Так, вандалы, в 429 г. переправлявшиеся из Испании в Африку, считывали, по данным современников, 80 тыс., вестготы в

момент их поселения в Галлии — 100 тыс. человек и т. д.

Наиболее ранней из переписей населения была английская Книга Страшного Суда. Однако и по ней очень трудно сделать точные выводы: во-первых, в книгу включены сведения далеко не по всей территории страны, во-вторых, она содержит данные главным образом о держателях, а не о составе и численности семей держателей. Такой же характер носили и налоговые списки средневековья — французский 1328 г., английский 1377 г., кадастры итальянских городов XIV—XV вв., разнообразные «норманские», «датские» деньги и прочие налоговые обложения, носящие нерегулярный характер. В них, как правило, названы главы семейств или хозяйства («очаги»), облагаемые налогом, состав же семей, а следовательно, и общая цифра жителей не указаны. Между тем численность семьи в разное время даже в одной и той же местности варьировалась от 3—3,5 до 6—7 человек. Поэтому выводы, построенные и на этих относительно достоверных источниках, не отличаются большой точностью.

Существует множество других методов определения общей численности населения. Один из них — по размерам городов данной области. Считается, что население столицы средневекового государства составляет около 1,5% от всего населения страны, а число жителей крупного регионального центра — около 4% от жителей области. Однако само определение размеров средневекового городского населения — не менее трудная проблема. В частности, его, например, выводят из площади средневековых городов, однако здесь, как правило, учитывается лишь площадь, заключенная внутри городских стен, без пригородов, и, главное, плотность городского населения в разных городах — явление, далеко не одинаковое (от 60—80 до 150—200 человек на гектар).

Не менее сложна методика и других демографических исследований. Обязательная метрическая регистрация была введена во многих (но далеко не всех) областях только Тридентским собором, поэтому определение процента рождаемости и смертности, соотношения полов во времена, предшествующие XVI в., приходится делать на основе отрывочных и часто случайных данных. В целом принято считать, что соотношение рождаемости и смертности в периоды роста населения равно 4,2—3,6%, в периоды демографического упадка — 3,9—4,1%. Расчеты

полового состава населения также строятся на отдельных наблюдениях. Так, выяснено, что в сельских местностях численность мужчин превышала численность женщин; из полиптика Ирминона, например, ясно, что на каждые 100 женщин приходится 132 мужчины. Впрочем, эта последняя цифра (как и большинство подобных расчетов) довольно относительна: во-первых, неизвестно, каков был удельный вес детей младенческого возраста (поскольку мальчиков всегда рождается больше, чем девочек, это должно неизбежно повлиять на окончательные подсчеты); во-вторых, приведенные в полиптике имена не всегда дают возможность уверенно определить пол их носителя. Однако в целом эта особенность — преобладание мужчин над женщинами — подтверждается и другими (английскими, германскими, итальянскими) материалами. В XV в. кое-где становится заметной иная тенденция — относительный рост удельного веса женской части населения, что характерно для части городов. Однако эта закономерность проявлялась не везде: по предварительным данным, во Флоренции начала XV в. в зажиточных семьях преобладание мужчин над женщинами было очевидным (160 мужчин на 100 женщин; средний же индекс по всему городу — 116 на 100).

Не менее трудно определить социальный состав населения. Более или менее точными данными мы обладаем лишь применительно к духовенству: в местах его наибольшей распространенности (Италия) оно достигало 2—3% от всей численности населения, в других же странах (Англия XIV в.) — около 1,5%; впрочем, и эти цифры относительны, так как сведения о странствующих монахах, т. е. об одной из наиболее многочисленных прослоек клира, берутся обычно ориентировочно.

Так же относительно и вычисление соотношения сельского и городского населения в развитом средневековье. И здесь сложность не только в выяснении численности жителей городов и сел; например, в Книге Страшного Суда названы десятки поселений, в которых более 400 жителей, однако какие из них можно считать городами? В целом, несомненно, деревенское население превалировало над городским. Даже в Англии XIII в. жители городов составляли не более 10—12% (по другим данным — около 9%) всего населения страны. Но в отдельных областях в эту эпоху наблюдалась и иная картина. Так, в округах наиболее развитых итальянских городов (Фло-

ренция, Сиена, Падуя, Верона и др.), по данным кадастров, в конце XIV—XV вв. численность городских и сельских жителей была примерно равна. Во Фландрии и Бранте в XV в. в городах жило около $\frac{2}{3}$ всего населения этих областей. Однако это были единичные явления; здесь же рядом, в Хеннегау, городское население составляло не более $\frac{1}{6}$ всего населения.

На численность населения средневековой Европы влияли многие факторы, как способствовавшие, так и препятствовавшие ее росту. К числу первых относится фактор питания. Вместе с установлением «варварского» общества устанавливается новый рацион, в котором значительную роль начинают играть мясо-молочные продукты; позже ассортимент продуктов питания расширяется за счет появления новых злаков (маис) и развития огородничества. Вместе с тем идет практически невидимый, но в рамках столетий все-таки фиксируемый рост жизненных условий некоторых прослоек общества. На увеличение численности населения также влияли установленный церковью строгий запрет ограничения рождаемости и широкий размах внебрачных связей. Последнее обстоятельство приводило к большому числу детей, рожденных вне брака, так называемых бастардов; их статус специально оговаривался феодальным правом. Наконец, возраст вступления в брак был низок. В некоторых случаях, особенно в феодальных кругах, где преобладали политические, династические и иные подобного рода соображения, браки нередко заключались еще в детском возрасте; в среднем же в южных областях обычным возрастом первого брака у женщин было 15—16 лет.

Гораздо большее значение имели факторы, ограничивавшие рост населения. Постоянные войны и распри феодалов приводили к политической неустойчивости общества, а часто представляли и прямую угрозу жизни крестьянина. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹. Враждующие сеньоры в первую очередь стремились подорвать основу мощи своего противника, разоряя крестьянские хозяйства, угоняя их скот, сжигая посевы. Не меньшей опасностью для жизни крестьянина являлась необеспе-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 23, с. 729.

ченность его хозяйства. Низкая производительность труда исключала возможность создания запасов, гарантирующих его существование в тяжелые годы, а они были довольно частыми: в среднем считается, что в XI—XII вв. каждый третий-четвертый год был неурожайным, а любое колебание урожайности приводило к тому, что целые области оказывались на грани голодной смерти. Голод в средневековье был обычным явлением. Так, по имеющимся подсчетам, в разных областях Германии в XI в. 62 года были голодными.

Низкий санитарный уровень и отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к разгулу болезней и высокой, особенно детской, смертности. Из болезней наиболее распространенными были туберкулез, малярия, проказа. Но наибольший ущерб населению наносили периодические эпидемии чумы и холеры, регулярно посещавшие страны Европы. Самую печальную славу из них приобрела чума. Чума в средневековье имела две главные вспышки — в VI и XIV вв. В первом случае она пришла из Северной Африки, охватила главным образом земли Южной Европы и продолжалась с перерывами почти полстолетия. Некоторые исследователи полагают, что она довела население отдельных мест до 40% от прежнего уровня. Наиболее страшной из эпидемий была бубонная чума 1348—1351 гг., получившая название Черной смерти. Она пришла в Европу из Азии двумя путями — через Крым и Константинополь и из сирийских городов Леванта. За несколько лет она сделала широкий «круг» по Южной, Западной, Северной и Восточной Европе; затем на протяжении второй половины столетия несколько раз возвращалась в страны Западной Европы: в Италию в 1360—1363, 1371—1374, 1381—1384, 1400 гг., в Англию в 1360—1361, 1369, 1374, 1382, 1390—1391, 1400 гг. В результате население Европы в 1400 г. составляло около 60% от уровня середины XIV в. В местах скопления населения (города, монастыри) смертность была еще выше; так, в 9 крупнейших монастырях Англии только эпидемия 1348 г. унесла более 50% монахов.

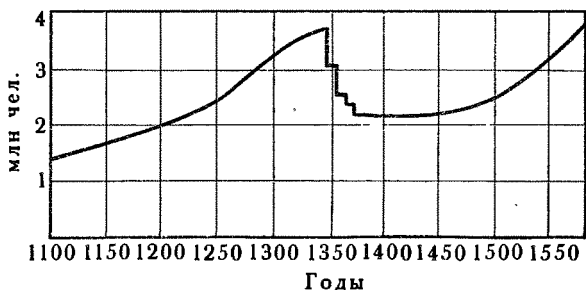
Следствием всех этих явлений была относительно небольшая продолжительность жизни. Так, семейные хроники X в. знатного германского рода Веттингов определяют средний возраст жизни его представителей в 30 лет (без учета смертности в младенческом возрасте); продолжительность жизни членов английской королевской

фамилии — 30,7 года. Определение среднего возраста других слоев населения связано с большими трудностями; для Англии И. Рассел приводит следующие цифры: 1276—1300 гг. — 31,3 года; 1348—1375 гг. — 17,3; 1426—1450 гг. — 32,8 года. В целом, очевидно, можно считать, что в демографически благоприятные периоды средняя продолжительность жизни в средневековье составляла 30—35 лет.

Картина движения численности населения в средневековой Западной Европе в общем виде представляется следующей. Европейское население Римской империи в эпоху ее расцвета (I—II вв.) превышало 20 млн. человек; из них около 6,5—7 млн. жили в Италии, приблизительно по 5,5 млн. — в Испании и Галлии. III—V века приносят с собой упадок численности населения в романизованных областях Европы (по другим территориям данных нет). Так, население Италии снижается в середине IV в. до 4 млн., Испании — до 3—3,5 млн. Уже в VI в. намечается тенденция к стабилизации числа населения и его некоторому росту; в последующие века она еще более усиливается. Предполагают, что во времена Карла Великого число жителей основной части его империи (без славянских и итальянских земель) доходило до 4—5 млн.; спустя столетие, в конце IX — начале X в., на этой территории проживало уже 5—6 млн. человек.

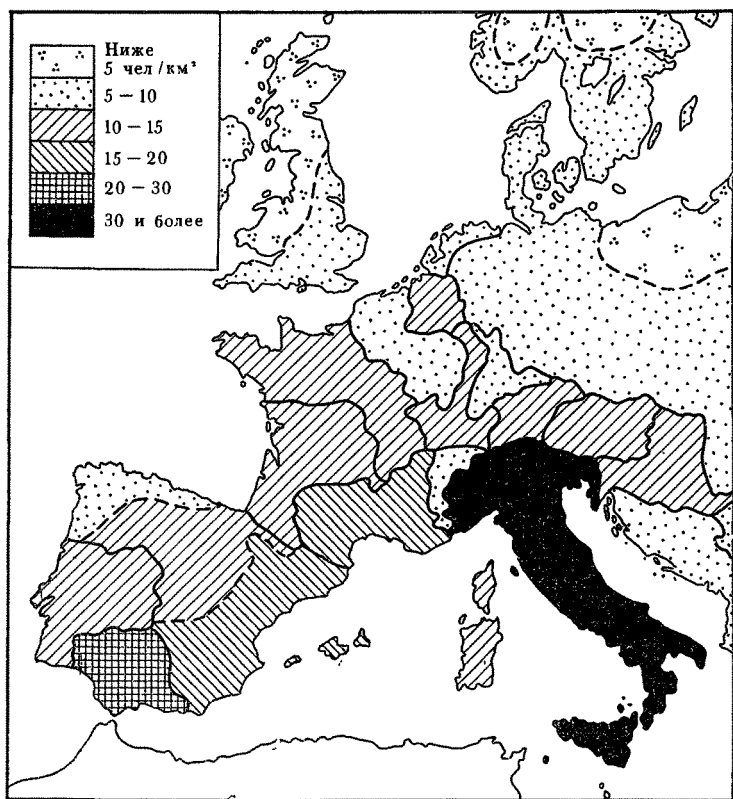
Со второй половины X в. европейское население вступает в полосу настоящего «демографического бума»: с этого времени и до начала XIV в. идет бурный рост численности жителей; в среднем общая численность населения Западной Европы за эти столетия увеличилась в 2—2,5 раза. Наибольший прирост населения приходился на те области, где раньше его плотность была относительно невелика, т. е. в его основе лежал процесс внутренней колонизации и подъема новых земель. Так, в Англии более всего (в 6—7 раз) выросло население Йоркшира, затем (в 3—5 раз) графств севера и северо-запада страны; на юге же и востоке, и ранее густо населенных, число жителей увеличилось только в 1,5—2 раза. Другим важным показателем роста населения были возникшие в массовых масштабах города.

Рост населения отдельных стран характеризуют следующие данные. В Италии уровень античности был превышен уже около 1200 г. В середине и во второй половине XIII в. крупнейшие итальянские государства имели



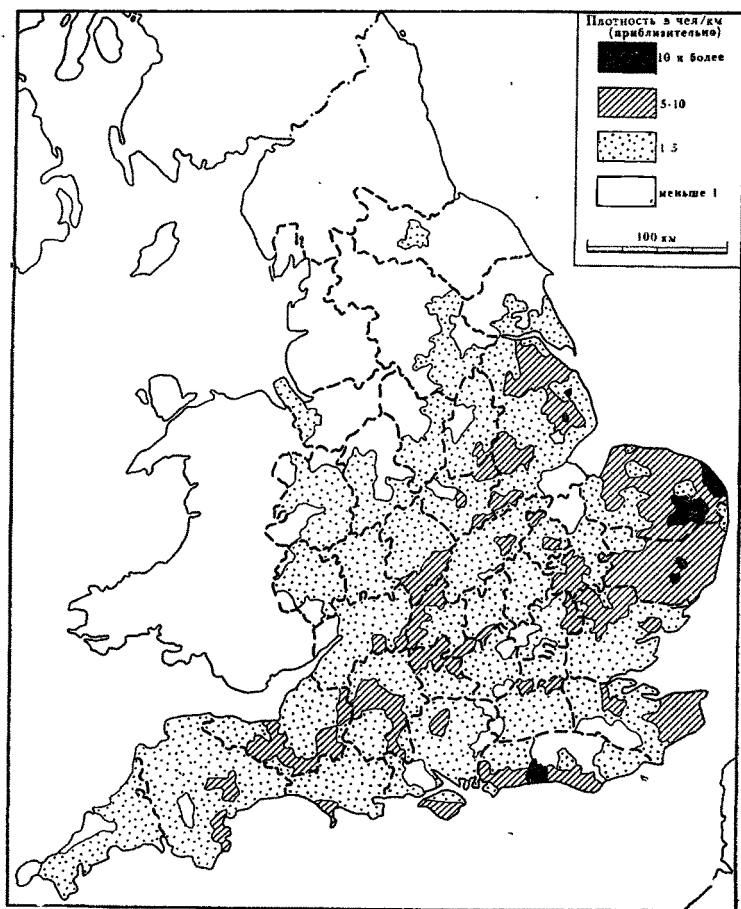
Изменение численности населения средневековой Англии (по И. Расселу)

населения: Венецианская республика — около 1,5 млн., Неаполитанское королевство — около 2 млн., Папская область — около 1450 тыс., Миланское государство — около 1 млн., Тоскана — около 750 тыс. Перед Черной смертью Апеннинский полуостров насчитывал более 9 млн. жителей. Во Франции по налоговым спискам 1328 г. ориентировочно было около 13,5 млн. населения. Резко выросло (в том числе за счет территориальных присоединений) население Германии: в конце XI в. — около 4 млн., в конце XII в. — около 7 млн., в XIII—XIV вв. — около 11 млн. жителей. Особенно велики темпы роста были на северо-западе страны; здесь в низовьях Рейна только в X—XII вв. численность населения удвоилась, в целом же за период развитого средневековья оно увеличилось почти вчетверо, причем в большей степени за счет городского населения. Население Англии от эпохи Книги Страшного Суда и до Черной смерти выросло с 1100 тыс. до 3700 тыс. человек (население Британских островов — с 1700 тыс. до 5200 тыс.), т. е. более чем в три раза. Из этой общей картины роста европейского населения несколько выпадают Скандинавские страны и государства Пиренейского полуострова. В Скандинавии «демографический бум» начался довольно поздно — в конце XIII — начале XIV в. — и уже в середине XIV в. был прерван полосой эпидемий. На Пиренеях же сложилась особая ситуация. Здесь уровень римского населения был достигнут и превышен очень рано, в первые столетия после арабского завоевания, однако в дальнейшем Реконкиста отрицательно сказалась на темпах прироста населения: так, за X—XIV вв. число жителей увеличилось только с 7 до 9,5 млн. человек.



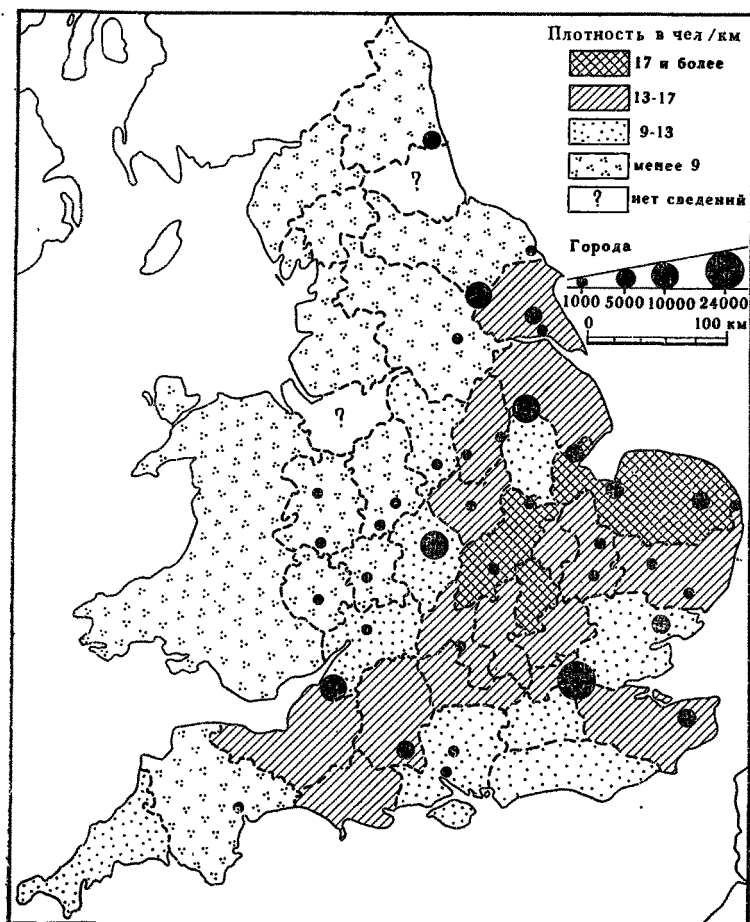
Плотность населения Западной Европы в эпоху Поздней Римской империи

В XIV в. начинается «демографический кризис»: сначала небольшое, затем все более стремительное падение численности населения. Большинство зарубежных исследователей связывают его с Черной смертью и последующими эпидемиями, во второй половине XIV в. опустошавшими европейский континент; однако несомненно, что это явление имеет более глубокие, хотя пока еще окончательно не установленные, социально-экономические причины. Во всяком случае, как это отмечают многие демографы, первые признаки начавшегося снижения темпов роста и численности населения появились во многих европейских странах за несколько десятилетий до Черной смерти, во



Плотность населения Англии в эпоху Книги Страшного Суда

второй четверти XIV в. Черная смерть и последующие эпидемии ускорили эти процессы и довели их до катастрофических результатов. Во многих европейских странах Черная смерть унесла 20—25% жизней, местами смертность достигала 80—90%. В Лондоне, который насчитывал около 40—50 тыс. жителей, только на Смитсфилдском кладбище ежедневно хоронили до 200 человек. В целом она обошлась Англии более чем в 600 тыс. жизней. Динамика численности английского населе-



Плотность взрослого сельского населения Англии по налоговым спискам 1377 г.

ния в те страшные десятилетия выглядит следующим образом:

	числен. населен., тыс.)		потери, тыс.	процент смертности
перед Черной смертью	3757		—	ок. 4
после эпидемии 1348—1350 гг.	3127	св.	600	25—27
после эпидемии 1360—1361 гг.	2745	св.	350	23
после эпидемии 1369 г. . . .	2452	ок.	250	13
после эпидемии 1374 г. . . .	2250	ок.	200	12
в конце XIV в. ок.	2000		—	ок. 5

Не меньший урон нанесли эпидемии XIV в. Италии, где численность населения также упала почти на 40% — с 9,2 до 5,5 млн. человек. Во Франции чумные годы сочетались со Столетней войной; здесь XIV век также нанес сокрушительный урон населению. В Нормандии, например, к концу столетия насчитывалось не более 60% жителей от уровня 1328 г., в Провансе — 65%. В XV в. положение в Европе несколько стабилизируется. В начале столетия падение численности населения приостанавливается, а с 30-х годов начинается его новый подъем. Однако прежний уровень был достигнут во Франции лишь к концу XV в., а в Англии даже в середине XVI в. В Испании же в конце XV в. насчитывалось всего 8,3 млн. человек, т. е. столько же, сколько было в XIII в.

Плотность средневекового населения была относительно невелика. В Англии эпохи Книги Страшного Суда она колебалась в разных местах от 3—5 до 18—20 человек на квадратный километр. В XIV в. она повышается в наиболее густонаселенных графствах до 30—35, но к концу века снова падает до 25—30 чел/км². В это же время в Германии средняя плотность населения была около 18 чел/км².

Во времена Поздней Римской империи самыми плотно населенными областями Европы были Кампанья и Лациум; за ними шли другие итальянские земли, Южная и Восточная Испания, Нарбонская Галлия. В раннее средневековье первенство принадлежало арабским землям на Пиренеях и в Южной Италии. В эпоху развитого феодализма картина размещения населения меняется. В первой половине XIV в. наиболее густонаселенные земли по-прежнему находились в Италии, но теперь уже в Ломбардии и Тоскане, а также в районе Фландрии, Брабанта, Северо-Восточной Франции и Северо-Западной Германии. Здесь плотность доходила до 50—100 человек на квадратный километр. Из французских земель выделялись Иль-де-Франс, Фландрия, Нормандия и Шампань. В Германии ведущая роль оставалась за рейнскими землями, однако начиная с XIII в. постепенно увеличивался удельный вес южных областей. В Англии наиболее населенными были Норфолк, Суффолк, Мидлсекс, Бедфордшир и Нортхемптоншир. В Испании Андалусия, Валенсия и Гранада, наиболее густо заселенные еще в арабскую эпоху, продолжали сохранять свое положение и впоследствии.

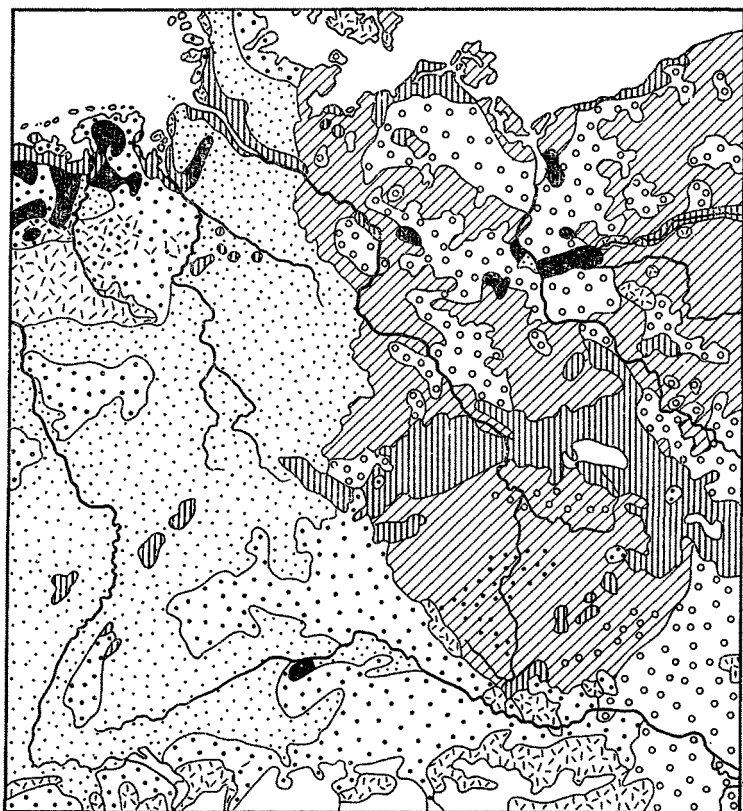
Европы. Из всего их многообразия можно выделить два основных типа поселений — это крупные компактные (села, деревни, полуаграрные городки) и мелкие разбросанные (хутора, выселки, отдельно расположенные дома-фермы). Компактные поселения, деревни по своей планировке сильно отличаются друг от друга; так, например, различают «ядерные», кучевые, линейные и другие типы деревень. В первом типе «ядром» поселения является площадь с расположенной на ней церковью, рынком и т. п., от которой отходят в радиальном направлении улицы и переулки. В уличной деревне основу планировки чаще всего составляют несколько улиц, под разными углами перекрещивающиеся друг с другом. Дома в такой деревне расположены по обеим сторонам улицы и обращены фасадами друг к другу. В линейной деревне дома располагаются на одной линии — вдоль дороги, реки или какой-либо складки местности — и часто только по одной стороне дороги; иногда таких улиц в деревне могло быть несколько: например, в горных местностях дворы нередко составляли два ряда, из которых один идет у подножья склона, другой параллельно ему, но несколько выше. В кучевой деревне дома беспорядочно разбросаны и связываются между собой проулками и проездами.

Не менее разнообразны варианты мелких поселений. Обычно хуторами считают населенные пункты, в которых 10—15 дворов (в Скандинавии — до 4—6 дворов). Однако эти дворы могут или концентрироваться вокруг какого-либо центра (площадь, улица), или лежать довольно далеко друг от друга, будучи связаны лишь общим пастбищем, пахотой, управлением и т. п. Даже отдельные постройки и те требуют своей классификации: ведь крупные, в несколько этажей фермы равнинных мест несравнимы с небольшими хижинами горных жителей.

Многоликая картина поселений средневековой эпохи сохранилась до наших дней: подавляющее большинство населенных пунктов континента, как полагают, возникло еще до XV в. При этом в их возникновении можно подметить определенные закономерности. Так, система открытых полей чаще всего сочеталась с компактными поселениями. Средиземноморская система хозяйствования допускала существование разных типов населенных пунк-

тов, но начиная с XV в. в местах наибольшего развития аграрных отношений (Средняя Италия, Ломбардия) доминирующими стали отдельные дома-фермы. На распространение того или иного типа поселений влияли и географические факторы: в равнинных местностях, как правило, преобладали крупные деревни, в горных — мелкие хутора. Наконец, решающую роль во многих случаях играли исторические особенности развития каждой местности и, в первую очередь, характер ее заселения. Например, военной колонизацией объясняется преобладание крупных поселений в Восточной Германии и в центральных областях Пиренейского полуострова. Освоение бывшего леса, болот, низменных приморских территорий вело к распространению мелких форм поселений — хуторов, выселок, заимок с отдельными строениями. На характер поселений влияли и порядки, свойственные прежнему населению этой местности (кельтам, славянам и т. д.). Впрочем, все эти закономерности проявлялись далеко не всегда; например, во Фриуле, рельеф которого представляет всю гамму ландшафтов от Альпийских гор до лагунной низины, распределение типов поселений было обратным указанному выше: в горах — компактные многодворные села, на равнине — изолированные дома. Следует учесть также, что характер доминирующего типа поселения на протяжении средневековья мог неоднократно меняться. Так, в Англии в кельтскую эпоху преобладали мелкие поселения, но уже первая волна англосакского нашествия привела к увеличению удельного веса крупных деревень, так как завоеватели предпочитали селиться большими родовыми группами. В целом в раннее средневековье компактные виллы-общины в Центральной, Южной и Восточной Англии были преобладающими. Дальнейшее расселение населения шло путем отпочкования от крупных поселений мелких выселок; их количество еще более выросло в период внутренней колонизации. В итоге во многих сельских районах страны уже к XV в. господствующим типом поселений стали мелкие разрозненные поселения. Позже в результате огораживаний многие деревни были заброшены и количество мелких хуторов и отдельных ферм еще более возросло.

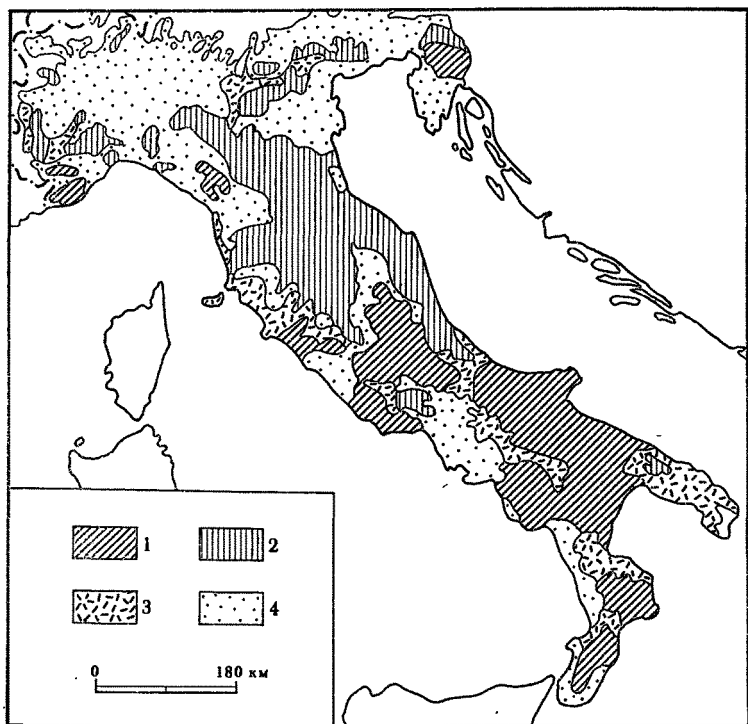
В Германии границей между различными типами поселений была Эльба. К западу от нее доминировали кучевые деревни, мелкие поселки беспорядочной формы, хутора и отдельные строения, иногда имеющие какой-либо



Сельские поселения Центральной Европы:

1 — кучевые и ядерные деревни; 2 — хутора и мелкие селения; 3 — отдельные хозяйства; 4 — мелкие кучевые и ядерные деревни более упорядоченного типа (районы колонизации); 5 — крупные уличные и ядерные деревни; 6 — хутора-займки; 7 — более поздние формы поселений

общий центр или, наоборот, располагающиеся вокруг пахотного массива. Мелкие деревни и хутора были также распространены в восточных землях (Лаузиц, Бранденбург, Силезия, чешские территории); здесь их наличие нередко объясняется формой предыдущих славянских поселений. В основном же Восточная Германия — область господства крупных деревень уличного или линейного



Типы сельских поселений Италии:

1 — крупные села и аграрные городки; 2 — хутора и горные поселки; 3 — отдельные дома и хозяйства; 4 — смешанные формы селений

типа, а также более мелких поселений, выросших на местах лесных расчисток или в гористой местности, но носящих такой же упорядоченный характер.

На севере и северо-востоке Франции подавляющим типом были крупные села; здесь грань между мелким городом и такой деревней была невелика. В остальных же районах страны (Центральный массив, Мэн, Пуату, Бретань, восточная часть Иль-де-Франса) господствовали мелкие поселения, хутора. В Аквитании, Тулузском районе, Лангедоке со времен развитого феодализма картина стала несколько иной: многовековые войны вызвали к жизни иной тип поселений — бастиды, укрепленные центры, построенные по определенному плану; в них стали стекаться жители прежних поселков.

Картина испанских поселений также менялась по мере хода Реконкисты. Издавна север и северо-запад полуострова представляли собой территорию, занятую мелкими хуторами и разбросанными поодиночке строениями, однако к началу Реконкисты в пограничных с арабами землях Леона и Старой Кастилии шел процесс укрупнения населенных пунктов. На отвоеванных землях Новой Кастилии господствующим типом поселений стали редкие, но крупные по размерам села или — на севере области — мелкие хуторки, группирующиеся вокруг укрепленного замка. Такие же крупные деревни доминировали и в Португалии к югу от Тахо; однако к северу от нее наиболее распространенным типом поселений оставались хутора.

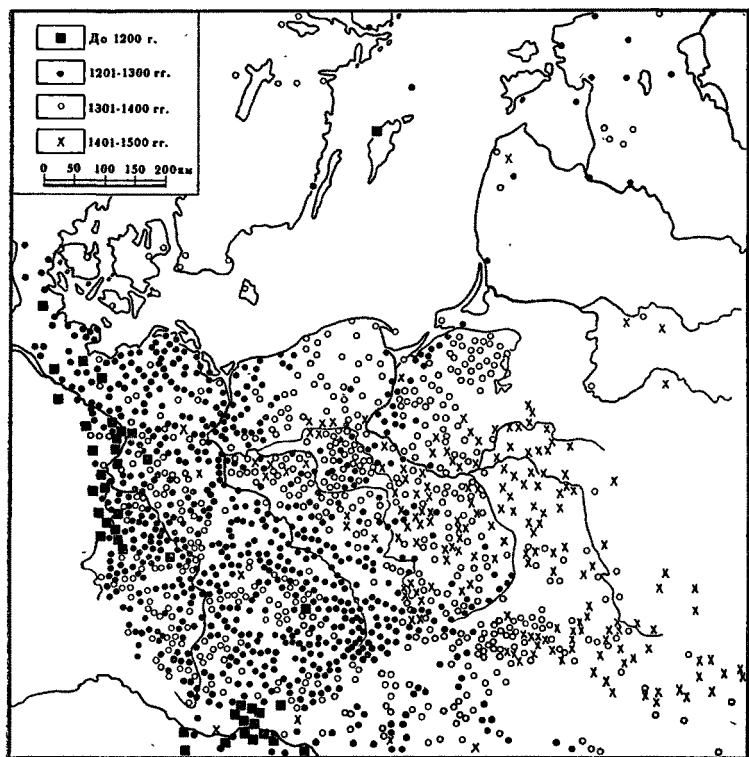
Картина итальянских поселений не менее разнообразна. Большую часть юга полуострова занимали крупные деревни, местами смешанные с мелкими выселками и хуторами; лишь в Апулии и Калабрии господствовали разбросанные мелкие хутора. Крупные села и полуаграрные городки доминировали также на юге Центральной Италии. В северной же части Лацио, Марке, Тоскане, Эмилии, значительной части Ломбардии, Венето и Пьемонте наиболее распространенным типом поселений были мелкие деревушки, хутора и отдельные фермы — подере.

Наличие господствующего типа поселений в каждой из областей континента совсем не отрицало существования в ней селений другого типа. Как правило, почти в каждой местности были и крупные деревенские пункты, и мелкие поселки, а то и отдельные дома — фермы. Речь идет лишь о преобладающем типе поселения, определяющем лицо данной территории.

Средневековые города Западной Европы	Возникновение города — феномен эпохи развитого феодализма. Действительно, если в раннее средневековье в Европе насчитывалось всего несколько десятков (в лучшем случае — несколько сотен) более или менее крупных поселений городского, а точнее — доргородского типа, то к концу XV в. на территории континента существовало приблизительно до 10 тыс. различных городов. Средневековый город возник в результате процесса отделения ремесла от земледелия. Мы здесь не будем останавливаться на всех сторонах этой проблемы, а рассмотрим лишь ее географический аспект.
---	---

Часть средневековых городов была территориально связана с прежними римскими городами; это относится к итальянским, французским, испанским, частично английским и германским городам. Мотивы выбора их месторасположения были самыми разнообразными: здесь играли роль географические факторы (например, многие североитальянские города — Верона, Бреша, Виченца и др. — возникали в тех местах, где горные долины сливались с равниной; другие — в удобных местах морского побережья или вдоль рек — Неаполь, Павия и т. д.), военные соображения (так возникло большинство римских центров Рейнской Германии и Северо-Восточной Галлии); многие города основывались на местах прежних поселений завоеванных Римом племен (Нант — наметы, Анжер — адекавы, Пуатье — пиктоны, Отен — эдуи и т. д.). Однако приуроченность средневекового города к месту расположения прежнего римского центра была далеко не всегда прямой. Многие римские города, процветавшие в античную эпоху, позже пришли в упадок, а то и вообще прекратили существование; наоборот, немало незначительных поселений античности в средние века превратились в крупные городские центры. Нередко средневековый город вырастал не на месте римского поселения, а по соседству с ним или даже на некотором расстоянии от него. Такова, например, была судьба Сент-Олбани (римский Веруламиум) в Англии, французских Отена, Клермон-Феррана, Бокера, Меца, Вердена, Нарбонны и многих других городов. Даже в самой Италии средневековые города иногда не совпадали территориально с античными (Равенна, например). В некоторых случаях и само имя римского центра в средневековье менялось на новое — Лютеция превратилась в Париж, Аргентората — в Страсбург, Аугустобона стала Труа и пр.

В основе этих топографических сдвигов лежали, как правило, политические события переходной от античности эпохи, погромы и разрушения варварских завоеваний. Но, пожалуй еще важнее то, что города потеряли свою прежнюю экономическую роль и приобрели новые функции, став церковно-монастырскими центрами, резиденциями крупных магнатов и королей и т. д.; это не могло не сказаться на их топографии. Поэтому, даже сохранив территориальную связь с городом римской эпохи, поселения раннего средневековья фактически перестали быть городами. Так, в каролингскую эпоху во Франции наи-



Возникновение городов в междуречье Эльбы и Немана

большой вес и значение имели города — резиденции архиепископов (Лион, Реймс, Тур и др.); из 120 городов Германии в XI в. 40 были епископскими, 20 располагались вблизи крупных монастырей, а остальные 60 являлись центрами крупных феодальных владений (в том числе 12 из них — королевские резиденции).

Процесс возникновения феодального города как центра ремесла и торговли в массе ведет свое начало с эпохи развитого средневековья, хотя в некоторых местах города возникают на несколько столетий раньше — это средиземноморские порты Амальфи, Гаэта, Бари, Генуя, Венеция, Палермо, Марсель и некоторые другие, удачно использовавшие в IX—X вв. ослабление арабского и византийского влияния в южном торговом регионе. Поднимаются и некоторые торгово-ремесленные центры, не связанные

с морской торговлей; таким городом в X в. в Северной Италии стала Павия, расположенная у впадения Тичино в По и на перекрестке путей из Альп в Апеннины; немалую роль в ее подъеме сыграло и то обстоятельство, что она была традиционной столицей Лангобардского королевства. Крупным городом была Равенна — центр византийского господства в Италии.

В XI—XII вв. создаются и получают определенные политические права города Северо-Восточной Франции, Рейнской Германии, Фландрии, Центральной, Восточной и Южной Англии, Средней и Северной Италии; несколько позже возникают города в остальных областях континента. В Германии, например (позже — Империи), территориальная картина возникновения городов выглядела следующим образом. До XIII в. почти все города страны были расположены к западу от Эльбы и по Верхнему Дунаю, практически не пересекая линию Любек — Вена. Основная масса городов, возникших в XIII в., находилась уже в междуречье Эльбы и Одера; отдельные группы их концентрировались в Северной Чехии, Силезии, в верховьях и в нижнем течении Вислы. И только в XIV в. города заполнили почти всю территорию Центральной Европы, к западу от линии Кенигсберг — Краков. В XV столетии между Эльбой и Вислой основывались лишь отдельные города (в общей сложности несколько десятков), подавляющая масса их к этому времени уже существовала. В других странах этот процесс завершился еще раньше: в Англии, например, абсолютное большинство средневековых городских центров известно с XIII в.

Когда города возникали на месте прежних деревень, это часто отражалось на их названиях; такими городами в Германии были города с «сельскими» окончаниями на «инген», «хайм», «дорф», «хаузен» (Тюбинген, Вальдорф, Мюльхаузен и т. д.). Факторы, способствовавшие превращению прежнего поселения в город или возникновению нового городского центра, были самыми разнообразными. Здесь могли играть роль и военно-политические обстоятельства (потребность в крепости, покровительство со стороны местного сеньора), и социально-экономические мотивы (например, существование традиционного рынка, перевалочного пункта товаров и т. п.). Большую роль в процессе возникновения средневекового города сыграли географические моменты: удобный рельеф, реки, пересе-

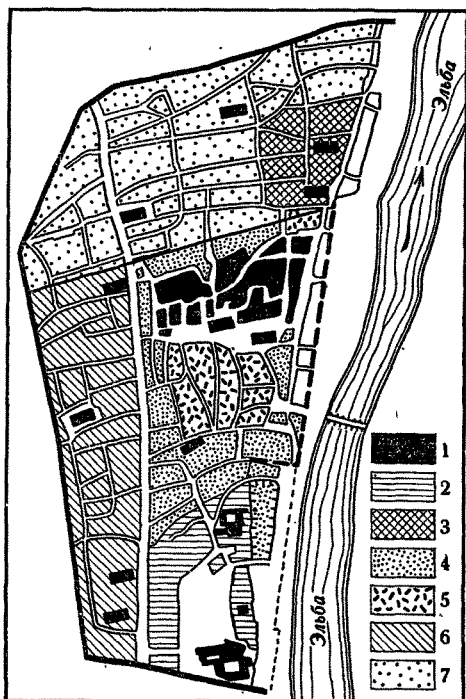
чение сухопутных дорог; морские заливы нередко не просто способствовали превращению догородского поселения в город, но и играли в этом чрезвычайно важную роль. Выше уже говорилось об исключительно благоприятном расположении Павии; подобные же обстоятельства сыграли роль в подъеме Милана, Франкфурта-на-Майне, Булони, Ковентри, шампанских и многих других городов. Интересные данные о роли географических факторов в возникновении ранних городов дает топонимика. Так, о связи начального поселения с мостом, переездом, бродом говорят многочисленные названия на «бридж», «брюк», «понт», «фурт» и т. д.: Кембридж, Понтауз, Франкфурт, Оксфорд, Инсбрук, Брюгге, Саарбрюкен и т. п. Города с названиями типа Брунsvик, как правило, были связаны с морским побережьем или реками: элемент «вик», «вич» в скандинавских топонимах означает залив, бухту, устье. Расположение города определяли и многие другие факторы, например наличие рынка в самом поселении или поблизости от него, существование укрепленного места, где могли бы укрыться жители в случае военной угрозы, близость торговых маршрутов и удобства путей сообщения, политическая обстановка в области, отношения с местным феодалом и т. д. Как показывает история крупнейших городских центров средневековой Европы, в их подъеме сыграло роль именно сочетание многих благоприятных факторов, включая, конечно, удобство месторасположения.

Топография средневековых городов была чрезвычайно разнообразной и отражала особенности возникновения, расположения и развития каждого из них. Вместе с тем любой из городов обладал элементами, общими для всех: это рынок, кафедральный собор, укрепленный центр (бург, сите, замок), дворцы-крепости живущих в городе крупных магнатов, здание органов городского управления (ратуша, синьория и т. п.) и, наконец, городские стены, часто по мере роста города опоясывающие его несколько раз. Внутри этих стен город представлял собой причудливую путаницу узеньких улочек и переулков, хаотически разбросанных зданий, расположенных без всякой системы. За городскими стенами находились пригородные ремесленные посады и села, огороды и пахотные участки горожан, общие луга, леса и выпасы; впрочем, нередко разные виды этих угодий включались и в городские стены.

Систематизация средневековых городов в зависимости от их топографии практически невозможна из-за их многообразия; однако некоторые типы и принципы построения города представить все-таки можно.

В Италии часть городов сохранила в средневековье не только античное ядро, но даже и его наиболее крупные строения (например, Рим, Верона); в некоторых случаях бросается в глаза совпадение планировки отдельных районов города, вплоть до буквального совпадения ряда кварталов и улиц (Турин, Пьяченца, Верона, Павия). Конечно, средневековый город выходил за пределы городской черты античности, но он разрастался именно вокруг прежнего римского ядра — арены, форума, остатков городских стен, и новые здания нередко возводились на месте, расчищаемом от старых, и даже из старого материала. Уже к XIII в. основная масса итальянских городов полностью приобрела средневековый облик; от римской древности сохранились, да и то далеко не везде, лишь отдельные базилики. В дальнейшем возводились новые пояса стен, площадь города расширялась, но в целом его планировка оставалась неизменной. Многие североитальянские города строились по следующему плану. В центре города находилась площадь, на которую выходила синьория (дворец правосудия и т. п.), неподалеку располагался кафедральный собор. Рынок по недостатку места вначале выносился за городские стены, но по мере расширения города он оказывался уже внутри их. Помимо периодического рынка (ярмарки) в городах существовали целые кварталы и улицы, на которых традиционно были расположены мастерские и лавки ремесленников разных специальностей. Над городскими строениями возвышались крепости-башни крупнейших феодальных семей; после установления в итальянских городах синьорий во многих из них были возведены замки тиранов. Неотъемлемой принадлежностью большинства итальянских городов были каменные мосты: в связи с небольшими размерами большей части итальянских рек города располагались сразу по обеим сторонам реки, что нередко встречалось уже в античности.

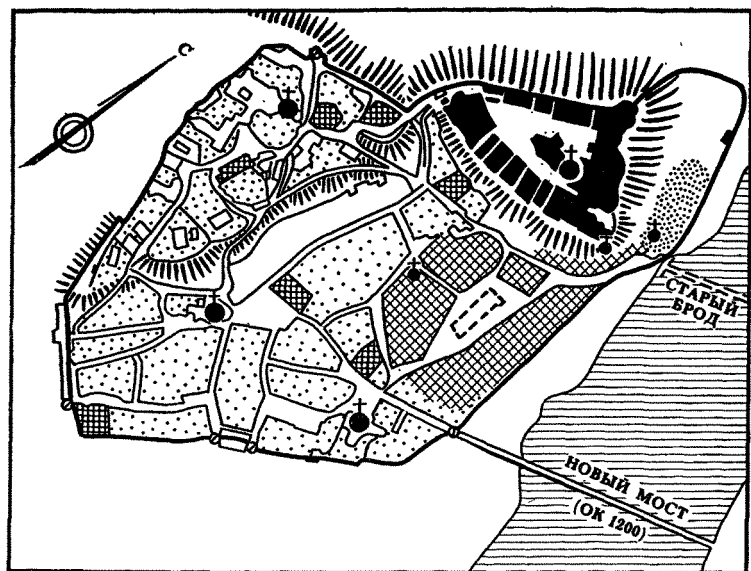
Таким образом, мы можем провести некоторую топографическую связь итальянского средневекового и античного города. Иначе дело обстояло на континенте. В эпоху поздней Империи в связи с варварскими завоеваниями римские поселения в Галлии и Германии были обнесены



Средневековый Магдебург (ок. 1250 г.):

1 — кафедральный собор и бург оттоновской эпохи; 2 — замок каролингской эпохи; 3 — замок местного графа; 4 — застройки XI — первой половины XII в.; 5 — ремесленно-торговое поселение и рынок; 6 — застройки второй половины XII в.; 7 — застройки первой половины XIII в.

стенами, однако площадь, заключенная внутри этих стен, была чрезвычайно мала. Так, в Трире, бывшем одно время официальной столицей части Империи, она составляла всего 7 га, в Кельне и Майнце — от 2 до 2,5 га, а в подавляющем большинстве других городов не превышала долей гектара (Дижон — 0,3 га, Париж и Амьен — 0,2 га). К тому же эти стены вскоре были или снесены осаждающими, или разобраны на строительный материал самими жителями. Поэтому даже в тех случаях, когда прежние римские населенные пункты полностью или частично использовались для поселения (как резиденция епископа, например), они не могли существенно повлиять на планировку и структуру возникавшего в этом месте города.

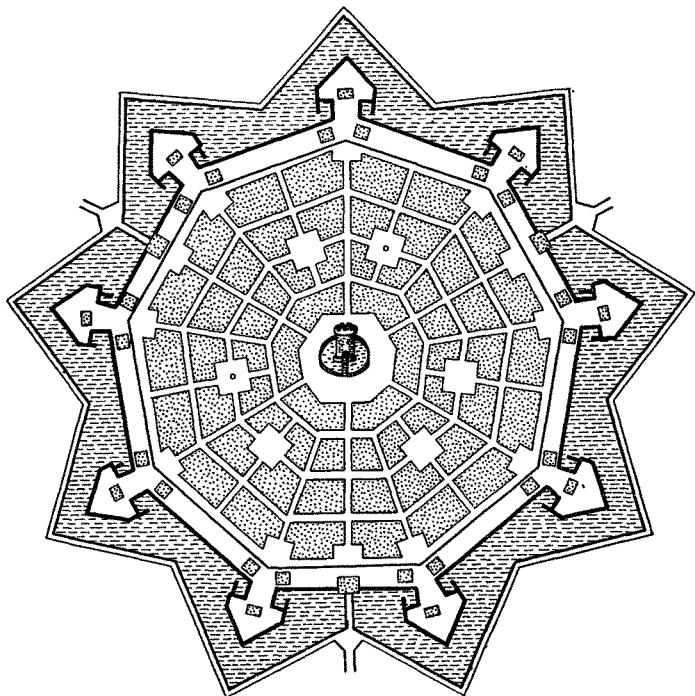


Средневековый Мейсен:

- 1 — древний бург; 2 — торговое поселение (ок. 1000 г.); 3 — церкви и монастыри; 4 — укрепленные дворцы и башни знати; 5 — районы, застроенные до XIV в.; 6 — районы более поздней застройки

Остановимся на одном типе планировки средневековых городов, наиболее распространенном в Германии. Речь пойдет о так называемом «многоядерном» варианте города. Как указывалось выше, большинство европейских городов сочетало в себе сразу несколько моментов, способствовавших их возникновению и развитию: наличие догородского поселения, рынка, укрепленного места, благоприятных условий рельефа. Эти элементы представляли собой своего рода «ядра» складывающегося города; их объединение и создавало город как таковой. Естественно, что взаимное расположение «ядер» в разных местах было различным, поэтому и топография возникающих городов была разнообразна; однако принципы их построения были одними и теми же. Несколько примеров.

В основе средневекового Магдебурга лежали сразу четыре «ядра»: сельское поселение, издавна существовавшее на этом месте, и расположенный рядом с ним замок



План города-крепости Пальманова

каролингской эпохи, резиденция саксонских герцогов; кафедральный собор с бургом оттоновских вре́мен; замок местных графов; наконец, ремесленно-торговое поселение с рынком, лежащее между каролингским и оттоновскими укреплениями поблизости от удобного брода через Эльбу. В XII—XIII вв. эти составные части слились воедино и были обнесены общей стеной; к 1250 г. они приняли вид, изображенный на схеме.

Подобным же путем возникал и Мейсен, однако в его судьбе сыграли главную роль бург, торгово-ремесленная колония и давно расположенное на этом месте славянское поселение. Как и в других городах, в Мейсене было множество церквей (включая кафедральную), монастырей, укрепленных домов — замков феодалов и патрициата, однако они не оказали влияния на первоначальную планировку и несколько позже примкнули к создавшемуся городскому центру.

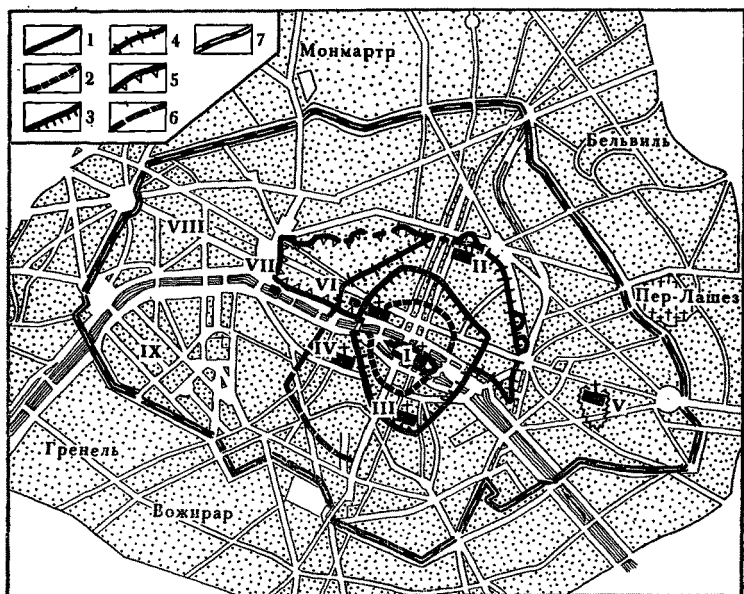
Такой тип городов наиболее характерен для междуречья Рейна и Эльбы, т. е. для ранних германских городов. Позже, по мере возникновения городов в населенных славянами землях, все более распространяется тип города-крепости, имеющий более упорядоченную планировку. Такого же назначения города были распространены и в Западной Европе — это бастиды Юго-Западной Франции и Восточной Бретани, опорные крепости испанской Реконкисты (Авила, Сеговия), пограничные крепости на особо опасных направлениях (Пальманова, Ла-Валетта, Брест). Все они возникали в оборонительных или военно-колониционных целях; и это влияло на их расположение и планировку: как правило, они занимали господствующие, ключевые позиции, внутренняя структура их была более упорядочена и подчинена удобствам обороны. Таков, например, город Пальманова, возникший в XV—XVI вв. как опорная крепость на востоке венецианской «террафермы».

Как правило, города отличались большой теснотой — этажи зданий нависали над улицами, сами улочки были настолько узки, что по ним не всегда могла проехать повозка. Городские стены даже крупных по тем временам городов заключали в своих пределах всего несколько сот гектаров площади; так, Париж в XIII в. занимал около 380 га, Лондон в XIV в. — около 290 га, Флоренция перед Черной смертью — немного более 500 га, Нюрнберг в XV в. — около 140 га и т. д.; площадь же подавляющего большинства средневековых городов не превышала нескольких десятков гектаров (Тулон, например, в XIII в. имел площадь всего 18 га). На этом стесненном пространстве располагалось значительное по тем масштабам население; в том же Лондоне по налоговым спискам 1377—1381 гг. насчитывалось около 35 тыс. жителей т. е. средняя плотность его населения превышала 120 человек на гектар. В этих же рамках колебалась плотность населения и других городов: Париж — около 160 человек (XIII в.), Падуя — около 120 человек (XIV в.), Барселона — около 100 человек (XIV в.). В целом плотность населения средневековых городов Западной Европы лишь в отдельных случаях уступала современной, а чаще всего превышала ее (в современной Бельгии, например, городами считаются поселения с плотностью более 300 человек на кв. км, т. е. 3 человека на гектар).

Вместе с тем численность населения феодального го-

рода была невелика. В основной части городов Западной Европы жило несколько тысяч или даже сот человек. По тем же налоговым спискам 1377—1381 гг. в Англии кроме Лондона только Йорк имел свыше 10 тыс. жителей; пять городов (Бристоль, Плимут, Ковентри, Норич и Линкольн) насчитывали от 5 до 10 тыс. человек и еще 11 городов — от 3 до 5 тыс.; всего же в стране в это время существовало до 250—300 городов. В Священной Римской империи конца XV—начала XVI в. насчитывалось около 3000 городских центров, самыми крупными из которых были имперские города. Из приблизительно 200 имперских городов не более 15 имели население свыше 10 тыс. каждый; таким образом, подавляющая часть германских городов являлась мелкими местечками. Крупнейшими городами в Империи были: в XI—XII вв. — Регенсбург (около 25 тыс.), Кельн (около 20 тыс.), Страсбург (около 15 тыс.); позже значение и размеры Регенсбурга снижаются и на смену ему приходят новые центры — Нюрнберг, Магдебург, Гамбург, Любек, Прага. В дальнейшем темпы роста городов падают: за 1370—1470 гг. потеряли 15—20% населения. В конце XV в. важнейшими городами были Кельн (свыше 30 тыс.), Прага (около 30 тыс.), Нюрнберг и Гамбург (около 25 тыс.).

Самыми «урбанизированными» территориями средневековой Европы были итальянские и фландрско-брабантские земли: как уже говорилось, в первых в отдельных местах почти половина населения жила в городах, во вторых — около $\frac{2}{3}$. Крупнейшие города Фландрии — Ипр, Гент и Брюгге — в XIV в. насчитывали до 25—35 тыс. человек. В Италии размеры городов были большими: здесь свыше десятка центров имели порядка 35—40 тыс. жителей — Верона, Падуя, Болонья, Сиена, Палермо, Неаполь, Рим и др. Крупнейшими городами Италии были Милан, Флоренция, Генуя и Венеция, насчитывавшие от 50 до 100 тыс. человек; даже спустя несколько десятилетий после Черной смерти население Флоренции превышало 55, а Венеции — 65 тыс. жителей. На континенте с этими городами мог сравниться один Париж; по некоторым данным, его население росло следующими темпами: в конце XII в. — около 25 тыс. человек, в конце XIII в. — около 50 тыс., перед Черной смертью — около 80 тыс., в конце XV столетия — около 150 тыс. человек (возможно, что эти цифры завышены). Основная масса французских городов ни в какое сравнение с Парижем не



Средневековый Париж.

Городские стены: 1 — Сите (III в. н. э.); 2 — начала XII в.; 3 — времени Филиппа II (ок. 1200); 4 — Карла V (1360—1370); 5 — пристройки эпохи Людовика XIII (ок. 1630—1640); 6 — добавления времен последних Валуа (вторая половина XVI в.); 7 — граница города ок. 1780 г.

I — Собор Парижской Богоматери; II — Мон. св. Мартина; III — Мон. св. Жевьевы; IV — Мон. Сен-Жермен де Пре; V — Мон. св. Антуана; VI — Лувр; VII — Площадь Согласия; VIII — Елисейские поля; IX — Марсовы поля.

шла — здесь также преобладали небольшие рыночные местечки, насчитывавшие сотни, в лучшем случае тысячи жителей.

Таким образом, к XVI в. все западноевропейские страны оказались покрытыми густой сетью из нескольких тысяч разнообразных торгово-ремесленных поселений, чаще всего небольших, являвшихся местами оживленного товарного обмена с сельскохозяйственной округой. На этом фоне лишь изредка выделялись более крупные города — центры значительного развития ремесла, почти всегда связанные с международной торговлей, однако их число не превышало несколько десятков, в лучшем случае — сотен.

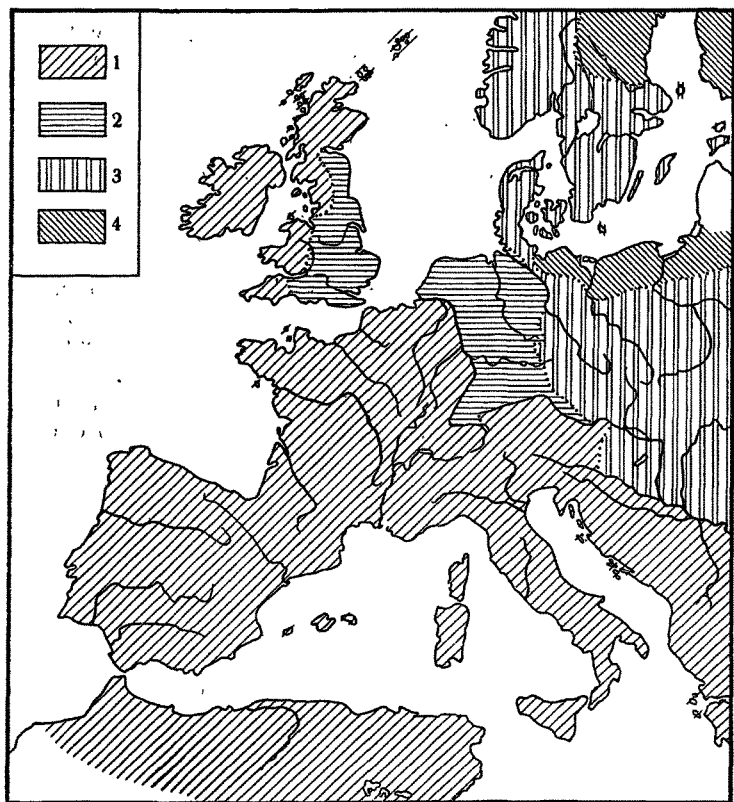
Особое место на карте средневековых городов занимают города мусульманской Испании. Их развитие началось раньше, чем городов на континенте, и уже в XI—

XII вв. они достигли высокого уровня. Несравнимы были и их размеры; так, по некоторым данным, например, в Арабской Кордобе в начале XIII в. число жителей превышало 100 тыс. человек. В результате Реконкисты судьба городов на Пиренеях изменилась, и в XIV—XV вв. они ни ремесленно-торговым развитием, ни размерами уже не отличаются от остальных европейских городов.

Церковная география средневековой Европы Средневековая католическая церковь играла большую роль в жизни современного ей общества — и как крупнейший феодал-землевладелец, и как могущественная политическая сила, и как господствующая, монополярная организация в области идеологии и культуры. Эти стороны церковной организации наложили свой отпечаток и на историческую географию средневекового общества.

Территориальное распространение христианства было следующим. К VII в. оно исповедовалось лишь к югу от Дуная и к западу от Рейна; в других местах, кроме кельтских областей Британских островов, его практически не знали. В VII—VIII вв. начинается экспансия католичества на востоке, и оно захватывает территории между Рейном и Эльбой (принятие христианства фризцами, саксами, алеманами, тюрингами), а на Британских островах — англосаксонские королевства. Наибольший размах это движение приняло в IX—XI вв., когда были обращены в католичество чехи, поляки, венгры, народы Скандинавии, Дании и другое население Восточной и Северной Европы. К концу этого периода почти все население Западной, Центральной и значительной части Восточной Европы было христианским. В последующие столетия христианская церковь победила во всех землях континента — на Пиренейском полуострове, в Померании, Пруссии и Восточной Прибалтике. Обращение местного населения в католичество проходило в разных формах — от добровольного до насильственного, под угрозой истребления, нередко проводившейся в жизнь. Одним из самых жестоких методов борьбы с нехристианами и отколовшимися от «истинной» церкви еретиками были крестовые походы. Всего было предпринято несколько десятков походов; практически все страны средневековой Европы испытали на себе их бремя.

Формальное церковно-административное деление католической Европы было следующим. Центр католиче-



Распространение христианства (VII—XIII вв.):

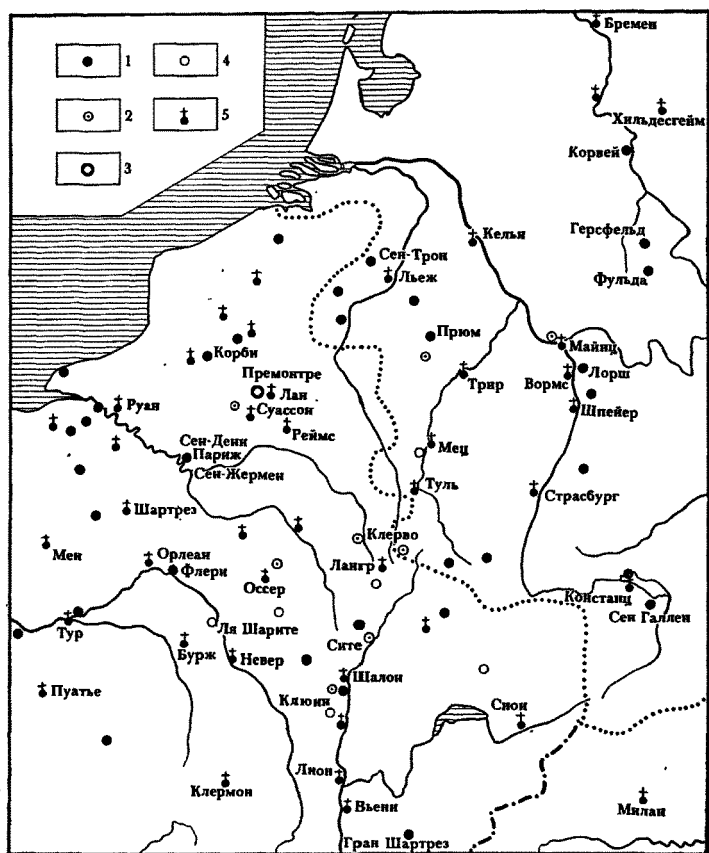
1 — в эпоху Григория I (590—604); 2 — в VII—VIII вв.; 3 — в IX—XI вв.; 4 — в XII—XIII вв.

ского мира находился в Риме (в 1308—1378 гг. в Авиньоне). Крупнейшими региональными ячейками церкви были архиепископства и патриархаты (последних было несколько — Венеция, Аквилея, Лиссабон); некоторые из архиепископов неофициально считались главами (примами) своих национальных церквей: в Испании — Толедский, во Франции — Лионский, в Англии — Кентерберийский. Количество архиепископов в разных странах было различным; в некоторых их число оставалось постоянным (в Англии — 2, во Франции с X в. — 17), в других оно росло за счет присоединения некатолических земель (Германия, Испания, Португалия). Из архиепископств наиболее

важную роль в политической жизни своих стран играли: во Франции — Реймское, в Англии — Кентерберийское, в Скандинавии — Лундское, в Испании — Толедское и Сант-Яго де Компостела, в Германии — архиепископы-курфюрсты Кельна, Майнца, Трира. Самыми обширными церковными владениями обладали папы, под управлением которых находилось их государство, и немецкие архиепископы Майнца, Трира, Кельна, Бамберга. Немецкие архиепископства Бременское, Магдебургское, Зальцбургское были одновременно центрами военной экспансии в южные и восточные земли; позже форпостами этой экспансии стали архиепископства Гнезно и Риги.

Архиепископства состояли из епископств; их было в средневековой Европе несколько сот (во Франции — более ста). Некоторые из них по своему значению не уступали архиепископствам (например, Миланское в Италии, Лан, Нуайон во Франции). Низшую ячейку церковно-административной структуры составляли приходы. Их число было очень велико; в одной Франции в первой половине XIV в. их насчитывалось около 32,5 тыс. В каждом приходе располагалась церковь, посвященная какому-либо святому. Картина территориального размещения этих святых, патронов приходских церквей нередко позволяет сделать интересные наблюдения и выводы, касающиеся разных сторон жизни общества. Территориальная картина размещения приходов, епископств и архиепископств отличалась исключительной консервативностью: подавляющая часть их вела свое начало еще от эпохи раннего христианства, и их границы на протяжении столетий не подвергались никаким изменениям. В результате этого нередко возникали своего рода анахронизмы, когда статус церковного владыки не соответствовал значению и роли его резиденции; особенно часто это явление наблюдалось в Италии, где бурный рост новых городов приходил в противоречие с церковной структурой, оформившейся еще в античную эпоху.

Очень пестрой была картина размещения средневековых монастырей и аббатств. Вообще монастыри разных орденов были распространены практически во всех странах Европы, но нередко основная часть их концентрировалась в одной какой-нибудь области. Так, Клунийский орден в XI в. насчитывал около 1200 монастырей, из которых главная масса (около 900) располагалась на территории Бургундии, Нормандии, Иль-де-Франса, Ланге-



Крупнейшие монастыри континентальной Западной Европы (900—1200 гг.):

1 — Бенедиктинский орден; 2 — Цистерцианский; 3 — Августинский; 4 — Клонийский; 5 — центры диоцезов (крупнейшие епископства и архиепископства)

дока; основная часть цистерцианских монастырей (всего их в конце XIII в. насчитывалось около 700) была размещена в Центральной и Южной Франции. Такое своеобразное размещение монастырей этих орденов сыграло определенную роль в событиях средневековой эпохи. Становится понятным, например, почему в XI—XII вв. во главе оппозиционного папству движения стали именно клонийцы, главная масса владений которых была практически недосыгаема для Рима. Цистерцианцы, устав ко-

торых предписывал занятия хозяйством, предпочитали основывать свои монастыри на свободных землях; поэтому их деятельность была тесно связана с освоением окраин и Центрального Французского массива. Аббатства других орденов (например, наиболее древнего — бенедиктинского — или более поздних — доминиканского и францисканского) были более или менее равномерно разбросаны по разным областям. Так, доминиканский орден в начале XIV в. состоял из 18 провинций, в основном соответствующих разным областям и странам, в них было расположено около 700 монастырей; духовным центром ордена считался Париж (Сорбонна). Сфера влияния францисканцев делилась на две области, «фамилии» — итальянскую и континентально-европейскую (Цисмонтана и Ультрамонтана), — каждая из которых состояла из 12 провинций. Крупнейшими из средневековых европейских монастырей были: на территории Германии — Лоршский, Прюмский, Сен-Галленский, Фульда; Франции — Корби, Сите, Клерво, Сен-Жермен, Флери, Сен-Дени; Италии — Боббио, Фарфа, Монте-Кассино; Испании — Сант-Яго де Компостела; Англии — Сент-Олбанский в Хертфорде, Абингтон, Сент-Эдмондский в Суффолке, Гластонбери, Петерборо в Нортхемптоншире, Вестминстерское в Лондоне, св. Августа в Кенте.

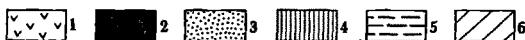
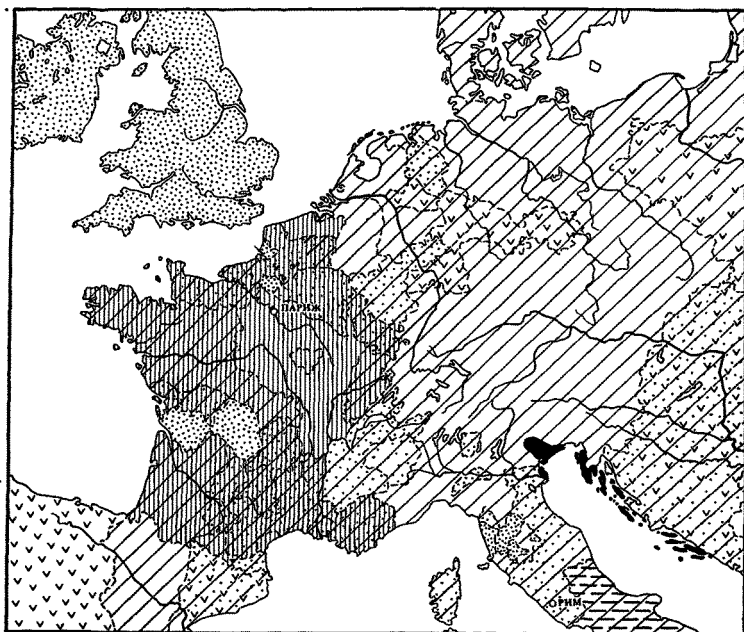
Религиозное паломничество сыграло большую роль в истории средневековой торговли, особенно раннесредневековой. Паломники тогда нередко выполняли функции мелких розничных торговцев, а по их стопам затем отправлялись купеческие караваны; так складывалась сеть торговых путей во времена, когда торговля носила эпизодический характер. Крупнейшим центром паломничества в средневековье был Рим, и ведущая к нему «дорога пилигримов» была хорошо известна европейским купцам. Из разных стран Западной Европы жаждущие поклониться святому престолу стекались к центральным и западноальпийским перевалам. Затем, перевалив Альпы, они концентрировались в Сузах или Турине, откуда через Болонью — Ареццо — Витербо (древняя римская «Виа Эмилия») или Парму — Лукку — Сиену отправлялись в Рим. Этот маршрут, естественно, действовал и в обратном направлении, связывая торговые центры Тосканы, Ломбардии и Лигурии с самыми разнообразными местами континента. Дорога паломников из Англии в Рим шла по следующему маршруту. Из Лондона по ста-

рым римским дорогам через Рочестер и Кентербери толпы паломников достигали Дувра и переправлялись через Ла-Манш во французские порты (чаще всего Кале и Булонь). Отсюда разными путями (через Пикардию, Париж, Реймс, шампанские города) они добирались до Шалони или Лиона и затем поднимались в Альпы. В Италию они проникали через перевал Мон-Сени; далее шел уже знакомый «путь пилигримов». Еще один путь паломничеств — в Сант-Яго де Компостела, место погребения св. Якова: из разных мест северной части континента (Лондон, Брюгге) через Париж в Орлеан, Бордо и далее в Северную Испанию. Особым почтением пользовались также места погребения мощей святых Бенедикта (Монте-Кассино), Франциска и др. Вообще при огромном количестве католических святых средневековые города не страдали недостатком патронов-покровителей. Чудодейственные свойства, приписываемые святым, привлекали тысячи поклонников св. Антония в Падую, Амвросия — в Милан, Марка — в Венецию, Януария — в Неаполь, Павла — в Нарбонну, Дени — в Париж и т. д. Одновременно с ними по ими проложенным маршрутам шли купцы. Нередко под покровительством этих святых в городах организовывались ярмарки (Сен-Дени под Парижем).

**Некоторые черты
географии
средневековой культуры**

В период раннего средневековья культура и образование находились в глубоком упадке. Монополию на них захватила церковь, и естественно, что центрами относительной образованности в то время были монастыри: при них существовали церковные школы, дававшие начатки грамотности, и так называемые скриптории — мастерские по переписке рукописей. Наиболее известные скриптории в VII—VIII вв. находились в монастырях Луксейском (Бургундия), Корби (Северо-Восточная Галлия) и Флери (в округе Орлеана). Большой известностью пользовались также ирландские монастыри и Монте-Кассино (Южная Италия). В каролингскую эпоху наибольшую славу приобрел Турский монастырь св. Мартина, а также Фульда, Лоршский, Сен-Гален и Боббио; сохраняли свои традиции Корби и Флери.

В период развитого средневековья крупнейшими центрами образованности становятся города. В некоторых из них появляются нецерковные школы, а позже и университеты. Хотя древнейшие из университетов уходят свои-



Территориальное размещение календарных стилей в Западной Европе (ок. 1350 г.):

1 — начало года с 1 января (современный); 2 — с первого марта (венецианский); 3 — с 25 марта (от «воплощения»); 4 — с первого дня пасхи (пасхальный); 5 — с 1 сентября (византийский); 6 — с 25 декабря (от «Рождества»)

Мощный толчок образованности дал изобретение книгопечатания. Возникшее в немецких городах в 50-х годах XV в., оно в течение нескольких десятилетий завоевало почти все европейские страны: если до 1470 г. кроме Германии книгопечатание знали только Италия, Голландия, Швейцария и Франция, то к концу века оно было уже распространено в Англии, Испании, Португалии, Дании, Швеции, Польше и Венгрии. В 1500 г. в Западной Европе функционировало свыше 200 типографий, расположенных в 69 городах; всего же в XV в. действовало около 1100 типографских мастерских в 246 городах Западной Европы (многие из них существовали небольшой промежуток времени). Наиболее известным было пред-

приятие венецианца Альда Мануция, издательскую деятельность которого отличали как тщательнейшие отбор и выверка текстов (главным образом античных авторов), так и чрезвычайно высокое по тем временам художественно-техническое оформление. Им за 1495—1515 гг. было издано свыше 150 книг, каждая из которых представляла собой образец издательского дела. Венеция в XV в. вообще была крупнейшим центром европейского книгопечатания; здесь работало свыше ста печатников, выпускавших не только внушительные светские и богословские труды, но также иллюстрированные книги и гравюры, пользовавшиеся широким спросом. Соперником Венеции по объему (но не качеству исполнения) продукции выступали в этом столетии Париж, Лион и Нюрнберг. Кроме них были широко известны издания Аугсбурга, Ульма, Флоренции, Лейпцига, Брюгге, Лондона, Сарагоссы и других городов.

С точки зрения региональных особенностей средневековой культуры большой интерес представляет география различных календарных стилей, применявшихся в разных областях. Наиболее распространенным стилем средневековья была «христианская эра», ведущая свое начало от «рождества Христова», т. е. с 1 г. н. э. Но она имела множество вариантов, различавшихся сроками начала года. Чаще всего год начинался с рождества, т. е. 25 декабря, однако были еще стили «от воплощения» (25 марта), византийский (1 сентября), современный (1 января) и пасхальный (с первого дня пасхи). В землях, находившихся под влиянием Восточной Римской империи, была распространена византийская эра, начинавшая счет лет с «сотворения мира», с 5508 г. до н. э. Кроме них иногда счет годов велся по олимпиадам, по Диоклетиану (с 29 августа 284 г.) и почти повсеместно — по церковным индикциям, т. е. 15-летним отрезкам времени.

Территориальное распределение календарных стилей было следующим. Во Франции с эпохи Каролингов применялся стиль «от рождества», который в королевских землях при Капетингах стал сменяться пасхальным стилем, господствовавшим до XVI в. Постепенно пасхальный стиль утвердился и в других областях страны: в Бургундии он сменил начало года «от рождества», в Дофине — «от воплощения», в Лангедоке и Пуату — и тот и другой. Правда, тенденция развития иногда прерывалась;

так, в Аквитании стиль «от воплощения», вытесненный в XII в. пасхальным, в XIV в. возобладал снова. В других же областях (Нормандия, Шампань) пасхальный стиль возник одновременно с его утверждением в Иль-де-Франсе и господствовал практически почти все средневековье.

Гораздо более сложным было положение в Италии. Здесь наряду с «христианской» эрой употреблялась в ряде районов и византийская и во многих местах господствовал византийский стиль начала года (в Бари, например, до XVI в.). Что же касается «христианской» эры, то она имела разновидностей еще больше, чем на континенте. Кроме стиля «от рождества» (Болонья, Генуя, Милан, Павия) и «от воплощения» (Флоренция, Кремона, Неаполь, Равенна), здесь также использовались венецианский (начало года с 1 марта) и пизанский (24 марта) стили. Положение усложнялось и безнадежно запутывалось тем, что нередко в одном и том же городе в разного типа документах ставились даты по разным видам календаря; кроме того, смена одной хронологии другой также была довольно частым явлением.

В Англии с англосаксонских времен установился стиль «от рождества», который после норманского завоевания сосуществовал с другими стилями («от воплощения» и пасхальным). В XIII столетии снова установилось единообразие, однако теперь уже на базе стиля «от воплощения».

В Германии со времен Каролингов (а может быть и раньше) утвердился стиль «от рождества», который господствовал во всех немецких землях вплоть до эпохи Реформации.

Иным было положение в Испании и Португалии. Здесь существовала особая эра, ведущая начало летоисчисления от завоевания Испании Августом (38 год до н. э.), а год начинался с 1 января. Эта эра была распространена на всем Иберийском полуострове, в Африке и в южных, вестготских провинциях Франции и сохраняла свое значение в течение всего средневековья (в Кастилии и Арагоне она была отменена в XIV в., а в Португалии — в XV в., будучи заменена «христианской» эрой в рождественском варианте).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ГЕОГРАФИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Развитие сельского хозяйства в раннее и развитое средневековье. Внутренняя колонизация

В рабовладельческом Римском государстве сельское хозяйство достигло своего расцвета во II в. до н. э. — II в. н. э. Много-

кратная вспашка земель, внесение удобрений, ирригация, развитие агрономических знаний и товарности хозяйства имели своим следствием значительный подъем земледелия и других отраслей сельского хозяйства — виноградарства, садоводства и оливководства, животноводства и приусадебного птицеводства. Урожайность в большей части Италии к I в. н. э. достигала сам-10 (15 ц пшеницы с гектара). Подъем сельскохозяйственного производства был неравномерным: в последние столетия до н. э. он наблюдался на территории самой Италии; в первые века н. э. на первое место в экономической жизни Империи выдвинулись провинции, сельское хозяйство метрополии постепенно приходило в упадок. Позже регресс охватил все земли Империи.

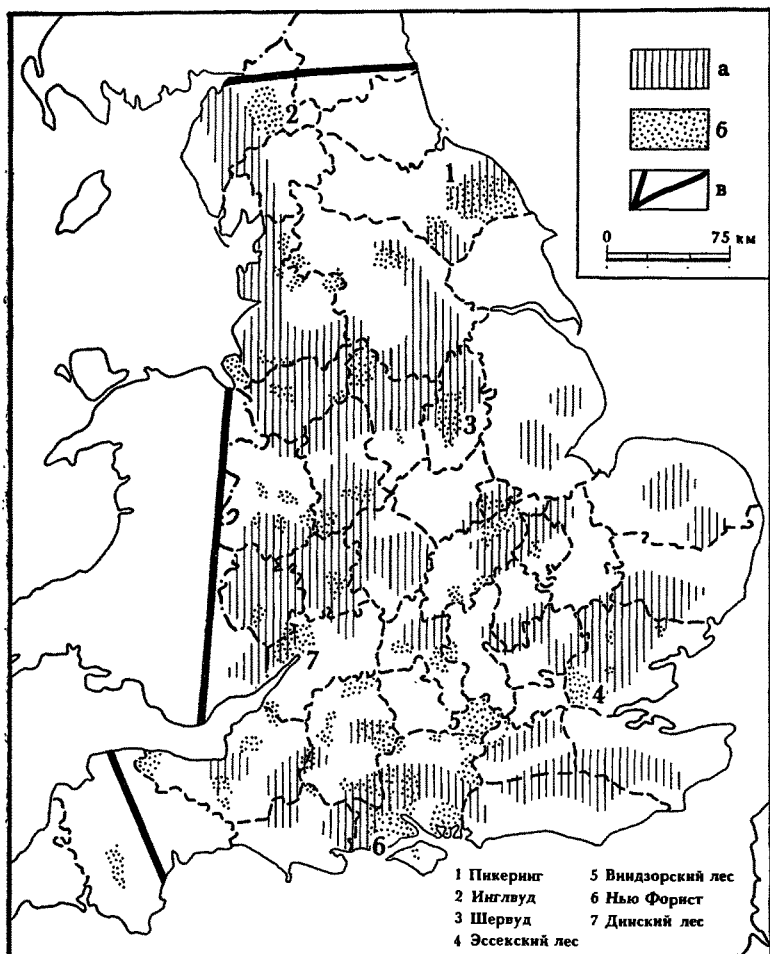
Дальнейшее падение уровня агрикультуры приходится на период «варварских» завоеваний. «Варвары» принесли с собой экстенсивные формы хозяйства (двухполье, а нередко еще более примитивный перелог); достижения римского земледелия были забыты. Резко (до сам-1,5, сам-2) падают урожаи, сокращаются посевные площади, пшеницу сменяют рожь, овес, полба и ячмень, приходит в упадок виноградарство, садоводство и другие отрасли хозяйства. Однако уже во второй половине раннего средневековья (период так называемого Каролингского возрождения) наблюдается некоторый подъем сельского хозяйства: расширяются посевные площади, начинается переход к трехполью, все большее внимание уделяется садоводству и виноградарству, что связано с развитием социальных отношений — складыванием феодальных порядков и вотчины в некоторых районах континента (Центральная и Северная Франция, Рейнская Германия). Однако не следует преувеличивать масштабы этого процесса: подавляющая часть европейской территории в то время представляла собой огромные лесные пространства с редким населением; пахотные земли выглядели отдельными островами.

В XI—XIII вв. происходит массовый подъем европейского сельского хозяйства на основе дальнейшего развития производительных сил. Развивается сельскохозяйственная техника — широко распространяется тяжелый плуг с железным отвалом, не просто подрезающий, но и переворачивающий верхние пласты земли, возникает новый тип железного топора, более удобного для рубки деревьев. В качестве тягловой силы все чаще применяется лошадь, чему способствовало внедрение подков и появление новой сбруи с жестким хомутом, переносившим основные усилия с шеи животного на плечи, что в три-четыре раза повышало эффективность упряжки. Развивается и техника производства: распространяется трехполье (в северной части континента), трехкратная вспашка земель, дренаж, расширяются посевы пшеницы, кормовых и технических культур; вводится практика стойлового содержания скота, что позволяет более регулярно унавоживать почву. Естественным результатом всех этих явлений было повышение средней урожайности: по последним данным, наиболее распространенные минимальные урожаи в рейнских землях XII—XIII вв. составляли сам-3 — сам-4, в Тоскане XIII—XIV вв. — сам-4 — сам-5.

Подъему сельского хозяйства способствовали и социальные факторы: повысившийся спрос на сельскохозяйственные продукты в результате роста численности населения, особенно городского, и развитие товарно-денежных отношений. Впрочем, зависимость между этими явлениями, несомненно, была взаимной: развитие сельскохозяйственного производства, с одной стороны, стимулировалось, с другой — само определяло указанные процессы.

В подъеме хозяйства важную роль сыграла «внутренняя колонизация» — расширение ареала обрабатываемых земель за счет освоения пустошей, осушения болот, корчевки и выжига леса. Этот процесс получил широкое распространение во всех странах Западной Европы. В некоторых из них колонизация носила чисто хозяйственный характер; в других же (восточные и юго-восточные земли Германии, отчасти Испания) она сопровождалась изгнанием и уничтожением местного населения.

Первые сведения о расширении ареала пахотных земель на континенте относятся еще ко временам Каролингов, однако в тот период попытки культивирования зале-



Изменения площади лесов в Англии в XI—XIV вв. (процесс внутренней колонизации):

a — лесные районы в XI в.; *б* — ок. 1327—1336 гг.; *в* — границы обследования территорий

жей не давали реальных результатов, так как новые земли не всегда даже компенсировали затраты труда и средств. Именно поэтому ранняя колонизация нередко проводилась по инициативе и силами крупных феодалов — королей, графов, епископов и монастырей (особен-

но цистерцианских, бенедиктинских, премонстранских). Наибольший размах колонизации приходится на XI—XIII вв., когда в ней стали участвовать многие крестьянские общины и отдельные семьи и хозяйства.

Освоение новых земель шло в нескольких направлениях. Одно из них — отвоение земель у болот, леса, основание на этих массивах новых деревень, заимок, хуторов. Чаще всего такой тип колонизации проводился силами приглашаемых на льготных условиях, нередко издалека, поселенцев-госпитов. Такая практика была характерна для многих областей Франции (Гасконь, Нормандия, Фландрия), Северной Германии, а также заальбских территорий, отчасти Англии (Йоркшир). Другой распространенный вариант колонизации — за счет внутренних резервов каждой деревни (пустоши, неудобные земли, альменды, пограничные с соседями территории и т. д.). Этот путь имел место практически во всех странах.

Колонизация резко увеличила количество обрабатываемых земель. По мнению К. Д. Авдеевой, в Англии за XII—XIII вв. было освоено около миллиона с четвертью акров (площадь Оксфордшира, Бэкингемшира и Бэдфордшира, вместе взятых). Резко возросло и количество населенных пунктов: к концу XIII в. появились почти все селения, которые можно найти на карте современной Англии. Сходная картина наблюдается и в Италии. По подсчетам Э. Серени, обследовавшего около 8000 населенных пунктов, время их возникновения таково: доримская и римская эпоха — 2689, VIII в. — 228, IX в. — 262, X в. — 552, XI в. — 945, XII в. — 1014, XIII в. — 886, XIV в. — 217, XV в. — 258, XVI в. — 207, т. е. более 42% их возникло в X—XIII вв.

Внутренняя колонизация имела многочисленные последствия в экономической, социальной, политической областях. В географическом плане она сыграла огромную роль, наметив контуры современного ландшафта, изменив карту расселения производительного населения, внеся коррективы в экономическое развитие отдельных областей. В частности, в это время (XIV в.) возникает новое явление в европейском сельском хозяйстве — товарная специализация отдельных районов по некоторым продуктам: зерно, вино, оливы; нередко преимущественное производство какого-либо продукта стимулируется экспортом его на рынки соседних областей. Правда, это

явление еще не меняет натуральной основы самого хозяйства, в нем, как правило, производится все необходимое для потребления; возможность же появления монокультуры вызвана ее отсутствием или благоприятными условиями для ее сбыта в других местностях и с исчезновением этих условий ликвидируется. Подобная зависимость начавшейся товарной специализации сельского хозяйства отдельных областей от внешних факторов говорит о неустойчивости данного явления, отсутствии серьезных внутренних условий для его развития.

Во второй половине XIV—XV в. положение в европейском сельском хозяйстве меняется. Изменение форм эксплуатации крестьянства, разорение хозяйства в результате опустошительных войн, восстаний, эпидемий и пр. привели к снижению уровня сельскохозяйственного производства и относительному упадку агрикультуры. В некоторых районах эти явления приняли катастрофические размеры; так, в Гессене количество деревень с конца XIV до начала XVI в. уменьшилось почти наполовину. Тяжелое положение сложилось и во Франции, где в период Столетней войны и после нее наблюдалось сокращение посевных площадей и развитие экстенсивных форм земледелия; по меткому, хотя и преувеличенному выражению историка XIX в. Флакка, население страны, спасаясь от бед, «вернулось к образу жизни номадов». Впрочем, упадок агрикультуры был характерен не для всех стран Западной Европы; в некоторых из них он или проявился в более мягких формах (Англия), или совсем не имел места (Италия).

Важное значение имеет вопрос об уровне развития европейского сельского хозяйства в средние века в сравнении с античным сельским хозяйством. Как известно, земледелие в Империи в период подъема было на очень высоком уровне; естественно, варвары не могли сразу воспринять античную агротехнику, и лишь постепенно отдельные ее элементы вошли в практику средневекового земледелия (многократная вспашка, удобрения, культивация паров и т. д.). На протяжении многих столетий сельское хозяйство средневековой Европы резко отставало от рабовладельческого. Однако мы можем предполагать, что в эпоху наивысшего подъема средневекового сельского хозяйства (XIII—XIV вв.) общий уровень античного хозяйства был в целом достигнут. Такой вывод сделан даже применительно к сравнительно неразвитой

территории Южной Италии. При этом нельзя просто говорить о достижении прежнего уровня развития: во-первых, речь идет об иной, гораздо более обширной территории, чем рабовладельческий мир, а во-вторых, о развитии на новой основе — на основе мелкого крестьянского хозяйства. В некоторых местах, например в Центральной и Северной Италии, в XIV — XV столетиях сельское хозяйство не только практически переняло все лучшее из античной практики, но и пошло дальше. Однако далеко не все достижения античной агротехники нашли место в хозяйстве средневековых народов; например, уровень античного садоводства едва был достигнут в новое время.

**Системы земледелия
и землепользования** Все многообразие аграрных распорядков на территории Западной Европы в средние века

можно свести к трем основным вариантам землепользования: кельтский (атлантический), средиземноморский и так называемая система открытых полей. Конечно, эта типология условна и вряд ли связана с основными западноевропейскими цивилизациями (кельтской, галло-римской и германской): уже в средневековье связь эту проследить невозможно. На распространение каждого из типов землепользования больше влияли природные, экономические, а не этнические факторы. Эти же факторы были причиной большого разнообразия вариантов внутри систем, наличия смешанных и переходных форм, специфических местных особенностей. Тем не менее существование главных типов землепользования прослеживается довольно четко.

Наиболее характерной из них была система открытых полей. Ее существование было тесно связано с общинными порядками — принудительным севооборотом, коллективным выпасом скота, наличием неподеленных угодий (альменд). Участки, как правило, удлиненной формы, располагались чересполосно, группируясь в поля (геванны), которые, в свою очередь, составляли отдельные массивы. Границами между участками в геваннах служили межевые насыпи или канавы, пирамиды из камней и т. д.; сами же геванны огораживались временной изгородью, снимавшейся после уборки урожая. Главной целью этих порядков было создание условий для выпаса скота и вообще установление наиболее выгодного соотношения между земледелием, скотоводством и другими отраслями хозяйства в масштабах данного селения. Вме-

сте с тем система открытых полей предполагала преимущественное развитие зернового хозяйства.

Система открытых полей была широко распространена, она охватывала почти всю северную половину континента: Северную и Северо-Восточную Францию, большую часть Германии, Среднюю Англию, Южную Швецию, западнославянские земли. В южной части Европы также было немало земель, занятых системой открытых полей, — в Северо-Восточной Италии, Центральной Испании.

Столь же значительны были территории, на которых господствовала средиземноморская система. На континенте она занимала земли к югу от Луары и почти все Средиземноморское побережье, включая значительную часть Апеннинского и Пиренейского полуостровов. Средиземноморскую систему от системы открытых полей отличает большая свобода земледельца в ведении своего хозяйства. Отсутствие принудительного севооборота и других обязательных правил позволяло каждому хозяину выбирать культуры, делать упор на определенные отрасли хозяйства (виноградарство, оливководство, садоводство, разведение ценных пород животных и т. п.). Эта система предполагала, как правило, индивидуальный выпас скота (но это не отрицало возможности и коллективного выпаса); разнообразное, главным образом компактное, расположение участков разных угодий, причем в большинстве случаев имела место тенденция к концентрации владений собственника в одной меже; наличие постоянных изгородей (из камня или «живых», из деревьев и кустарника). Существование таких порядков в ряде случаев сочеталось со слабым влиянием общины.

Наиболее архаичной из систем землепользования была атлантическая, или кельтская. Она характерна для областей с кельтским населением, откуда и ее название, — северной и западной части Англии, Ирландии, Бретани, а также многих районов Центральной Европы — гористых и лесистых мест с бедными почвами (Арденны, Вогеzy, Юра), большей частью Скандинавии, частично Альп и Перенеев. Ее отличают два основных признака: преобладание пастбищ над пахотой и деление пахотных земель на два «поля» — внутреннее и внешнее. Наличие большого числа выпасов создавало благоприятные условия для развития скотоводства; иногда оно принимало перегонный характер (в рамках земель селения). Что же

касается пахоты, то эти «поля» использовались по-разному. Обработка «внутреннего поля» (инфилда) была нередко схожа с порядками системы открытых полей: чересполосица (в Ирландии и Норвегии даже с периодическими переделами земель), выпас скота по пару и т. д. Общинные порядки при кельтской системе играли очень большую роль; в некоторых же местах, как, например, в Ирландии, клановый строй и коллективная собственность на землю существовали вплоть до конца средневековья. На континенте в этих порядках уже давно была пробита значительная брешь, и там пахотные участки инфилда располагались компактно и обычно огораживались; чем больше была развита (точнее — чем больше разлагалась) кельтская система, тем больше были распространены огораживания компактных массивов (бокаж). «Внешнее поле» (аутфилд) при кельтской системе характеризовалось обычно более примитивными способами обработки земли (временные займки пахоты, перелог, залежь).

Кельтская система получила широкое распространение не только в слабо развитых, но и в передовых в аграрном отношении областях Европы: ее различные варианты мы находим в Нидерландах, Нормандии, Мэне, в Северо-Западной Германии. На распространение ее большое влияние оказывали не только наличие бокажа и благоприятных условий для скотоводства, но и характер почв, микроклимат данной местности, традиционные орудия труда и т. д.

Столь же разнообразны, как системы землепользования, были и системы севооборотов. На территории Европы в раннее и развитое средневековье имели место два основных типа севооборотов — двухполье и трехполье. Двухполье доминировало в южной части континента, причем в ряде областей оно имело местные особенности: вспашка (иногда даже неоднократная) паров, периодические посевы кормовых трав и т. д. Широкое распространение двухполья несмотря на относительную невыгодность его во многом объясняется физико-географическими условиями, в первую очередь жарким климатом и бедностью почв. В северной части континента к концу раннего средневековья распространяется трехполье. Однако окончательный переход к трехполью растянулся до XII — XIV вв., да и тогда во многих местах нередко существовали разнообразные переходные, смешанные формы севооборота. К концу развитого средневековья, в XIV —

XV вв., в Италии намечаются новые формы севооборотов — многополье и даже плодосмен, однако они были распространены лишь в наиболее развитых областях страны: в Тоскане, Эмилии, Ломбардии.

Граница между двухпольем и трехпольем в основном проходила по Луаре и Роне; вместе с тем на севере было немало областей, в которых было распространено двухполье (Бретань, Нормандия), на юге, в свою очередь, — трехполье (Северо-Восточная Италия, Центральная Испания).

В тесной связи с характером земледелия находились типы сельскохозяйственных орудий. В земледельческой практике средневековья использовались два основных типа плугов — легкий (соха) и тяжелый. Соха больше практиковалась на южных землях и в горных местностях; тяжелый колесный плуг с упряжкой из трех-четырех пар быков — в местностях с системой открытых полей. Впрочем, это разделение носило самый общий характер: нередко в одном хозяйстве использовались орудия разного типа.

Специальные удобрения в средневековье практически не применялись (лишь в отдельных местностях использовался мергель). Практиковалось лишь естественное унавоживание полей во время выпаса скота. К концу развитого средневековья во многих областях появилась практика «зеленых» удобрений (лупин и другие богатые азотом культуры), однако господствующим методом продолжало оставаться унавоживание почвы.

В XII—XIII вв. под арабским влиянием происходит возрождение ирригационного земледелия. В Валенсии, Гренаде, Сицилии ирригация поддерживалась арабами; затем ирригация появляется в Южной и Юго-Западной Франции, Северной и Центральной Италии. В это же время начинается дренаж болот (Средняя и Северная Италия) и осушение морских побережий (Нидерланды).

После падения Римской империи оливководство и садоводство фактически заглохли: животные жиры вытеснили оливковое масло. Некоторый подъем оливководства намечается лишь в период развитого средневековья в Италии и Южной Франции. Иной была судьба виноградарства. Роль вина как продукта питания, предмета литургии, трудности с его доставкой привели к тому, что виноградарство шагнуло далеко на север, в Британию, на побережье Балтийского и Северного морей и распростра-

нилось по всему континенту. Правда, оно носило примитивный характер, и изготовленное в этих местах вино было чрезвычайно низкого качества; с развитием торговли и возникновением товарной специализации отдельных районов это виноградарство постепенно отмирает. В период развитого средневековья начинают складываться основные винодельческие районы Европы: Аквитания и Гасконь, Бургундия и Шампань, южноиспанские земли, Тоскана и Кампанья, Рейнский винодельческий район. В XIII—XV вв. наибольшую распространенность получили бордоские, испанские и итальянские вина, в больших количествах экспортировавшиеся в Англию, Нидерланды, Северную Германию; в Европе было также широко известно греческое вино.

Развитие виноделия прямо не зависело от системы землепользования, однако наиболее благоприятные условия для культивации винограда создавала средиземноморская система с ее акцентом на индивидуальный труд отдельного хозяина.

В более тесной связи с характером земледелия и землепользования находилось скотоводство. Строго регламентированная практика выпаса животных в местностях с системой открытых полей не давала возможности преимущественному развитию скотоводства; исключение составляло, пожалуй, свиноводство, базировавшееся на лесных кормах. Лишь к концу развитого средневековья травополье и посевные луга привели в отдельных местах (Нидерланды, Западная Германия) к зарождению специализированного мясо-молочного животноводства. Гораздо большие возможности для развития скотоводства представляла кельтская система. На землях аутфилда и окружающих его пастбищах свободно паслись стада; в Ирландии, например, даже практиковались временные летние стоянки и сезонные перегоны скота; в целом скотоводство при кельтской системе играло гораздо большую роль, чем при других системах землепользования. В некоторых областях (Уэльс, Ланкашир) именно кельтская система стала основой для преимущественного развития овцеводства и товарного производства шерсти.

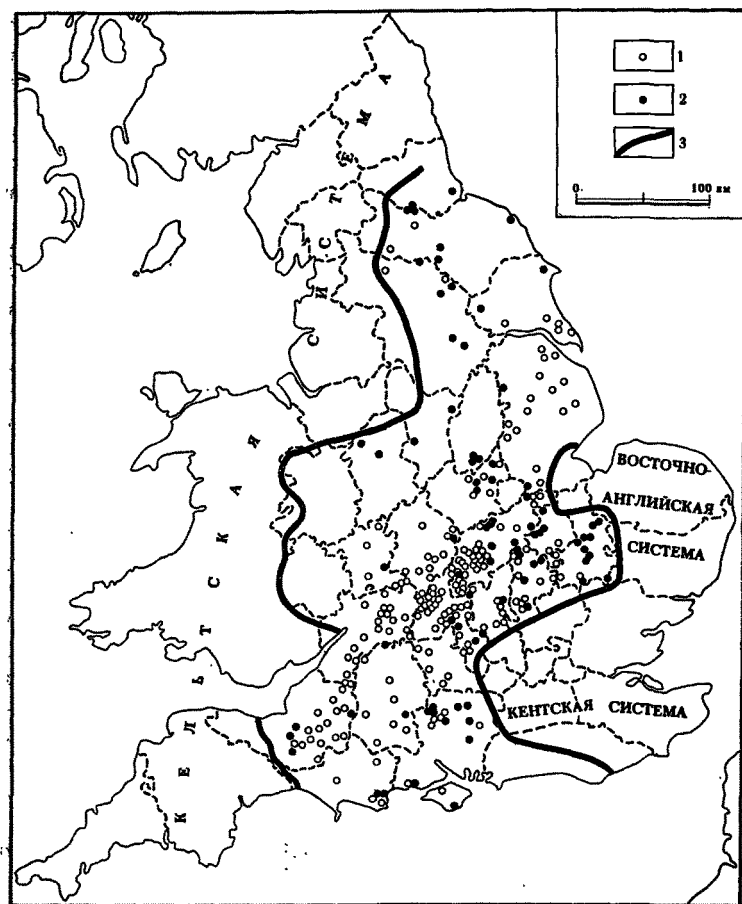
Большого развития достигло скотоводство в областях средиземноморской системы землепользования, хотя его базой были не порядки этой системы, а практика перегонного скотоводства. На землях Южной Франции, Апеннинского и Пиренейского полуостровов огромные

стада скота, принадлежащие церковным и светским феодалам, а также и объединениям крестьян, периодически кочевали с горных летних пастбищ в долины и приморские равнины. На протяжении столетий выработались традиционные маршруты перегонов: во Франции от Севенн к устью Роны, из Наварры в Аквитанию, с Альп к Арлю; в Италии из Аbruцц на равнину Тавольере, с альпийских склонов в Ломбардию, с Апеннин в Тосканскую Маремму и Римскую Кампанию. В Испании перегонное скотоводство получило широкое распространение еще в эпоху арабского господства; победа Реконкисты благоприятствовала его дальнейшему развитию, а увеличившийся спрос на шерсть в Италии и Фландрии привел к огромному для того времени его размаху: в конце XV в. в стране насчитывалось до 3 млн. овец-мериносов, которые славились очень большими настригами высококачественной шерсти. Главными маршрутами перегонов были: Сеговиана — с гор Кантабрии через Бургос и Сеговию к низовьям Гвадарамы и Гвадалквивира; Леонеса — из Леона в Эстремадуру; Ла-Манча — из Куэски через Ла-Манчу в Мурсию.

Особенности аграрного строя различных стран Западной Европы

Помимо общих закономерностей существовала также значительная специфика в аграрных порядках каждой из европей-

ских стран. Мы не имеем подробных сведений о сельском хозяйстве Англии раннего средневековья, однако в общих чертах можем представить уровень его развития. В досаксонскую эпоху на территории островов господствовало клановое хозяйство с типичными порядками кельтской системы: экстенсивное земледелие, относительно развитое скотоводство и т. д. Англосаксонское завоевание принесло с собой систему открытых полей, однако она распространилась далеко не по всей стране. В Кенте, например, установились особые земельные порядки, характерные для завоевателей-ютов; на большей части территории сохранились кельтские правила. Датское и норманское нашествие изменили аграрный пейзаж страны, принеся с собой разрушения. Книга Страшного Суда говорит о массе заброшенных участков, разрушенных городах и селениях, наступлении леса на пашню. К этому времени в Англии уже сложились основные районы систем землепользования: на севере и западе острова господствовала кельтская система, в графствах Средней



Система открытых полей в средневековой Англии (ок. 1334 г.):
1 — двухполье; 2 — трехполье; 3 — границы системы открытых полей по Э. Грею

Англии — система открытых полей, в Восточной и Юго-Восточной Англии — восточноанглийская и кентская системы, характеризующиеся компактными хозяйствами с интенсивной обработкой земли.

Процесс внутренней колонизации в массовых масштабах разворачивается на Британских островах в конце XI — начале XII в., и на вторую половину XIII — начало XIV в. приходится наивысший подъем земледелия. В это

время происходит переход к трехполью, расширяется товарное зерновое хозяйство. Его наиболее развитыми районами были Кент, Восточная Англия, центральные графства по линии Ярмут — Бристоль. В XIII — XIV вв. одной из важнейших товарных отраслей хозяйства становится овцеводство; в это время в стране насчитывалось свыше 10 млн. овец. Наиболее дорогая шерсть (длинношерстных овец) производилась в Ланкашире, Лейчестершире, Шропшире; в Уэльсе, Корнуэлле, Девоне и других местах разводились короткошерстные породы овец. С развитием овцеводства был связан процесс огораживания общинных земель.

После германских нашествий на всей территории Галлии велось экстенсивное хозяйство, причем многие земли, ранее обрабатываемые, были заброшены: порядки, принесенные варварами, оказались несовместимыми с римской агротехникой. В последующие века постепенно, медленно, но неуклонно растет сельскохозяйственное производство; темпы роста усиливаются после завершения процесса массовой феодализации (так называемого аграрного переворота) в период «Каролингского возрождения». Однако и тогда подавляющая часть территории страны была занята болотами, лесами, пустошами, среди которых казались вкрапленными обрабатываемые земли. Картина систем земледелия и землепользования была чрезвычайно пестрой; сами эти системы еще находились в процессе становления.

С середины XI в. начинается внутренняя колонизация, сразу же принявшая массовый характер. Особенно интенсивной она была в Северной Франции, где площадь обрабатываемых земель увеличилась в несколько раз; в Южной Франции этот процесс начался позже и захватил далеко не все земли.

XIII — начало XIV в. — период наиболее интенсивного развития сельского хозяйства страны. В начале XIV в. уже выделяются главные сельскохозяйственные районы, в которых складывается специализация по отдельным культурам. Зерновой житницей страны становятся земли Центральной (Овернь, Форез) и Северной (Иль-де-Франс, Нормандия, Пикардия) Франции. В других областях наряду с земледелием большую роль играли виноградарство (Сентонж, Пуату, Гиень, Тулуза, Шампань и Нижняя Бургундия), огородничество (Фландрия, Прованс), производство технических культур — вайды (се-

верное побережье, район Парижа), шафрана (окрестности Орлеана), оливководство (Прованс). Тогда же выявилось резкое различие в развитии аграрных отношений Северной и Южной Франции: распространение различных систем землепользования и земледелия, разных видов сельскохозяйственных орудий и т. д. Эта разница в аграрном развитии усугублялась политическими обстоятельствами: после Альбигойских войн и в результате многолетнего англо-французского соперничества в Аквитании и Гаскони сельское хозяйство юга оказалось в затяжном кризисе. Этому способствовали также распространение экстенсивного перегонного скотоводства, отлив населения из Прованса в Италию и из Гаскони на новые, отвоеванные у арабов испанские земли. Однако и на севере страны было немало областей, развитие которых шло замедленно и в которых господствовали застойные формы хозяйства: Бретань, Ко (в Нормандии), Верхняя Бургундия.

В период Столетней войны происходит общее снижение сельскохозяйственного производства: грабежи и разбой привели к запустению хозяйства, сокращению посевных площадей, развитию экстенсивных форм хозяйствования.

В раннем средневековье из германских земель резко выделялись по уровню аграрного развития Рейнские земли, входившие в сферу Каролингского возрождения. В эпоху развитого средневековья их ведущее положение в основном сохранялось, но разрыв между ними и остальными немецкими территориями по мере распространения процесса внутренней колонизации сокращался; постепенно увеличивался удельный вес восточных, заэльбских земель, на которых искусственно создавались благоприятные условия для хозяйствования немецких колонистов.

Аграрный пейзаж Германии отличался исключительной пестротой. На большей части земель была распространена система открытых полей, обладавшая, однако, большими местными особенностями. В Южной Германии она приняла классическую форму системы конов или геваннов: крупные поселения, длинные полосы, объединенные в поля-коны. Эта система получила широкое распространение и на новых восточных землях, но в Померании и Мекленбурге она объединяла участки квадратной или неправильной формы, на юго-востоке, в Силезии, Судетах, сочеталась с системой компактных участков и

мелких поселений хуторского типа. На северо-западе Германии и в восточнонидерландских землях система обработки земли была близка к кельтской: рассеянные по границам пахотного массива мелкие хуторки и отдельные хозяйства, далее, вокруг них, — общие угодья; но сам массив состоял из длинных параллельных полос. Впрочем, это лишь общая картина распространения систем полей на германских землях; в каждой из местностей господствующая форма системы открытых полей обладала десятками вариантов. Кроме нее местами существовала кельтская система в Нидерландах, горных областях Рейна, на местах бывших славянских поселений.

Основными зерновыми районами страны были земли Северо-Западной и Южной Германии, продукция которых с XIV в. стала экспортироваться в Англию, Францию и Италию; в XV в. в торговле зерном резко повышается удельный вес восточногерманских областей. Скотоводство не получило в Германии преимущественного развития. Лишь в последние века развитого средневековья в связи с подъемом шерстяного производства в южнонемецких городах в землях Южной и Юго-Западной Германии развивается товарное овцеводство, тогда же там широко распространяются технические культуры (лен, конопля). Изменения происходили и в виноградарстве, специализация которого в отдельных районах (рейнские и мозельские вина) углубляется. Но наряду с этим виноградарство развивается и вширь, охватывая территории Центральной, Восточной и даже Северной Германии; правда, это его развитие сочетается с резким падением качества продукции.

В раннее средневековье уровень аграрного развития южноитальянских земель и областей Северной и Центральной Италии был различен. На юге страны, меньше пострадавшем от лангобардского нашествия и находившемся под сильным византийским и арабским влиянием, агрикультура не испытала того упадка, который был характерен для других частей бывшей Империи. Здесь, хотя и в меньших, чем прежде, масштабах, продолжал возделываться виноград, оливы, пшеница, причем последние две культуры, особенно распространенные в Апулии и Калабрии, нередко шли на экспорт, носивший, правда, случайный характер. Наиболее развитой в аграрном отношении была арабская Сицилия; здесь помимо обычных южных культур разводился хлопок, сахарный тростник.

тутовые и цитрусы. Иным было положение в Северной и Средней Италии. Здесь в первые столетия после падения Империи сократились посевные площади зерновых, почти исчезли садоводство и виноградарство, распространилось экстенсивное скотоводство и на смену цветущим римским виллам пришел пасторальный пейзаж. Ломались и традиционные системы земледелия и землепользования: после лангобардского нашествия в ряде районов Северной Италии стала устанавливаться система открытых полей.

В период развитого средневековья север и юг страны в аграрном развитии как бы поменялись местами: на юге сохранялись традиционные формы хозяйствования, позволявшие лишь постепенно наращивать масштабы производимой продукции; агрикультура севера претерпела ряд принципиальных, коренных изменений. Уже в IX—XII вв. здесь наступает расцвет мелкого крестьянского хозяйства, связанный с массовым развитием городов; идет серьезный подъем производительных сил: осваиваются новые земли, интенсифицируется хозяйство за счет роста виноградарства и других трудоемких культур, т. е. во всей полноте разворачивается процесс внутренней колонизации. Последующее развитие городов становится решающим стимулом для дальнейшего подъема сельского хозяйства, особенно в пригородных зонах. В XIV—XV вв. во многих областях Северной и особенно Средней Италии расцветают садово-огородные культуры, виноградарство, земледелие, однако их развитие не смогло полностью удовлетворить растущие потребности города (Флоренция, например, по свидетельству современников, лишь пять месяцев в году могла прокормиться продукцией своего дистрикта). Потребности в продовольствии, а также выгоды от товарного сельского хозяйства послужили одной из причин того, что большинство земель округи оказались в руках горожан, а это, в свою очередь, решающим образом повлияло на организацию и методы хозяйствования — повсюду получили широкое распространение компактные участки, включающие в себя земли разных угодий, т. е. происходит усиление элементов средиземноморской аграрной системы. Позже эти процессы еще более углубляются и приводят к возникновению системы подере, т. е. мелких поместий, обрабатывавшихся исполщниками. Исполщина была особенно распространена в Центральной Италии, где она охватывала более

90% всех земель; в Северной Италии больше была распространена мелкая краткосрочная аренда.

Впрочем, эти явления были характерны лишь для наиболее развитых территорий — Тосканы, Ломбардии, Эмилии, Венето; что же касается других земель — не только Южной, но и Северной Италии (Пьемонт, Фриуль), — то там аграрное развитие резко отставало.

Резкие различия в развитии аграрного строя между севером (христианские королевства) и югом (мусульманские территории) наблюдались также и в средневековой Испании. На арабских землях использовали ирригацию, тщательно обрабатывали почву; здесь развивалось, особенно в пригородах, мелкое хозяйство, специализировавшееся на трудоемких культурах, — рис, сахарный тростник, хлопок, апельсины, лимоны. Полеводство, животноводство и садоводство деревни было тесно связано с городским рынком и с обрабатывающими промыслами. Наиболее развитыми в аграрном отношении районами юга были Андалузия, Гранада, Лузитания. В окрестностях Севильи, например, в XI в. насчитывалось около 100 тыс. виноградных прессов.

На христианском севере хозяйство носило более примитивный характер и уровень его был значительно ниже: среди зерновых преобладали овес и просо, из огородных — бобовые, практически отсутствовало садоводство, но зато большое место занимало разведение скота. Иным был и характер землепользования; во многих районах была довольно сильна община с принудительным севооборотом, местами сохранились альменды и даже периодические переделы пахотных земель, т. е. была распространена система открытых полей в ее различных вариантах. Реконкиста в значительной степени стерла различия в хозяйственном облике северных и южных земель. Общинное землепользование проникло далеко на юг, в Кастилию; здесь, особенно в Месете, увеличился удельный вес зернового хозяйства, большое распространение получило перегонное скотоводство. В свою очередь, отодвинулась на север граница распространения винограда и олив, там появились посевы риса и шафрана (Арагон). Но в целом различия между севером и югом сохранялись на всем протяжении средневековья, поскольку они были обусловлены не только историческими, но и физико-географическими факторами (гористый север и равнинные области на юге и востоке страны).

Особенности размещения средневекового ремесленного производства География средневекового ремесла ведет свое начало с эпохи развитого феодализма; до этого занятие им, как правило,

совмещалось с крестьянским трудом, и даже там, где в раннее средневековье существовали профессионалы-ремесленники (крупные вотчины, отдельные римские города), их наличие никак не влияло на хозяйственное развитие округи. С возникновением городов и становлением цехового строя можно говорить об отличиях в ремесленном развитии отдельных областей, т. е. географии ремесленного производства, однако при этом всегда следует помнить, что уровень этих отличий был не так уж велик, так как характер средневекового ремесла в различных районах континента был по сути дела одинаков. Город ставил своей целью наиболее полное использование возможностей узкого местного рынка, а это приводило к необходимости производить самые разнообразные изделия, полностью удовлетворяющие потребности как феодалов и крестьян, так и самих городских жителей. В принципе натуральность хозяйства, свойственная раннему средневековью, сохранялась и в последующие столетия, поднявшись на новый, региональный уровень: каждый город со своей округой представлял самостоятельный экономический мирок, полностью (или почти полностью) удовлетворявший свои жизненные потребности. На этом фоне выделяются лишь отдельные отрасли ремесла, рассчитанные на внешний рынок; их существование объясняется природными (судостроение, горное дело) или историческими особенностями (производство шерстяных, шелковых тканей) данной местности. Поэтому, характеризуя специфику ремесла той или иной территории, не следует забывать, что кроме специфических промыслов, особо здесь развитых, каждый город обладал полной гаммой специалистов самых различных профессий. Именно они и составляли основную массу ремесленников города и производили большую часть его продукции. Для примера возьмем средний европейский город — Франкфурт-на-Майне — насчитывавший около 20—25 тыс. жителей; во второй половине XIV в. в нем жили представители 579 профессий, в большей части ремесленных.

Что же касается особо развитых в отдельных местностях промыслов, то в их размещении также наблюдается определенная специфика: территориальное расположение часто определялось не близостью к источникам сырья, а условиями цехового производства — существованием в данной местности цеха, обладающего привилегиями в приобретении сырья и сбыте продукции, наличием квалифицированной рабочей силы. Наиболее важную роль играли, пожалуй, условия сбыта продукции, т. е. наличие в данном районе оживленной торговли: в обстановке господства мелкого рынка и при необеспеченности жизненных условий производителя продажа готового товара определяла саму возможность существования производства и доминировала над остальными его сторонами, в том числе и над наличием удобных источников сырья. Именно поэтому крупнейшие районы средневековой шерстяной промышленности, Тоскана и Фландрия, базировались в основном на привозной шерсти, а наиболее развитые центры металлообрабатывающего дела Европы находились вдалеке от источников сырья (Париж, Лондон, Милан, Нюрнберг и др.). Однако эти отрасли ремесленного производства — сукноделие и горное дело — и достигли в средневековье наивысшего развития.

Шерстяное производство Шерстяное дело было известно европейским народам задолго до средневековья — уже в «варварскую» эпоху во многих местах было распространено производство грубых сукон из местной шерсти; в некоторых местностях сохранилась выделка и тонких сукон по римскому образцу. Это было производство для собственного потребления, и масштабы его были незначительны. Положение резко меняется с XI в., когда шерстяное дело превращается в одну из крупнейших и важнейших отраслей средневекового ремесла, в настоящую суконную «промышленность». В развитии суконного производства можно условно выделить два этапа — XI—XIII вв. и XIV—XV вв.; на первом этапе главная роль принадлежала тонким дорогим сукнам, на втором — простым и дешевым тканям. В изготовлении дорогих сукон в Европе ведущую роль играли Тоскана и Фландрия.

Наиболее известны были итальянские ткани; впрочем, называть их итальянскими можно только условно, так как часть их получала в Тоскане только окончательную отделку (окраска, ворсование и т. д.), изготовлены

же они бывали нередко в других местах, в том числе и во Фландрии.

Крупнейшим текстильным центром Тосканы была Флоренция. Наибольшего подъема флорентийское шерстяное ремесло достигло в XIII—начале XIV в.; в 1307 г., например, продукция цеха Лана составляла около 100 тыс. «кусков» (рулонов) ткани. Сырьевой базой этого производства являлась привозная шерсть — из Сардинии, Альгарвы (юг Португалии), Лангедока, Англии (в конце XIII в. Флоренция получала 12% всего английского экспорта шерсти). Большую роль играл также цех Калимала, специализировавшийся на переработке привозных английских, фландрских, североитальянских тканей: здесь ткани окрашивались в яркие пурпурные и малиновые тона, высоко ценившиеся на рынках как Западной Европы, так и Востока. Красители высшего качества в массе доставлялись во Флоренцию из Леванта, квасцы — из разных мест Средиземноморья (остров Фокя у Малой Азии, Сирия, Тунис) и Черноморского побережья. Текстильное производство составляло основу экономики Флоренции — по данным Д. Виллани, в нем было занято около 30 тыс. человек (всего город, как он сообщает, насчитывал в ту пору около 90 тыс. жителей).

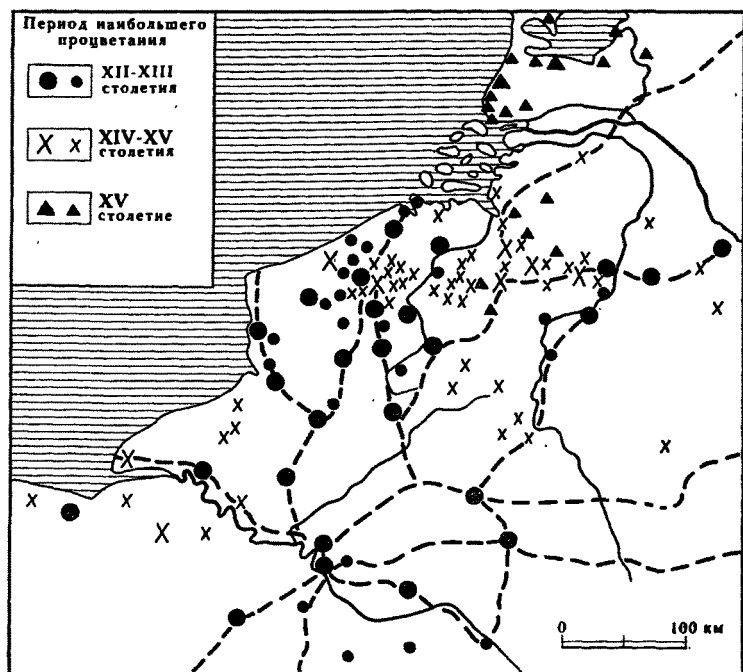
Крупными центрами шерстяного дела Тосканы были также города Сиена, Пиза, Прато. Сукно выделявали и в других районах Италии — в Милане, Вероне, Болонье, Падуе, однако с конца XIII в. флорентийские ткани окончательно вытеснили на средиземноморском рынке продукцию остальных итальянских городов.

Во Фландрии крупнейшим центром производства и торговли шерстяными сукнами был Брюгге, «Северная Венеция», как называли его современники. Сырьем для их изготовления также являлась привозная — английская — шерсть, хотя здесь некоторую роль играло и местное скотоводство, особенно на польдерах и в Южной Фландрии. Шерстоткацкое ремесло было широко распространено и во многих других фландрских городах (Гент, Лилль, Ипр, Аррас, Дуэ), а также в соседних французских и брабантских землях. В основном фландрская промышленность вырабатывала тонкие некрашенные сукна, шедшие затем на доработку и окраску в Италию, но вскоре фландрские шерстяники освоили и окраску тканей. Во Фландрию широким потоком хлынули красители: вайда — из Нормандии, Пикардии и Лангедока, грена — из Испании,

квасцы — из Генуи. Крупнейшим складским центром стал Брюгге, расположенный в стороне от моря, но имевший свои порты, связанные с ним каналами (сначала Дамм, затем Слейс). Фландрские города стали специализироваться на выпуске ткани своей специфической окраски: Лилль и Дуэ — голубой, Ипр и Гент — черной и т. п.

В XIV в. в большинстве фландрских городов наступает упадок производства. Он поначалу не коснулся таких крупных центров, как Ипр, Брюгге, Гент, однако и там сократилось производство сукон; что же касается массы более мелких центров, то их охватил настоящий кризис. Причины его были разнообразными. Здесь и политические обстоятельства — присоединение Фландрии к французской короне, и социальные мотивы — усиление противоречий внутри города и волна городских восстаний, и, наконец, усовершенствование технологического процесса, связанное с массовым распространением сукновальных мельниц, использующих водную энергию. Это послужило одной из побудительных причин для перемещения сукновальных мастерских из городов в деревни, более богатые этим источником энергии. Там же находилась основная масса неквалифицированных работников, занятых прядением и ткачеством. В результате шерстяное дело перемещается из старых центров в новые районы. Этот процесс особенно ярко виден в Нидерландах и Фландрии. С XIV в. главным районом по производству сукон в этой области становится Брабант, где шерстяное дело было развито не только в городах (Брюссель, Лувен), но и в деревнях, многие из которых в конце концов превращаются в крупные промышленные центры (Кассель, Армантьер). Эта новая промышленность ориентируется уже не на английскую, а на испанскую шерсть. И еще одно обстоятельство особой важности — это ремесло учитывает новые потребности в массовом производстве грубых, но дешевых тканей.

XIV—XV вв. характеризуются появлением новых сукнодельческих районов, постепенно приобретающих все большее значение. В первую очередь это Англия. Английское шерстяное производство, в XV в. крупнейшее в северной части континента, развилось на базе именно деревенской промышленности. Другой важный район — Южная Германия. Здесь центрами текстильного производства стали Аугсбург, Ульм и Сен-Галлен. На юге континента возросла роль Веронско-Венецианского, Пьемонтско-Ми-



Шерстяные центры Фландрии и Нидерландов в XII—XV вв.

ланского, Арагонского и Севильско-Кордовского шерстяных районов; во Франции выделяются Париж и Лион. Одновременно широкое распространение получают нешерстяные ткани — льняные, хлопчатобумажные, смешанные (итальянские фустаньи). Первые из них производились во многих городах континента, вторые — преимущественно на юге Европы. В самой Флоренции все большее значение получает шелковая промышленность, ранее распространенная главным образом в арабских землях (юг Испании, Сицилия). До XIV в. крупнейшим центром шелкоткацкого дела на Апеннинском полуострове была Лукка, позже же производство шелковых тканей распространяется на всю Тоскану, Ломбардию, Венето. Из других областей выделялись Южная Франция, Гранада и Валенсия. Вместе с тем Тоскана и, в частности, Флоренция продолжают оставаться крупнейшими производителями дорогих сукон, снабжая ими рынки Европы

и Ближнего Востока, однако общий уровень производства тканей там постепенно падает. Так, в 1337 г. в городе производилось уже 80 тыс. кусков ткани; с течением времени масштабы производства шерстяных тканей еще больше уменьшаются, а шелковых и фустаньи растут. Даже во Флоренции, следовательно, чисто шерстяное производство теряет исключительное значение.

Горное дело,
металлообработка,
судостроение

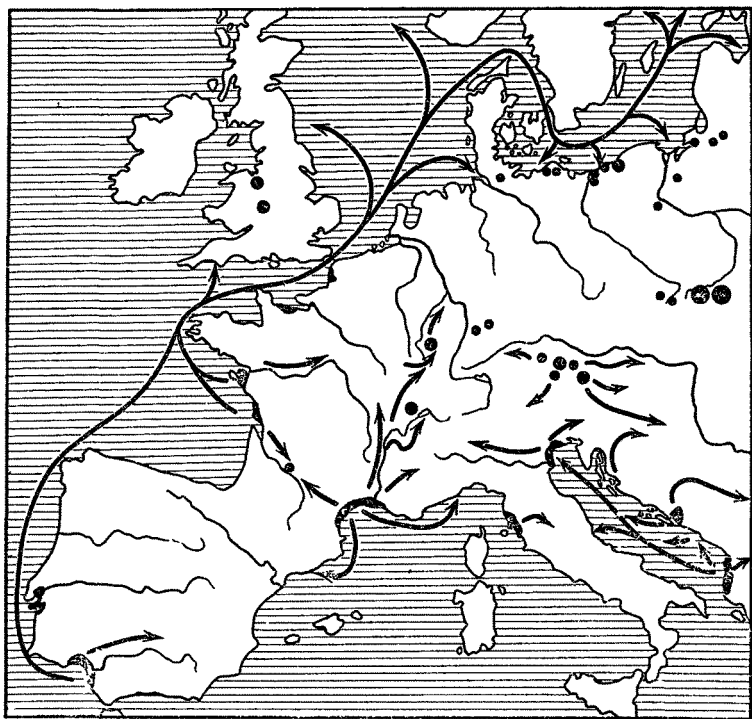
Добыча полезных ископаемых в средние века носила довольно примитивный характер и имела незначительные масшта-

бы: как правило, каждая область снабжала своих ремесленников собственной рудой, углем и прочими ископаемыми, причем низкого качества. Варвары в основном продолжали старые римские разработки, но на очень низком уровне. Наиболее крупным центром разработок был Норик (позднейшие Штирия и Каринтия); здесь добывалось и отчасти обрабатывалось железо. Железо также добывалось в Британии, в восточной части Галлии, на юге и западе Германии. В Британии разрабатывались, хотя и в гораздо меньших размерах, оловянные прииски. Серебро, медь, ртуть добывались в Испании. С начала развитого средневековья число разрабатываемых месторождений резко увеличивается — в одной только Германии (включая чешские, австрийские, силезские земли) возникают десятки и сотни новых железных, серебряных, медных и оловянных рудников. Однако техника их эксплуатации продолжала оставаться крайне примитивной. Незначительная глубина шахт (редко более 10 м), трудности с водооткачкой и вентиляцией, практическое отсутствие обогащения руды, ручной труд делали это производство очень тяжелым и неэффективным. Перелом в нем наступает во второй половине XV в., когда в результате перехода к горизонтальным штрекам, углублению шахт, применению водной энергии, дренажа почвы, переработки шлаков производительность труда в горном деле увеличилась во много раз. Так, добыча серебра в рудниках Шварц (Тироль) в 1470—1490 гг. выросла втрое, в рудниках Шнееберг (Саксония) в 1450—1470 гг. поднялась с нескольких сот до нескольких тысяч марок в год.

Территориально картина размещения добычи главных видов руд в Европе в развитое средневековье выглядела так.

Главными железнорудными районами были области Центральной Европы — австрийские земли (Штирия, Каринтия), Швеция, Чехия, а также Тироль и Вестфалия. Продукция этих рудников экспортировалась почти во все страны Западной Европы. Кроме них были известны также традиционные центры добычи железа — Астурия, Уэльс, бергамские и южноитальянские рудники. Олово издавна добывалось в Англии, позже в Саксонии и Чехии. Свинцово-медные руды разрабатывались в австрийских и южнонемецких землях, Силезии, Тироле, Испании и Англии. Каменный уголь использовался редко — его заменял древесный уголь, доступный, благодаря наличию лесов, почти в каждой местности. Из районов добычи каменного угля выделялась Северная Англия, где в долине реки Тайн соперничали Ньюкасл и Дерхем; их продукция в небольшом количестве шла в Нидерланды и Северную Германию.

Добывались и драгоценные металлы. Правда, что касается золота, то масштабы его добычи были минимальны — в основном она исчерпывалась крайне непродуктивной промывкой песка Роны, Рейна и других рек; иногда золото получали попутно при добыче других металлов; главная масса этого металла поступала в Европу (особенно в XV в.) из Африки (Сенегал и Египет). Серебро же добывалось в самой Европе и в довольно значительных размерах. В раннем средневековье наибольшей известностью пользовались испанские рудники — в Картахене, Линарес и Ла-Каролине, в горах Сьера-Морена и Гвадалканал (близ Севильи). Последнее месторождение было особенно богатым, оно давало около 10 кг серебра на тонну породы. Добыча серебра увеличивается в связи с потребностями растущего денежного обращения. Открываются новые месторождения, которые постепенно приобретают ведущую роль, — рудники Гарца (Гослар), Тироля, Саксонии (ряд рудников в Рудных горах по линии от Мейсена до Яхимова), чешские прииски. Позже большую роль в снабжении серебром западноевропейского рынка сыграли восточные области — Силезия, Трансильвания и Карпаты, Швеция. С середины XIII до середины XV в. ежегодная добыча серебра в Европе достигала, по некоторым данным, 25—30 т. Во второй половине XV в. производительность серебряных приисков увеличивается и уровень годовой добычи повышается в полтора — два раза (до 45—50 т). В начале



Места добычи и направления торговли солью в XIV—XV вв.

XVI в., как сообщает указ Карла V, ежегодный доход германских серебряных рудников доходит до двух миллионов гульденов, а занято было в этом промысле почти 100 тыс. рабочих.

Чрезвычайно важное место в экономике средневековых стран занимала соль. Помимо того, что она шла к столу, она также использовалась в кожевенном производстве, а главное — при заготовке продуктов впрок. Все это делало ее одним из важнейших и, пожалуй, наиболее массовым (вместе с вином и хлебом) предметом средневековой торговли. Разработки каменной соли для Западной Европы были мало характерны, кроме, пожалуй, соляных копей Южной Германии — Зальцбург и др.; главную роль играла выпаренная соль морских побережий. Наиболее важными районами ее добычи были земли Северной Адриатики (Кьоджа, Истрия, Червия), Прованса

и Лангедока (Нарбонна), юго-западной части Пиренейского полуострова и Атлантического побережья Франции (от Гаронны до Луары). Кроме этих районов, экспортировавших соль в больших масштабах на европейский рынок часто даже за пределы своих стран, существовали разработки более локального значения, снабжавшие окружающие местности; солеварни были обязательной принадлежностью почти каждого прибрежного пункта.

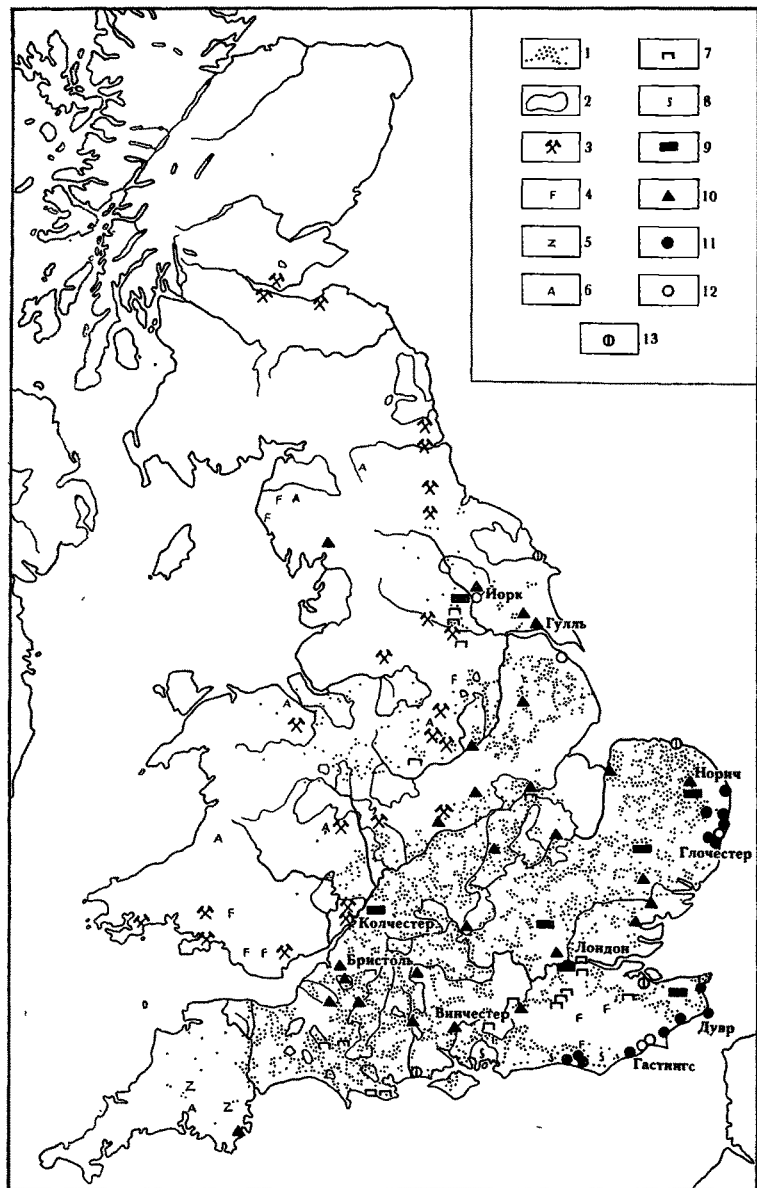
Главной отраслью металлообработки в средние века было оружейное дело. Оно было распространено практически во всех ремесленных центрах континента, но наибольшей известностью пользовались оружейники Милана, Толедо, Золингена и южнонемецких городов — Пассау, Нюрнберга, Аугсбурга. Кроме оружия эти же города славились и другой продукцией. Миланские карды (для текстильной промышленности), нюрнбергские замки, часы, иголки были известны во всех уголках континента. Важной отраслью средневекового ремесла было судостроение, развитое во многих приморских центрах. Одной из крупнейших судостроительных верфей был венецианский Арсенал. Он возник в начале XII в. и являлся государственным предприятием, выпускавшим преимущественно военные суда. Масштабы производства верфи были значительными: на ней обычно работало от 2 до 4 тыс. человек, в отдельные моменты (в зависимости от заказов) число рабочих доходило до 10—15 тыс. Кроме Арсенала в Венеции существовало множество частных верфей, строивших торговые корабли; масштабы их производства в общей сложности не уступали государственным. В XIV—XV вв. судостроение широко развивается в портовых городах Португалии, Англии, Нидерландов и Северной Германии. Тогда же возникают и новые отрасли промышленности: типографское дело (Венеция, города Южной Германии, Нидерланды), пушечное дело и литье чугунных ядер (Фландрия, Северо-Восточная Франция, Северо-Западная Германия).

География ремесла
отдельных стран
Западной Европы

Выше уже говорилось, что
средневековый город сам снаб-
жал себя почти всем необхо-

димым. Однако географические особенности накладывали заметный отпечаток на характер развития ремесла в отдельных районах.

Еще с античных времен Британские острова славились своими разработками олова и других ископаемых.



Экономическое развитие Англии в XII—XIV вв.:

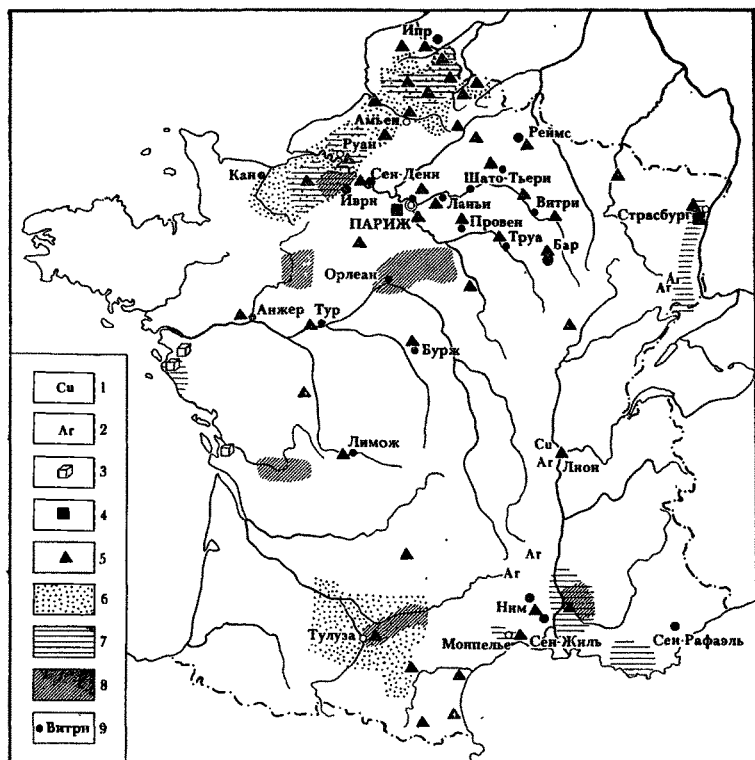
1 — места широкого распространения водяных мельниц; 2 — королевские заповедные леса; 3 — каменноугольные шахты и рудники; 4 — добыча железа; 5 — добыча олова; 6 — добыча свинца и серебра; 7 — каменоломни; 8 — добыча соли; 9 — центры металлообработки; 10 — центры суконного дела; 11 — селения, промышленявшие ловлей сельди; 12 — селения, промышленявшие ловлей трески; 13 — центры китового промысла

В средние века горнодобывающее дело Британии получило дальнейшее развитие. Крупнейшие разработки железа находились в Южном Уэльсе, западной части Кента. Серебро и олово добывались в Уэльсе, Пенниннах, северной части страны. Крупнейшие солеварни были разбросаны на южном побережье страны от Гастингса до Портсмута. Важнейшими центрами металлообработки являлись Лондон, Глочестер, Норич, Йорк. Шерстяное дело было распространено во многих городах страны, но основная масса шерстяных предприятий находилась в центральных и восточных графствах. Важная роль принадлежала рыболовству и предприятиям по переработке рыбы; они были расположены на восточном и юго-восточном побережье страны.

Если в целом бросить взгляд на карту распределения ремесленных центров средневековой Англии, то получится следующая картина. На западе и севере страны ведущим являлось горное дело; в центре, на юге и востоке доминировали обрабатывающие ремесла; на этом фоне резко выделялись отсталые Корнуэлл и пограничные с Шотландией области.

Средневековая Франция была бедна ископаемыми. Крупнейшими (и фактически единственными) горнодобывающими районами были Лионне и Божоле (серебро и медь); некоторые цветные металлы добывались в Эльзасе и по правобережью среднего и нижнего течения Роны. Масштабы горного дела были невелики; так, на трех крупнейших рудниках Лионне, во второй половине XV в. принадлежавших Ж. Керу, было занято всего полторы — две сотни рабочих. Самыми крупными центрами металлообработки были Париж и Страсбург.

Наиболее важным районом соледобычи был Прованс, несколько меньшее значение имели солеварни по Атлантическому побережью к югу от устья Луары. Шерстяное и суконное дело преобладало в Париже и Лионе, а также на северо-востоке и отчасти юго-западе страны; Фландрия, Пикардия, Шампань, Тулуза, Каркассон, Перпиньян производили основную часть суконной продукции страны. Льняное производство также концентрировалось на северо-востоке (Аррас, Реймс и др.). Вообще северо-восток, земли к югу от Фландрии — до Труа и Парижа — были главным районом выработки самых различных тканей. Здесь же располагались важнейшие ярмарки страны — Сен-Дени, Реймс, Иври, Витри (не



Экономическое развитие Франции в XII—XIV вв.:

1 — добыча меди; 2 — серебра и свинца; 3 — соли; 4 — центры металлообработки; 5 — сукоинного дела; 6 — районы разведения вайды; 7 — краппа; 8 — шафрана; 9 — места ярмарок

считая шампанских). Из других городов славились своими ярмарками Анжер, Тур, Лимож, Орлеан, Бурж, Лион, Ним. Французские ремесленники специализировались на обработке различных технических культур — шафрана, вайды, краппа, которые разводились во многих районах страны. В целом в стране выделялся своим экономическим развитием северо-восток с расположенными на его границах такими крупными ремесленными центрами, как Париж, Страсбург, Аррас.

Земли, расположенные в устье Рейна, Мааса и Шельды (Нидерланды), в политическом отношении не были едиными, но экономически они представляли собой ком-

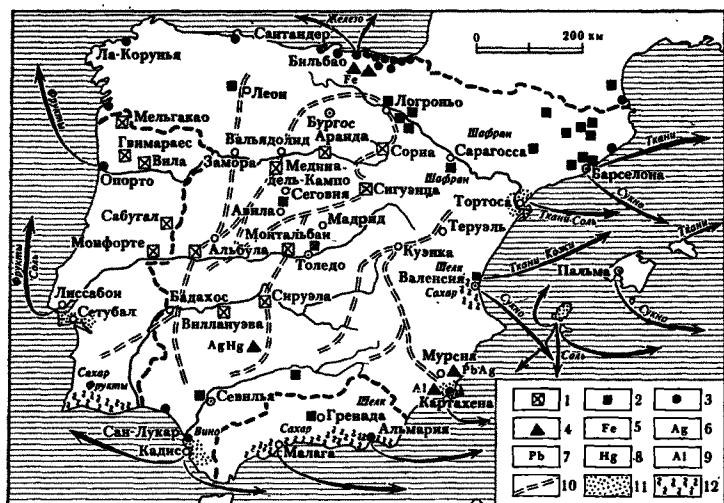
пактное целое. Это был один из наиболее развитых экономических районов средневековой Европы. Основу хозяйства его южной части составляла шерстяная промышленность. Крупнейшие центры шерстяного дела протянулись здесь, в Брабанте, широкой полосой от Ипра и Брюгге на западе до Льежа на востоке, включая такие города, как Гент, Брюссель, Лувен, Намюр; суконная продукция этих городов славилась на всех рынках Европы. Шерстяное дело было довольно развито и в северных районах, в Амстердаме, Лейдене; фландрско-брабантские сукна, так же как и кружева, практически не имели соперников. На севере одной из важнейших отраслей хозяйства были рыболовство и связанное с ним судостроение; почти все прибрежные города Голландии и Зеландии специализировались на добыче и переработке сельди. Крупнейшим центром судостроения был Хоорн. В железообрабатывающем деле выделялись Утрехт и Льеж. Фландрия была крупнейшим в Европе центром бронзового литья — здесь отливались известные повсюду колокола (занятие, по характеру близкое скорее к искусству). Здесь же было крупнейшее в средневековой Европе чугунолитейное производство (ядра и пушки).

До XV в. в Империи выделялись своим развитием два района — юго-запад и Рейнская область. В городах Рейнской области и соседних территорий основу ремесленного развития составляло текстильное производство, главным образом изготовление шерстяных тканей. На юго-западе страны ремесленное производство было более разнообразным. Здесь кроме льняных и смешанных тканей (Ульм, Сен-Галлен, Равенсбург) производились металлоизделия (Нюрнберг, Аугсбург), добывались соль (Зальцбург), серебро (Тироль) и другие металлы. Во второй половине XV в. экономическое значение этого района еще более выросло: как уже говорилось, в это время начался подъем горнорудной промышленности, который вывел Южную Германию в число наиболее развитых областей Европы. Почти столетие, до середины XVI в., имперские земли занимали практически монопольное положение на континенте в добыче серебра и меди. Самым важным районом добычи серебряной руды и производства серебра стал Саксонско-Чешский горнорудный район, где были открыты богатейшие залежи благородного металла. В выплавке меди пальма первенства принадлежала мансфельдским предприятиям. Одновременно увели-

чилась добыча металлов в традиционных районах, особенно в Тироле. По масштабам производства и капиталовложений, по размаху строительства шахт, плавильен германское горное дело стало отраслью самого крупного производства в тогдашней Европе. Бурное экономическое развитие этой области привело к усилению контраста между ней и остальными территориями страны.

Территориальная картина распределения ведущих отраслей ремесла в Италии была следующей. В Средней Италии наиболее развитая Тоскана представляла собой всеевропейский центр шерстяной промышленности. Кроме сукон здесь производился также шелк, изготавливались разнообразные ювелирные изделия, дорогие поделки из кожи, предметы искусства. В тосканской Маремме добывались в небольших количествах цветные металлы. Важнейшими центрами области были кроме Флоренции Сиена, Лукка, Прато; остальные города этой части страны, включая и Рим, большой роли в экономике не играли. В Северной Италии производство было более разнообразным. Помимо текстильного дела, существовавшего во всех крупных городах, здесь были развиты металлообработка и производство оружия (Милан), судостроение (Генуя, Венеция), производство стекла (Венеция), ювелирное дело и разнообразные местные промыслы; в горах добывалось железо (Ломбардия), цветные металлы (Венето), на побережье Адриатики — соль. В целом, несмотря на несравнимо меньшие масштабы производства тканей, Северная Италия была экономически более развита, чем Центральная, и производство здесь распределялось более равномерно, охватывая центр (Милан), восток (Венеция) и запад (Генуя) территории. Как крупнейшие ремесленные центры кроме указанных славились Болонья, Верона, Падуя, Пьяченца, Верчелли, Кьери, Тревизо, Павия и многие другие города. В Южной Италии важнейшим ремесленным центром был Неаполь, но его производство в основном обслуживало нужды местных жителей. В этом районе выделялось, пожалуй, только горное дело — добыча железа и цветных металлов в Калабрии.

До XIII в., времени решающих успехов Реконкисты, в Испании существовала резкая грань между уровнем ремесленного развития христианского Севера и мусульманского Юга. На юге были расположены цветущие города, центры не только шелкового и суконного производства,



Экономическое развитие Пиренейского полуострова в XV в.:

1 — крупные ярмарки; 2 — центры шерстяного дела; 3 — судостроения и морской торговли; 4 — места добычи полезных ископаемых (железа — 5, серебра — 6, свинца — 7, ртути — 8, квасцов — 9); 10 — важнейшие пути перегона скота; 11 — места добычи соли; 12 — районы виноградарства

но и разнообразных других промыслов, втягивающие в сферу регулярного обмена близлежащую округу — Севилья, Кордова, Гранада, Валенсия, Малага и др. Здесь ремесло отличалось не только высоким уровнем развития, но и большими масштабами; так, уже в X в. в Кордове насчитывалось около 13 тыс. ткачей. Широко было распространено изготовление оружия (знаменитая арабская броня и мечи высокой художественной отделки) — Альмерия, Мурсия, Севилья, Гранада и прежде всего Кордова и Толедо. Большие кожевенные заводы были расположены в Кордове, бумагоделательные мастерские — в Хативе, керамические предприятия — в Севилье, Валенсии и во многих других местах. В Хаэне разрабатывались серебряные рудники, в Альмадене начиналась добыча ртути.

На этом фоне ремесленное производство христианского севера выглядело чрезвычайно бедно. Единственным крупным центром ремесла здесь был Сант-Яго, но и он в основном ориентировался на ближайшую округу. Из промыслов, получивших более или менее значительное развитие, можно назвать только сукноделие (Альбарас-

син), дубление кож (Сарагосса и другие города Арагона и Каталонии), добычу железа.

Отвоевание большинства земель у арабов привело к некоторому падению уровня ремесла на этой территории, но суконное производство и оружейное дело городов внутренней Испании продолжало развиваться. В Арагонском королевстве ремесло поднялось в Каталонии (Барселона, Лерида), где производились разнообразные сукна, шелк, хлопчатобумажные ткани, гончарные изделия, выделялась кожа и т. д. К концу XV в. в каталонском ремесле намечаются признаки упадка и на первое место выходят такие города, как Севилья, Кордова, Толедо, Сеговия, Леон, Гранада и пр. В Испании и за ее пределами широкой известностью пользовались, например, севильская керамика (особенно изразцы), седла, инкрустированная упряжь и шпоры, кожаные и бархатные изделия, толедские шпаги, кинжалы, шляпы и прочие предметы обихода. Но уже в это время становится заметным губительное воздействие вмешательства короны в развитие ремесла — излишняя регламентация производства и сбыта продукции, налоговое давление и пр., приведшие в дальнейшем к развалу испанской экономики.

Средневековая
торговля

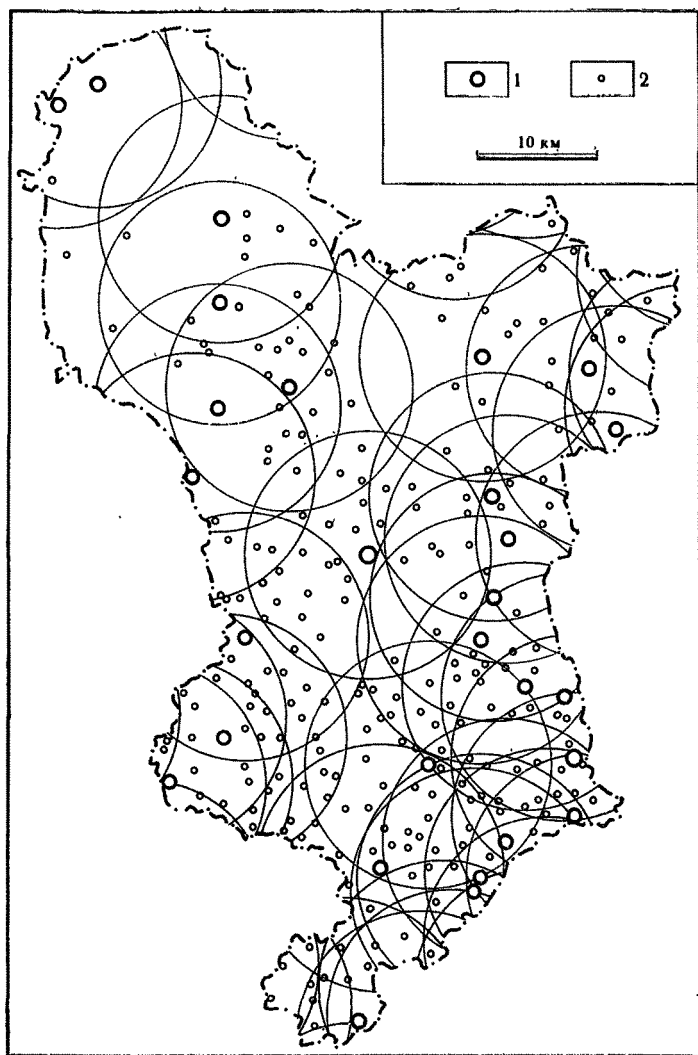
Торговые сделки были характерны для средневекового общества во все века его существования. Даже в период раннего феодализма, при полном господстве натурального хозяйства, торговля окончательно не исчезала, хотя и не носила регулярного характера. Ее роль увеличилась с появлением товарно-денежных отношений, вызванных возникновением и развитием средневековых городов; торговая деятельность становится неотъемлемой чертой феодального общества.

Средневековая торговля имела ряд специфических особенностей. Ведущая роль принадлежала в ней внешней, транзитной торговле; натуральностью хозяйства, в принципе существовавшей в любом феодальном обществе, объясняется тот факт, что основная масса предметов потребления производилась в самом хозяйстве, на рынке приобреталось лишь то, чего не было (или не хватало) в данной местности. Это могло быть вино, соль, сукно, хлеб (в неурожайные годы), но чаще всего это были левантийские восточные товары. Восточные товары (специи) подразделялись на две группы. К «грубым специям» относились различные ткани (шелк, бархат и пр.),

квасцы, редкие металлы, т. е. те предметы, которые отмеривались и отвешивались на локти, квинталы или поштучно. Собственно «специи» измерялись на унции и grosсы; это были главным образом пряности (гвоздика; перец, имбирь, корица, мускатный орех), красители (индиго, бразиль), благовонные смолы, лекарственные травы. Роль восточных товаров в быту западноевропейских народов была чрезвычайно велика. Целые отрасли европейской экономики (шерстоткацкое производство, например) зависели от заморских красителей и квасцов, мясная по преимуществу пища самых разнообразных слоев населения требовала большого количества острых приправ, наконец, ряд снадобий восточного происхождения (разные травы, истолченный рог носорога, даже сахар) являлись редкими и, как тогда казалось, единственными лекарствами. Но, несмотря на потребность европейского рынка в этих товарах, масштабы торговли ими, как будет показано ниже, были незначительны.

Внешняя, транзитная торговля прошла через все средневековье, меняя только свои масштабы, направление, характер. Иной была судьба местной, внутренней торговли.

Местная торговля, т. е. товарный обмен продукции ремесла и сельского хозяйства, в серьезных масштабах возникла в развитое средневековье, в результате развития городов и особенно после распространения денежной ренты. Господство денежной формы ренты привело к массовому вовлечению деревни в товарно-денежные отношения и созданию местного рынка. Поначалу он был очень узок: на нем выступала относительно небольшая часть крестьянской продукции, да и покупательные способности мелкого города были весьма ограничены; к тому же цеховая монополия и торговая политика городов припуждали крестьянина торговать только на данном рынке, только в соседнем городе. Рыночные связи большинства средневековых городов были небольшими. Так, в Юго-Западной Германии городские дистрикты в целом не превышали 130—150 кв. км, в Восточной Германии — 350—500 кв. км. В среднем на континенте городки располагались в 20—30 км друг от друга, в Англии, Фландрии, Нидерландах, Италии — еще ближе. Известный английский юрист XIII в. Брактон полагал, что нормальное расстояние между рыночными местечками не должно превышать 10 км. Очевидно, на практике существовало



Плотность рыночных местечек в средневековой Англии (графство
Дербишир, ок. 1300 г.):

1 — рыночные центры; 2 — населенные пункты. Радиус окружностей — 10 км

неписанное правило, по которому до ближайшего рынка крестьянин мог добраться за несколько часов (на быках!), чтобы успеть в тот же день вернуться обратно; такое положение считалось нормальным. В качестве товаров на таком рынке выступала самая разнообразная сельскохозяйственная продукция округи и необходимые массовому покупателю ремесленные изделия. Естественно, что характер этих рыночных связей был неустойчив и всецело зависел от урожайности текущего года.

С развитием производства возникает хозяйственная специализация разных областей по отдельным продуктам (хлеб, вино, соль, металлы) и меняется характер местной торговли. Она становится более регулярной, менее зависящей от различных внешних факторов, увеличиваются ее масштабы. Расширяются и торговые связи рыночных центров: возникают более крупные рынки, на которых концентрируется продукция не только ближайшей округи, но и более отдаленных мест, переправляющаяся затем в другие области и страны. Такими центрами, например, становятся Ипр, Гент и Брюгге во Фландрии, Бордо в Аквитании, Ярмут и Лондон в Англии. Однако не следует преувеличивать масштабы этого процесса. Во-первых, он характерен только для отдельных районов континента, там, где специфика географических и исторических факторов создала особо благоприятные условия для ранней товарной специализации хозяйства; во-вторых, связи таких рынков оставались неустойчивыми и зависящими от различных, в первую очередь политических, обстоятельств. Так, Столетняя война прервала складывавшуюся виноторговлю Бордо в Англии и торговлю английской шерстью в Нидерландах; вхождение Шампани в состав Французского королевства затруднило приток фландрских и английских товаров на знаменитые шампанские ярмарки и послужило одной из причин их упадка. Формирование устойчивых областных, региональных рынков — явление, присущее в основном позднему феодализму; в эпоху развитого средневековья мы встречаем только отдельные его проявления.

Специфика торговли раннего и развитого средневековья заключалась в существовании в Европе двух основных торговых районов, отличавшихся значительным своеобразием, — южного, средиземноморского, и северного, континентального.

сивность торговли здесь объяснялась рядом обстоятельств. Во-первых, сохранением традиционных торговых связей предыдущей эпохи, которые и после падения Западной империи поддерживались восточными императорами. Еще большее значение имело раннее развитие городов как в Италии, так и в Южной Галлии. Наконец, пожалуй, решающую роль играло то обстоятельство, что этот район был связующим звеном в торговле Востока с Европой, торговле, не утихавшей на всем протяжении средневековья.

В средневековой торговле Средиземноморья можно выделить несколько этапов. После падения Западной Римской империи центр тяжести торговли переносится в восточную часть Средиземноморья, где были расположены наиболее развитые и густонаселенные области той эпохи (Малая Азия, Сирия, Египет) с такими крупными городами, как Константинополь, Александрия, Антиохия, Фессалоники. Упадок торговли на западе был вскоре приостановлен благодаря завоеваниям Юстиниана, вернувшим многие приморские области бывшей Империи в орбиту византийского влияния. И хотя это возрождение было недолгим, часть земель (Южная Италия, Сицилия) на несколько столетий осталась в тесной не только политической, но и экономической связи с Восточной империей. Торговой активностью отличались также порты Прованса, в первую очередь Марсель, затем Тулон, Арль и др. Через них в Галлию шли пряности, тонкие ткани, египетский папирус, вывозились же главным образом рабы. Но, конечно, масштабы этой торговли резко упали по сравнению с античным временем.

В VIII—X вв. ситуация на Средиземном море меняется. Арабские завоевания охватили большую часть Средиземноморского побережья: Пиренеи, африканский берег, Египет, Сирию, отдельные места в Южной Галлии, Италии. Арабы проникали местами довольно глубоко на континент, захватили все важнейшие перекладные пункты средиземноморской торговли — Сицилию, Сардинию, Крит и Кипр. Но и не захваченные ими порты не были гарантированы от набегов — арабскому разгрому неоднократно подвергались Фессалоники, Марсель, Генуя и многие другие центры. Расцвело пиратство. Традицион-

ные пути торговли были нарушены, наиболее оживленными стали маршруты вдоль южных берегов Средиземноморья. Европейская торговля резко упала. Лишь в восточной части Средиземного моря сохранял свое значение Константинополь, откуда по-прежнему, хотя и в меньших размерах, продолжали поступать в Европу восточные товары.

Возрождение средиземноморской торговли связано с подъемом итальянских городов. Еще в эпоху господства арабов на Средиземноморье вели значительную торговлю южноитальянские порты — Бари, Амальфи, Гаэта; несколько позже к ним присоединяется Венеция. Венеция занимала исключительно выгодное положение в то время: островки, разбросанные в лагуне, практически были недоступны противнику ни с суши, ни с моря; кроме того, она находилась на пересечении трех важных торговых маршрутов — на запад в долину По, на север через Бреннер в Германию и на юг по Адриатике. Однако первыми выступили против арабской морской гегемонии не эти города, а крупнейшие торговые коммуны западного побережья полуострова — Пиза и Генуя.

Расположенная в низовьях Арно, Пиза являлась естественными морскими воротами Тосканы. Уже в XI в. начинается ее торговая экспансия: она получает торговые привилегии в Сардинии, изгнав оттуда совместно с генуэзцами арабов, приобретает торговые кварталы в Константинополе, Яффе, устанавливает тесные торговые связи с Сирией, Египтом, Северной Африкой. Постоянное соперничество с Луккой, и в первую очередь с Генуей, привели к упадку пизанскую торговлю. В XIII в. генуэзцы разрушили лежащий в устье Арно пизанский порт (Порто Пизано), и с этого времени Пиза становится придатком своей более могущественной соседки — Флоренции. Крупнейшей торговой державой на западном побережье Апеннинского полуострова становится Генуя.

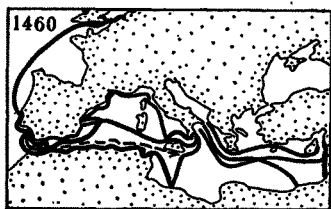
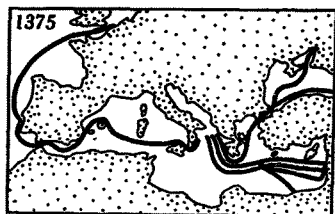
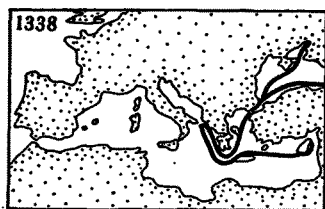
Территориальная ограниченность округа, стиснутой Лигурийскими Альпами и побережьем, способствовала тому, что мореплавание стало главным занятием генуэзцев. Генуэзские моряки первыми ввели в повседневную практику мореходства портоланы и компас, перешли к зимней навигации и установили регулярное торговое сообщение по морю с Англией и Нидерландами. Генуя служила портом для многих коммун Ломбардии, здесь сходились морские пути из Южной и Средней Италии и

Южной Франции. Постепенно Генуя превратилась в ведущую торговую державу Западного Средиземноморья. После восстановления Византийской империи (1261) она укрепила свои позиции и в восточной части бассейна: получила торговые кварталы в Константинополе, обосновалась на Кипре, проникла на Черное море. Впрочем, торговая активность генуэзцев на востоке была недолгой: многолетнее соперничество Венеции и Генуи завершилось в конце XIV в. победой венецианцев, и в XV столетии Генуя сохраняет свои позиции лишь в западной части Средиземного моря. Однако это не помешало генуэзцам оставаться фактическими монополистами в торговле рядом важнейших товаров (квасцы, кораллы).

Венеция уже в XI в. захватывает доминирующие позиции на Адриатике, а в эпоху крестовых походов прочно укрепляется на восточно-средиземноморских путях. После IV крестового похода ее территориальные приобретения достигают максимума; позже они сокращаются, но под ее контролем остаются важнейшие торгово-стратегические пункты Восточного Средиземноморья — Крит, Лемнос, Ионические и Кикладские острова и др. Тогда же Венеция проникает и в западные районы Средиземного моря, постепенно вытесняя Геную с морского пути в северную часть континента (большая часть грузооборота лондонского порта в конце XIV в. принадлежала венецианским судам). Венецианцы становятся владельцами крупнейшего торгового флота того времени. По «Завещанию дожа Мочениго» (1423 г.) он состоял из 350 галер и нефов и около 3000 более мелких судов с общей численностью экипажа в 36 тыс. человек.

Немалая доля в средиземноморской морской торговле принадлежала также портам Южной Франции и Испании. Марсель, Арль и Сен-Жиль в Провансе, Нарбонна в Лангедоке и Барселона в Каталонии занимались не только местной каботажной торговлей, но и посылали суда в Левант. Некоторые из них выделялись не только в морской, но и в сухопутной торговле — Барселона, Ним и особенно Нарбонна, связанная оживленной дорогой с Тулузой и далее по Гаронне с Бордо.

Главными контрагентами европейских купцов были восточносредиземноморские страны — Византия, Сирия, Египет, являвшиеся перевалочными пунктами на пути восточных пряностей и других товаров в Европу. Торговля велась и продуктами местного производства — саха-



Торговые маршруты венецианского галерного флота

ром, шелковыми изделиями, различными ценными поделками. Важную роль в этой торговле играли колонии Причерноморья — генуэзская Кафа и венецианская Солдайя, Трапезунд и особенно Тана, в которых итальянцы имели торговые кварталы. Эти города были важны не только как пункты отправки ценных местных товаров (хлеб, металлы, рабы), но и как конечные пункты (Тана, Астрахань) того торгового маршрута, которым доставлялись в северные области китайский шелк, индийские пряности и другие восточные товары.

Ассортимент товаров средиземноморской торговли был разнообразен. С востока на запад широким потоком шли греческое вино, далматинский лес, рабы из Северного Причерноморья и Кавказа, фокейские квасцы, индийские красители и пряности, китайский шелк, цветные металлы, хлеб, соль, сахар, хлопок, дорогие ткани, оружие, персидские ковры и другие предметы. Западная Европа снабжала восточные страны преимущественно изделиями своего ремесла — шерстяными тканями, оружием; важной статьёй экспорта было серебро.

С XV в. характер средиземноморской торговли меняется. В связи с турецкими завоеваниями уменьшается удельный вес левантийских товаров и торговля с Востоком ограничивается. Генуэзцы и венецианцы утрачивают

прямой контакт с торговыми центрами Малой Азии; важнейшим посредником между ними становится Кипр. Терают свои позиции европейцы и в Черноморье. Центр тяжести южной торговли переносится в западные области Средиземноморья. Здесь поднимаются новые морские державы — Каталония и Португалия. Каталонцы владели всеми важнейшими торговыми пунктами запада Средиземноморья — Сицилией, Сардинией, Балеарами, Мальтой, им принадлежали Неаполь и Южная Италия; в отдельные периоды они выступали равноценными соперниками Генуи на традиционных торговых путях. Португальские моряки соперничали с итальянцами на морском пути в Англию, фактически монополизировав торговлю с Дублином. Другим направлением их экспансии был Атлантический океан — Канарские острова, острова Зеленого Мыса, Западная Африка, откуда во второй половине XV в. стало поступать в Европу золото.

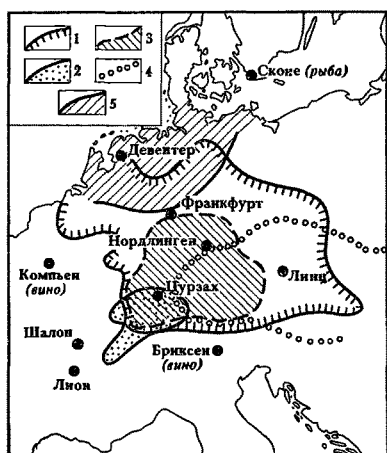
С южным торговым регионом устанавливает связи новый район торговли, поднявшийся в последние столетия развитого средневековья, — Юго-Западная Германия. Она находилась в выгодном географическом положении: с одной стороны, была связана со старыми центрами торговли, Италией (через Бреннер) и Фландрией (по Рейну), с другой — удобно расположена по отношению к наиболее развитым новым районам Центральной и Восточной Европы (Чехия, австрийские горные герцогства, Силезия), в которых поднималось горнорудное производство. Юго-Западной Германии принадлежала заметная роль не только в транзитной торговле этих мест (восточные товары из Венеции, металлы из славянских областей); она имела самостоятельное торговое значение: в ней производились на экспорт льняные и хлопчатобумажные ткани, металлоизделия, добывалась каменная соль.

Италия продолжала сохранять ведущую роль в торговле, но ее превосходство не было уже таким подавляющим, как в XIII—XIV вв. Изменился и ассортимент товаров; среди них значительно большую роль стали играть менее дорогие, но более громоздкие вещи — хлеб, вино, металлы.

Наконец, в этом традиционном районе морской торговли стала большее место занимать торговля сухопутная (главным образом за счет увеличения роли германской торговли).

Северный район европейской торговли

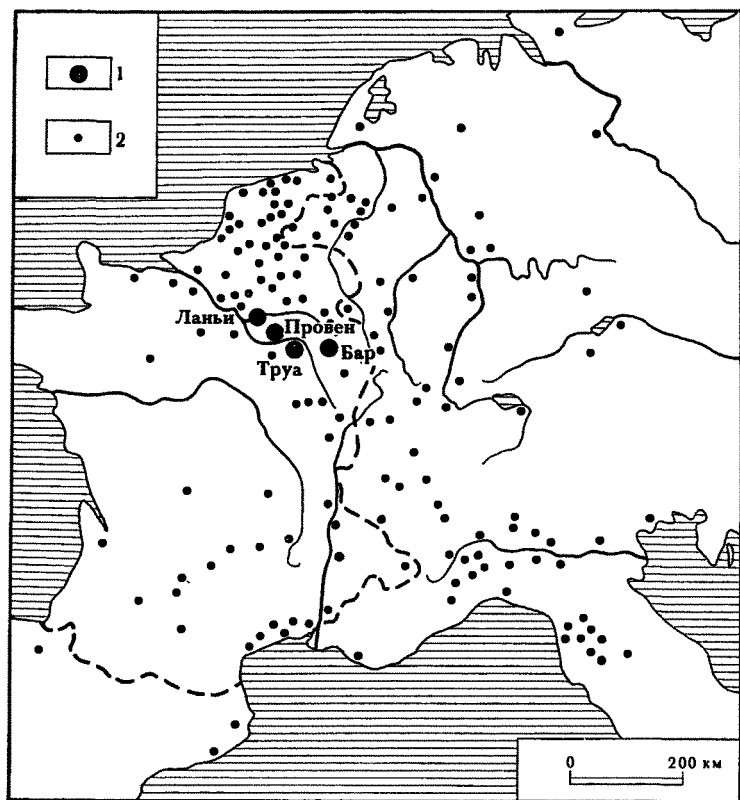
В континентальной Европе раннего средневековья торговля не получила такого развития, как на юге материка. Некоторым исключением была только торговля фризских купцов в VI—VIII вв., курсировавших вдоль южных берегов Северного моря и Западной Балтики. Настоящий подъем торговли относится здесь только к периоду развитого феодализма. В континентальной торговле гораздо большая роль принадлежала торговле сухопутной. Центрами ее являлись традиционные ярмарки, ежегодно проводившиеся во многих городах континента. Крупнейшими из них в раннее средневековье были ярмарки в Сен-Дени (Париж), известные уже в VII в., и во многих фландрских городах, расцветшие в XI в. Позже получили общеевропейскую известность ярмарки в Шалоне (конец XII в.), Жене (XIV в.), Лионе (XV в.). В Германии важнейшим ярмарочным центром XIV в., в котором сходились товары южного, средиземноморского и северного районов торговли, был Франкфурт-на-Майне; в это же время приобрели большую известность ярмарки в Нордлингене (на пересечении дорог из Франкфурта в Аугсбург и из



Ярмарки центральной части Западной Европы в XIV—XV вв. и их торговые ареалы:

1 — Франкфурт-на-Майне; 2 — Цурзах;
3 — Нордлинген; 4 — Линц; 5 — Девентер

Нюрнберга к Констанцскому озеру), Линце, Лейпциге, Страсбурге, Эрфурте и других городах. В Скандинавии как крупнейшая известна ярмарка в Сконе. Но, пожалуй, важнейшими в средневековой Европе являлись шампанские ярмарки, возникшие еще в начале XII в. Связанная сухопутными и речными путями с Фландрией и Рейнской областью, с одной стороны, Иль-де-Франсом и Северной Францией (и далее с Англией) — с другой, расположенная вблизи бассейна Роны и других маршрутов, идущих от альпийских перевалов,



Шампанские ярмарки XII—XIV вв.:

1 — шампанские ярмарки; 2 — города, купцы которых регулярно посещали шампанские ярмарки

Шампань была чрезвычайно удобным местом встречи купцов двух основных районов европейской торговли — южного и северного. На шампанских ярмарках бывали купцы из Англии, Франции, Германии, Нидерландов и Фландрии, Италии, Испании, т. е. практически из всех стран средневековой Западной Европы; основная масса зарегистрированных торговцев локализовалась городами и местечками Фландрии, Брабанта, Иль-де-Франса, Бургундии, Лангедока, Ломбардии и Тосканы. Главными шампанскими ярмарками были ярмарки в Ланьи, Бар, Провен, Труа (в последних двух городах ярмарки прово-

дились дважды в году). Каждая из них длилась по шесть недель; в общей сложности они функционировали почти десять месяцев в году. Торговля проводилась строго по регламенту: сначала шла продажа шерсти, затем других товаров; в этом плане северные купцы получали определенные преимущества по сравнению с итальянцами, что, впрочем, не снижало популярности шампанских ярмарок среди итальянских торговцев: почти половину всех иностранных купцов в Шампани составляли выходцы из Ломбардии и Тосканы. Расцвет шампанской торговли падает на вторую половину XII — первую половину XIII в.; с конца XIII в. начинается постепенный ее упадок, вызванный вхождением графства в состав Французского королевства и установлением прямого морского сообщения между Средиземным и Северным морями.

Другим важным районом северной торговли были Нидерланды и Фландрия. Расположенные у устья трех судоходных рек (Рейн, Шельда, Маас), ведущих в Северо-Восточную Францию, Германию и к Альпам, связанные морским путем с Англией и Балтикой, Нидерланды находились в исключительно выгодном географическом положении. Географические условия благоприятствовали также Фландрии, граничившей с Нидерландами, Пикардией и Артуа и также имевшей удобные выходы к морю. Здесь крупнейшим центром торговли был Брюгге. Расцвет торговли Брюгге падает на XIV век, когда окончательно теряют свое значение шампанские ярмарки, у которых Брюгге «принял эстафету». Теперь именно здесь встречаются прибывшие морем итальянские, английские и немецкие купцы; сюда доставляются испанские, рейнские и бургундские вина, греческие фрукты, левантйские красители, английская шерсть. Большую роль в торговле Брюгге играли также связи с Восточной Европой, осуществляемые через Ганзу, и вновь возникшие связи с Италией — вверх по Рейну к альпийским перевалам. В этой торговле помимо Брюгге участвовали также и другие фландрские города, славившиеся своими ярмарками, — Гент, Ипр, Дуэ, Валансьен, Лилль. Несмотря на столь обширную морскую торговлю, города Фландрии не обладали своим флотом; основная масса товаров перевозилась на венецианских и генуэзских галерах, испанских и португальских нефах, ганзейских кечах, а позже — на английских, датских и голландских кораблях. Нидерландские города занимают

ведущее место в торговле этого района несколько позже, в XV в.; это Берген, Дортрехт, Роттердам и особенно Антверпен. Подъем торговли Антверпена начался с установления самостоятельных торговых отношений с английскими портами; затем к англичанам присоединились ганзейцы и купцы Юго-Западной Германии. Последний район занимал важное место как в торговых, так и в финансовых связях нидерландских купцов; самую важную роль в торговле этой области играла все-таки морская торговля, охватывающая все побережье Атлантики, бассейны Северного и Балтийского морей. Одновременно Антверпен становится крупнейшим банковским центром тогдашней Европы.

В XIV— начале XV в. наивысшего расцвета достигла ганзейская торговля. Ганзейский торговый союз объединял более 150 городов, разбросанных на огромной территории — от Нидерландов до Риги, входивших в него на разных правах. Ведущую роль в нем играли приморские города Северной Германии — Любек (признанный главой лиги), Росток, Гамбург; гораздо меньше прав имели Кельн, Лейпциг, Берлин, Франкфурт-на-Одере и др. Союз имел свои отделения (конторы) в Лондоне, Брюгге, Бергене, Новгороде. Ганзейская торговля не ограничивалась Балтикой и водами Северного моря; ганзейские купцы были нередкими гостями в Ла-Рошели, Бордо и Байоне, Лиссабоне, Кадисе и Севилье. Что же касается бассейнов Северного и Балтийского морей, то здесь Ганза в начале XV в. стала фактическим монополистом. Она вытеснила венецианцев из Лондона, вынудив их ограничиться торговлей с Саутгемптоном, несколько раньше она монополизировала Зунд, поставила под свой контроль торговлю с Восточной Балтикой, Норвегией и островами Северной Атлантики. Не меньшее значение имели сухопутные маршруты ганзейских купцов. Они шли в двух направлениях — с запада на восток и с севера на юг: в Краков (также входивший в лигу) и Будапешт, Вроцлав и Вену, в Прагу и Линц. Наиболее важным из них был путь через Майнц, Франкфурт (или Вюрцбург), Нюрнберг к Бреннеру и далее в Италию, где в Венеции ганзейцы имели постоянный торговый двор (фондако). Ассортимент товаров ганзейской торговли был необычайно широк: английская шерсть и фламандские ткани, рейнские, мозельские, французские и испанские вина, медь и серебро австрийских и саксон-

ских рудников, восточноевропейские лес, пушнина, воск, мед, пенька, хлеб, шведское железо, левантийские пряности, соль, рыба и множество других предметов регулярного торгового обмена между севером и югом, западом и востоком Европы.

В XV столетии ганзейская торговля постепенно приходит в упадок; ее вытесняет торговля Нидерландов, Дании, Англии, ставших крупными морскими державами. Толчком к развитию датского (как и голландского) флота послужили изменившиеся условия рыболовного промысла: в начале XV в. невыясненные причины (возможно, изменение температурного режима вод) вызвали миграцию сельди от побережья Ютландии во внутренние районы Северного моря; это повлияло на развитие кораблестроения в стране, дав толчок строительству крупных судов.

Еще большего размаха достигла английская торговля. Главным предметом английского экспорта была шерсть, вывозившаяся главным образом во Фландрию и Брабант, а также и в Италию; в меньших количествах экспортировался уголь и свинец. Среди ввозимых товаров первое место принадлежало вину — бордоскому, рейнскому, испанскому, средиземноморскому. Масштабы этой торговли были довольно велики: например, из Гаскони в начале XIV в. ежегодно ввозилось в Англию около 20 тыс. бочек вина. Однако до второй половины XIV в. торговля велась в основном генуэзскими, венецианскими и ганзейскими купцами; доля английских моряков в транспортировке этих грузов стала значительной только с XV в. Главными центрами торговли шерстью были Ярмут, Лондон, Бристоль и Саутгемптон; подавляющая часть винного импорта шла через Лондон.

Ареалы монетных систем

Как видно из сказанного, основу торговли как северного, так и южного районов продолжала составлять внешняя, транзитная торговля, поэтому и монеты, употреблявшиеся в этой торговле, носили интернациональный характер, применяясь при сделках купцов различных мест и стран.

После падения Римской империи монетная система Рима сохраняла свое существование; в ходу оставались римские золотые солиды и серебряные денарии. Изменение денежной системы на континенте относится к эпохе Каролингов и приписывается Карлу Великому. Тогда во

владениях Карла (а позже фактически во всех странах Западной Европы) была введена серебряная монета — денарий. 12 денариев составляли солид, 20 солидов — либру (фунт). Эти монеты распространились по всему континенту, получив в разных странах свои национальные наименования: во Франции — ливр, су, денье; в Италии — лира, сольди; в Англии — шиллинг (солид) и пенс (денарий); в Германии — пфеннинг (денарий). С XI—XII вв. во Франции, Германии, а позже и в Скандинавских странах широкое распространение получила серебряная марка, равная приблизительно $\frac{2}{3}$ фунта. С развитием городов прогрессирующее снижение стоимости денариев вызывает необходимость введения более полноценной монеты — «толстых» денариев: итальянский гроссо, английский грот, французский гро, немецкий грошен, пражский грош. Эти деньги становятся основой расчетов в крупной (внешней) торговле; в обычных же, мелких сделках продолжали доминировать прежние денарии (денье, пфеннинги, пенсы). В рамках каждой страны они были чрезвычайно разнообразными и имели различную стоимость. Так, в Северной и Средней Италии в середине XIII в. существовало пять основных денежных районов: венецианский, миланский, флорентийский, генуэзский и пьемонтско-савойский, в каждом из которых доминировала своя местная монета, одинаковая по названиям, но разная по ценности. Во Франции основное соперничество шло между парижским и турским денье, причем преобладание было за последним. Нередко местная монета выходила за пределы своей территории и функционировала в других странах; английские пенсы, например, имели хождение во Франции, пражские гроши — в Германии. Поэтому установление точного ареала средневековых денежных систем — задача большой сложности, решаемая по-разному в каждом конкретном случае.

До XIII в. страны Западной Европы не имели собственной золотой монеты: при крупных торговых операциях и других расчетах использовались слитки из драгоценных металлов или их лом. В средиземноморской торговле были в ходу арабские (манкузии, маработины) и византийские (перперы) золотые монеты. Лишь в XIII—XIV вв. начинается чеканка европейской золотой монеты: в Италии — флорины (Флоренция), дженовины (Генуя), дукаты (Венеция); во Франции — экю, фло-

рины и др.; в Германии — гульденy. Эти золотые деньги с самого начала становятся фактически интернациональным средством платежа, получив широкое распространение во многих странах.

В целом средневековое денежное обращение, несмотря на кажущееся однообразие, характеризуется исключительной пестротой и сложностью: поначалу почти каждый знатный сеньор, а также крупные города обладали правом чеканки собственной монеты, которая, несмотря на однообразие названий, отличалась от соседней как содержанием драгоценного металла, так и реальной ценностью. Кроме того, широко распространенный процесс «порчи» и падения реальной стоимости монеты делал монеты разных лет выпуска неодинаковыми даже для одной и той же области. Так, во Флоренции за столетие (с начала XIV до начала XV в.) стоимость разменных денег упала почти втрое (с 29 до 80 солидов за флорин). Пестрота денежного фонда к концу развитого средневековья несколько уменьшалась в связи с ростом ареала общегосударственной королевской монеты (Англия, Франция, Испания).

Транспорт и пути
сообщения

В средневековье использовался транспорт трех видов — сухопутный, речной и морской, причем

водными путями перевозилась львиная доля всех товаров. Что же касается сухопутного транспорта, то серьезным препятствием для его развития являлось отсутствие хороших дорог. Лучшими из них были старые римские, с твердым покрытием, сохранявшиеся на протяжении многих столетий (часть из них дошла до наших дней). Наиболее густая сеть их существовала в Италии и Галлии (здесь важнейшими центрами были Реймс и Лион); меньше их было в Испании и Британии. Эта дорожная сеть создавалась главным образом из военно-стратегических соображений; торговые мотивы учитывались гораздо меньше, что стало сказываться в развитом средневековье, когда возникла масса новых торговых центров и старая дорожная сеть окончательно пришла в противоречие с потребностями торговли. Поэтому даже в Италии, стране, наиболее богатой римскими дорогами, в XII—XIII вв. происходит «дорожная революция»: возникает много новых путей сообщения, маршруты которых больше отвечают потребностям торговых связей. В XIII—XIV вв. этот процесс свойствен и другим странам Запад-

ной Европы. Однако новые дороги были, как правило, грунтовыми немощеными, часто представляли собой просто наезженные проселки и даже тропы, практически непроходимые из-за грязи большую часть года. Путешествовать по ним приходилось верхом, товары же перевозились во вьюках. Вьючный транспорт доминировал почти до конца развитого средневековья, лишь изредка использовались для перевозки телеги, причем запряженные не лошадьми, а волами. Из-за этого транспортировка товаров растягивалась на долгий срок и нередко перевоз товара из Флоренции в Париж отнимал два-три месяца (налегке это расстояние преодолевали в две-три недели). Другим препятствием на пути сухопутной торговли были политические обстоятельства: необеспеченность на дорогах, произвол местных феодалов, многочисленные таможенные заставы (так, например, на Рейнском сухопутном пути в XIV в. было 64 заставы). Все это делало сухопутную торговлю крайне невыгодной и даже рискованной; не случайно образ средневекового купца ассоциируется с образом воина. Сухопутным путем предпочитали перевозить (там, где был выбор) мелкие, но ценные товары (ткани, пряности, дорогие поделки и т. п.). Основная же масса товаров шла по рекам.

Речной транспорт был более удобным, дешевым и безопасным. Причем в средневековье использовались не только крупные реки, но и маленькие речки и даже речушки, по нашим теперешим представлениям совершенно не судоходные. Транспортировка грузов велась в баржах и на других судах самого разного размера, вплоть до простых лодок; их тянули впряженные в бечеву лошади. Иногда суда достигали и больших размеров; такими были, например, рейнские и мозельские лихтеры для перевозки австрийской руды грузоподъемностью в несколько сот тонн. Речная сеть охватывала всю территорию Европы, но переход из бассейна одной крупной реки в другую представлял большие трудности. Для преодоления этого уже с XI в. стали строить каналы, сначала в Ломбардии и Южной Франции, затем в Нидерландах, Германии и других странах. Таким путем были соединены Милан с Павией, Любек с Эльбой (т. е. с Гамбургом) и многие другие центры, лежащие в бассейнах разных рек. В Милане, например, в 1257 г. был закончен строившийся более 80 лет Навильо Гранде,

судоходный канал длиной более 50 км, соединивший город с Тичино; в середине XV в.—канал к Адде, протяжением свыше 80 км. В XIV в. были проложены многочисленные каналы в Новаре и Ломеллине. Техника проведения каналов достигла значительного уровня; так, в XV в. уже практикуются камерные шлюзы. Однако чаще всего при переходе из одной речной системы в другую приходилось использовать сухопутный транспорт, что намного усложняло транспортировку грузов. Именно такой комбинированный путь (реки — суша) был наиболее распространенным в средние века, и чем дальше была дорога, тем больше перевалочных пунктов находилось на ней. Так, даже на коротком маршруте до Лондона железо Уэльса проходило несколько перекладных пунктов: сначала оно транспортировалось во вьюках, затем в телегах и, наконец, на лодках или баржах спускалось вниз по Темзе.

Морской транспорт был наиболее дешевым. По подсчетам некоторых современных исследователей, транспортировка тканей по морю обходилась всего в 2% от стоимости груза, по суше же — в 15—20%. Конечно, перевоз более громоздких и дешевых товаров обходился дороже (зерна, например, в 15%, квасцов в 33%), но все равно он был более выгоден, чем сухопутный вариант, при котором нередко накладные расходы в полтора раза превышали первоначальную стоимость товара.

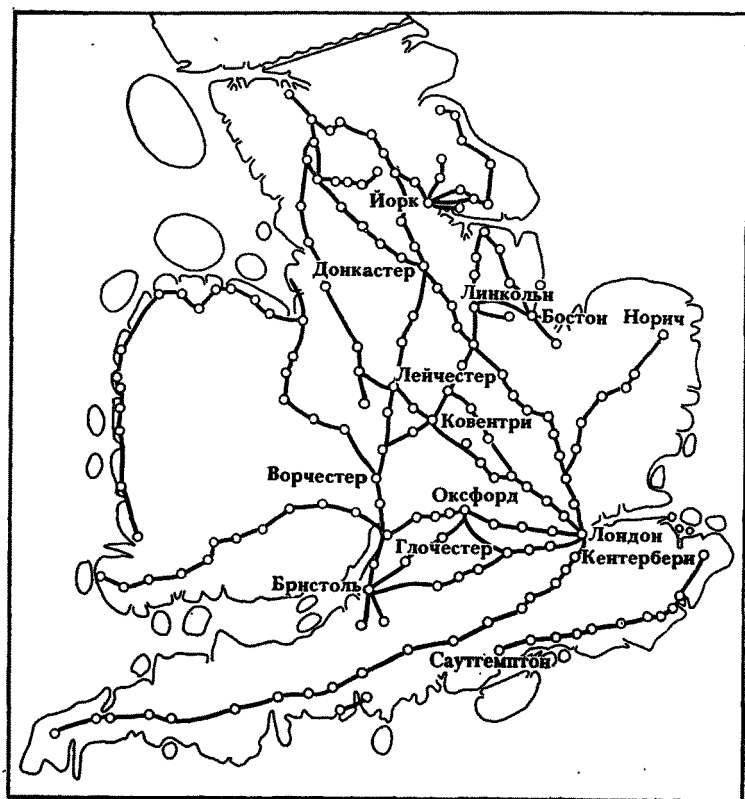
Типы морских судов были разнообразными. На юге преобладали галеры и нефы. Галера — узкое длинное судно (до 40—45 м), на первых порах только весельное, затем с вспомогательными парусами. Галеры были по преимуществу военными судами, но они использовались также и в торговом флоте, для перевозки дорогих, занимающих мало места товаров. Неф — «круглое» судно, с соотношением длины к ширине как 2:1, с несколькими парусами, гораздо более вместительное, но и менее быстроходное, чем галера. Кроме них существовали разнообразные смешанные формы судов: галионы, галеасы, галиоты и пр. В северных морях флот ведет свое начало от кораблей викингов, быстроходных парусно-весельных судов, более пригодных для военных целей, чем для мирной торговли. Позже ганзейцы создали новый тип корабля, более приспособленного для торговли, — кечи. Это были парусные суда типа нефов, однако более маневренные и быстроходные. Водоизмещение средневеко-

вых кораблей было незначительным, всего несколько десятков или сотен тонн; крупнейшие из них достигали в XIV в. 300—400 т, в XV в. — 500—600 т.

Условия навигации были ограниченными. Даже на Средиземном море она до XIV в. носила сезонный характер — весной и летом; в остальное время корабли стояли на приколе. Во многих портах до середины XV в. даже законодательно запрещалось отправляться в далекие рейсы в зимнее время — с конца октября до апреля. До широкого распространения компаса, появившегося только в XII в., суда вообще не решались выходить в открытое море; но и позже они предпочитали держать путь преимущественно вдоль берегов или от острова к острову, две трети времени проводя на стоянках. В результате корабль, как правило, выполнял не больше одного рейса в год. Регулярное сообщение устанавливается довольно поздно; так, постоянная связь между итальянскими, английскими и нидерландскими портами возникла только в начале XIV в. Более регулярный характер носили отношения Италии с Востоком. Венеция, например, в XIV в. ежегодно снаряжала три каравана — в Константинополь, Бейрут и Александрию, каждый из 2—4 галер. Но в целом масштабы и этой торговли были незначительными. Вся венецианская торговля с Левантом ограничивалась в лучшем случае одной-двумя тысячами тонн товаров в год. Левантийская торговля Марселя, составлявшая до 90% всей его внешней торговли, заключалась в конце XIV в. в ежегодной посылке на Ближний Восток двух галер. На Северном и Балтийском морях масштабы торговли были еще более скромными.

Наиболее оживленным транспортным «перекрестком» Средиземноморья был Мессинский пролив. Здесь пересекались торговые пути Генуи, Пизы, Амальфи, Марселя в Левантийские земли с венецианским маршрутом в Северную Европу. В Восточном Средиземноморье важная роль принадлежала острову Кипру, в XV в. монополизировавшему торговлю с сирийскими портами. На севере Европы наиболее «населенными» были воды Ла-Манша и фландрско-голландского побережья.

Основные транспортные артерии континента шли по рекам Рейну, Роне, Луаре и пр. Однако и сухопутные пути нередко играли первостепенную роль, особенно в тех странах, где реки текут преимущественно в одном, широтном направлении, — в Англии, Испании, Италии; здесь



Дорожная сеть в Англии на карте XIV в. (ок. 1360 г.)

связь между югом и севером страны осуществлялась в основном с помощью дорог. В Англии крупнейшим торгово-транспортным центром был Лондон, но как важнейший узел сухопутных путей, расходящихся во все уголки страны, известен Ковентри. На Пиренеях главными меридиональными путями были дороги из Севильи через Хаэн в Леон и из Гранады через Кордову в Барселону. Во Франции сосредоточием транспортных артерий являлся Париж; он различными путями, как сухопутными, так и речными, был связан практически со всеми областями страны. В Германии наиболее густая дорожная сеть пересекала север и юго-запад; здесь же находились истоки двух главных речных магистралей страны —

Рейна и Дуная. Через немецкие земли проходили также пути, связывающие Западную, Восточную и Юго-Восточную Европу. Это был путь из Вены по Дунаю и его притокам на Балканы; из Регенсбурга и Праги на Краков и далее в Русь; из Померании через литовские земли в Новгород.

Одним из важнейших транспортных узлов средневековой Европы являлись альпийские перевалы. Альпийские перевалы делятся на три группы: западные, центральные и восточные. Из них в раннее и развитое средневековье были наиболее употребительны западные — Мон-Сени, Аржентьер, Мон-Женев, Большой и Малый Сен-Бернар, Симплон. Самый южный из них, Аржентьер, вел из Лигурийской Риверы в Прованс и далее в Авиньон. Мон-Сени, Мон-Женев и Большой Сен-Бернар лежали на самом оживленном торговом пути — из Ломбардии и Пьемонта в Шампань, Фландрию и Рейнские земли; они соединяли Аосту, Сузы, Турин с Нижней Роной, Греноблем, Лионом, Юрой, Женевским озером. Самым известным из них был Большой Сен-Бернар; Мон-Сени активнее всего использовался в раннее средневековье. Малый Сен-Бернар и Симплон вошли в обиход в более позднее время (последний — только с середины XIII в.). Из центральноальпийских перевалов самыми важными были Сен-Готард и Септимер, лежащие на кратчайшем пути между Ломбардией и Швейцарией (Милан — Комо — Базель) и далее по Рейну — в Германию, Нидерланды, Фландрию, Шампань. Вначале здесь преобладал Септимер, но с XIII в. доминирующее положение переходит к Сен-Готарду. В XIV—XV вв. в связи с географическими (кратчайший путь к наиболее развитым торговым районам континентальной Европы, относительная близость к Тоскане, Венеции) и политическими обстоятельствами (установление контроля Империи над восточными перевалами) значение центральноальпийских перевалов резко возрастает, и они становятся ведущими в системе коммуникаций Италии с остальной Европой. Впрочем, многие из них (Шплюген, Люкманье, Бернардино) имели локальное значение. Столь же невелика была роль восточноальпийских проходов (система Бреннерских перевалов). Они соединяли Венето с Южной Германией и далее — с двумя водными артериями, Дунаем и Одером. Однако торговое значение этого пути традиционно было относительно невелико; гораздо боль-

шее значение сыграли эти перевалы в политических судьбах Апеннинского полуострова: именно через них происходила основная масса вторжений на земли Италии как в раннее, так и в развитое средневековье (походы германских императоров).

Важным транспортным узлом в северной части континента была Ютландия, находящаяся на границе бассейнов двух морей — Северного и Балтийского. Сухопутный путь, соединяющий эти бассейны, проходил несколько южнее, по землям Шлезвиг-Гольштейна; с начала XIV в. его заменил уже упоминавшийся выше канал Любек — Эльба. Однако основная масса товаров шла морем, вокруг Ютландии, через проливы Малый и Большой Бельт и Зундским проливом. Последний был (до второй четверти XV в.) наиболее посещаемым.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Географические
представления раннего
средневековья

География в античности достигла высокого уровня развития. Античные географы придерживались учения о шарообразности земли и имели довольно правильное представление о ее размерах. В их трудах было развито учение о климате и о пяти климатических поясах земного шара, остро дебатировался вопрос о преобладании суши или моря (спор океанической и сухопутной теорий). Вершиной античных достижений была космогоническая и географическая теория Птолемея (II в. н. э.), несмотря на свои недостатки и неточности, так и непревзойденная до XVI в.

Средневековье стерло с лица земли античные знания. Господство церкви во всех областях культуры означало и полный упадок географических представлений: география и космогония были целиком подчинены церковным нуждам. Даже Птолемей, оставленный в роли высшего авторитета в этой области, был выхолощен и приспособлен для потребностей религии. Верховным авторитетом в сфере космогонии и землеведения стала Библия — все географические представления основывались на ее данных и ставили своей целью их объяснение.

Широко распространились «теории» о земле, плавающей в океане на китах или черепахах, о точно очерченном «крае земли», о небесной тверди, поддерживаемой столбами, и т. п. Землеведение подчинялось библейским канонам: в центре земли располагался Иерусалим, на востоке, за землями Гога и Магога, находился рай, из которого была изгнаны Адам и Ева, все эти земли омывались океаном, возникшим в результате всемирного потопа.

Одной из наиболее популярных в то время была «географическая теория» александрийского купца, а затем монаха Козьмы Индикоплова (Индикоплейста, т. е. плававшего в Индию), жившего в первой половине VI в. Он «доказал», что земля имеет форму «скинии Моисеевой», т. е. шатра библейского пророка Моисея, — прямоугольника с соотношением длины к ширине как 2:1 и полукруглым сводом. Океан с четырьмя заливами-морями (Римским, т. е. Средиземным, Красным, Персидским и Каспийским) отделяет обитаемую сушу от восточной земли, где находится рай и откуда берут начало Нил, Ганг, Тигр и Евфрат. В северной части суши расположена высокая гора, вокруг которой вращаются небесные сферы, летом, когда солнце стоит высоко, оно недолго скрывается за вершиной, и поэтому летние ночи короткие по сравнению с зимой, когда оно уходит за подножье горы.

Подобного рода взгляды, естественно, поддерживались церковью как «истинные», соответствующие духу Священного писания. Не удивительно, что в результате этого в западноевропейском обществе распространялись совершенно фантастические сведения о различных областях и населяющих их народах — людях с песьими головами и вообще безголовых, имеющих четыре глаза, живущих запахом яблок и т. п. Извращенная легенда, а то и просто вымысел, не имеющий никакой почвы, стали основой географических представлений той эпохи. Одна из таких легенд, впрочем, сыграла значительную роль в политической и общественной жизни раннего и развитого средневековья; это легенда о христианском государстве священника Иоанна, якобы расположенном где-то на востоке. Сейчас уже трудно определить, что находится в основе этой легенды — то ли смутные представления о христианах Эфиопии, Закавказья, несторианах Китая, то ли простая выдумка, вызванная надеждой на помощь извне в борьбе с грозным противником. В поисках этого государства, естественного союзника европейских хри-

стианских стран в их борьбе с арабами и турками, принимались различные посольства и путешествия.

На фоне примитивных воззрений христианского Запада резко выделяются географические представления арабов. Арабские путешественники и мореплаватели уже в раннем средневековье собрали огромный багаж данных о многих, в том числе и далеких, странах. «Кругозор арабов,— по словам советского арабиста И. Ю. Крачковского,— обнимал в сущности всю Европу за исключением Крайнего Севера, южную половину Азии, Северную Африку... и берега Восточной Африки... Арабы дали полное описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных пространств и пустынь, с указанием сферы распространения культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых». Арабы также сыграли большую роль в сохранении античного географического наследства, уже в IX в. переводя на арабский язык географические сочинения Птолемея. Правда, накопив огромное богатство сведений об окружающем их мире, арабы не создали крупных обобщающих работ, которые бы теоретически осмыслили весь этот багаж; их общие концепции о строении земной поверхности не превосходили Птолемея. Впрочем, именно благодаря этому арабская географическая наука оказала большое влияние на науку христианского Запада.

Путешествия раннего средневековья носили случайный, эпизодический характер. Перед ними не стояли географические задачи: расширение географических представлений было лишь попутным следствием основных целей этих экспедиций. А ими были чаще всего религиозные мотивы (паломничества и миссионерство), торговые или дипломатические цели, иногда военные завоевания (часто грабеж). Естественно, что полученные таким путем географические сведения были фантастическими и неточными, недолго сохранявшимися в памяти людей.

Однако, прежде чем переходить к рассказу о географических открытиях раннего средневековья, необходимо разобраться в самом понятии географического открытия. Сущность этого понятия вызывает большие расхождения в среде историков географии. Некоторые из них предлагают считать географическим открытием первое исторически доказанное посещение представителями народов, знающих письмо, не известных им земель; другие — пер-

вое описание или нанесение на карту этих земель; третьи разделяют открытия населенных земель и ненаселенных объектов и т. д. Рассматриваются также различные «уровни» территориальных открытий. На первом из них, локальном, происходит открытие данной территории заселяющим ее народом. Эти сведения остаются, как правило, достоянием одного народа и нередко исчезают вместе с ним. Следующий уровень региональный: сведения о различных областях, регионах, нередко далеко расположенных от мест поселений народов-исследователей; они часто носят случайный характер и не оказывают большого влияния на географические представления последующих эпох. И, наконец, открытия мирового, глобального уровня, становящиеся достоянием всего человечества.

Открытия западноевропейских путешественников раннего средневековья относятся, как правило, к региональному уровню. Многие из них были забыты или даже не стали широко известны тогдашнему миру; мировая наука узнала о них лишь в XIX—XX столетиях; память о других сохранилась, пережив столетия, но преимущественно в виде легенд и фантастических рассказов, настолько отошедших от своей основы, что сейчас уже невозможно установить их истинную суть. Но это не умаляет значения иной раз безумных по своей смелости предприятий, вызывающих у нас одновременно чувство восхищения и недоверия. Эти чувства еще более усиливаются при мысли о том, что лишь небольшая часть путешествий нашла отражение в письменных памятниках.

Наиболее распространенными в раннее средневековье были путешествия с «благочестивыми» целями — паломничества и миссионерства. Что касается паломничества, то большая часть их ограничивалась Римом, в Иерусалим отваживались отправляться лишь одиночки. Гораздо больший размах имело миссионерство, особенно ирландское. Ирландские монахи-отшельники в VI—VIII вв. открыли дорогу к Гебридским, Шетландским, Фаррерским островам и даже в Исландию и частично заселили их (правда, эта колонизация, в частности Исландии, оказалась недолгой). Иногда миссионеры предпринимали исключительные по своей смелости путешествия: к числу их относятся предполагаемое путешествие несторианского миссионера сирийца Олопена (VII в.) в Китай и более достоверное путешествие английского епископа Сигельма (IX в.) в Южную Индию.

Наибольшее количество географических открытий раннего средневековья падает на долю норманов. Шведы, норвежцы и датчане далеко раздвинули границы средневековой ойкумены, побывав в Исландии и Гренландии, на берегах Белого и Каспийского морей, на севере Африки и северо-востоке Америки. Их открытия — яркий пример «региональных» открытий: ко второй половине XV в. не только норманские поселения в Гренландии и на Ньюфаундленде деградировали и вымерли, но и сами известия об открытиях этих земель исчезли из памяти средневекового общества, не оказав никакого воздействия на формирование географических представлений последующих эпох.

Неизмеримо больший резонанс в обществе имели посольства той эпохи. К важнейшим из них относятся: посольство эстов ко двору Теодориха Остготского (VI в.), два посольства Карла Великого к Гарун-аль-Рашиду (IX в.), арабские дипломатические миссии в Восточную Европу (Скандинавию, Волжскую Булгарию и пр.) и другие дипломатические предприятия иной раз недостаточно определенного назначения (например, в «государство священника Иоанна»). Собственно дипломатическая ценность всех этих посольств была невелика, однако они сыграли большую роль в возбуждении интереса западноевропейского общества к новым странам.

Из сказанного видно, что размах путешествий раннего средневековья был невелик: на протяжении полутысячелетия лишь несколько из них завершились серьезными открытиями. И дело здесь не только в том, что нам известна часть этих предприятий; оставшиеся неизвестными вряд ли были широко известны и современникам. Причина слабого размаха путешествий заключается в том, что торговля, главный стимул этого рода деятельности, носила случайный характер.

Географические представления и открытия эпохи развитого средневековья

С возникновением городов и распространением торговли поездки в дальние страны, особенно на Восток, стали обычным явлением, что послужило

толчком к развитию географического кругозора. Повышению уровня географических знаний способствовали также крестовые и другие военные походы, организуемые разными государствами. Развиваются связанные между собой миссионерство и дипломатия. Этому способствова-

ли технические достижения, облегчившие путешествия (распространение компаса и других элементарных навигационных приборов, развитие кораблестроения).

Показателем возросшего интереса к землеведению стало широкое распространение в западноевропейском обществе литературы, рассказывающей о различных путешествиях. Настольной во многих странах становится книга Марко Поло — одно из излюбленных развлекательных чтений определенных кругов общества. Огромной популярностью пользовался рассказ о мнимых (как сейчас выяснилось) путешествиях английского рыцаря Джона де Мандевилья (середина XIV в.), якобы объехавшего весь тогда известный мир; эта книга дошла до нас более чем в 300 списках. Из других пользовавшихся большой известностью сочинений назовем приключения баварского рыцаря Ганса Шильтбергера во время его более чем 30-летних скитаний по Востоку в качестве раба (начало XV в.) и «Книгу познания» одного монаха той эпохи, написанную в виде своего рода учебника и рассказывающую о географии христианского мира.

Расширилось и число путешествий. Они предпринимались в самых разных направлениях. Особенно притягивал взоры европейцев Восток своими богатствами, в том числе и товарами, жизненно необходимыми европейскому потребителю, — пряностями и красителями. Немалую роль сыграла и политическая обстановка, наличие огромной Монгольской империи, потенциального противника или союзника христианских государств.

Среди путешествий на Восток наибольшее значение и наибольшую известность имело путешествие венецианца Марко Поло. Ему предшествовало почти пятнадцатилетнее путешествие в Китай двух братьев Поло, Никколо и Маффео, отца и дяди Марко, завершившееся в 1269 г. В 1271 г. они снова отправились по знакомому маршруту, взяв с собой 17-летнего Марко. Их путь лежал через Палестину, Армению, Персию на Памир и далее в китайские земли. Более 15 лет (около 1275—1290 гг.) провел Марко Поло при дворе китайского императора, занимая там довольно высокие посты, и в 1295 г. морским путем до Басры и далее через Трапезунд и Босфор вернулся в Венецию. Позже, в 1298 г., находясь в генуэзской тюрьме, он продиктовал свою знаменитую книгу, сыгравшую столь значительную роль в истории средневековой географии.

Влияние этой книги было двойственным. С одной стороны, она впервые ввела в европейский оборот более или менее достоверные сведения о далеких азиатских землях, и не только об их географии, но и о практических достижениях, которые вскоре были переняты европейцами (посадка деревьев вдоль обочин дорог, бумажные деньги и т. д.); с другой стороны, пожалуй, ни одна книга не пользовалась столь сомнительной репутацией, как эта. Масштабы расстояний, городов, богатств казались явной выдумкой европейскому обывателю, и не случайно книга получила в обиходе ироническое название «Миллион»; сам же автор считался отъявленным лжецом, и на его родине карнавальная маска с изображением Марко Поло означала лгуна. Впрочем, это не мешало широкой популярности книги, а наоборот, способствовало ей. Значение сочинения Марко Поло в формировании географических представлений европейских народов чрезвычайно велико. Он ввел в европейскую науку представление о Каспии как замкнутом бассейне, открыл Японию — Сипанго, подробно описал Китай и другие восточные страны. Наиболее важным вкладом в науку был твердо установленный Марко Поло факт, что Азия омывается с востока океаном — идея, вдохновлявшая впоследствии и Колумба, и многие другие поколения мореплавателей.

К XIII в. относятся также наиболее известные дипломатические миссии европейских правителей к монголам. В 1245—1247 гг. совершил свое путешествие в Монголию францисканский монах Плано Карпини, посланец папы Иннокентия IV. После возвращения он написал «Историю Монголов». Другой францисканский монах, Гильом Рубрук, дипломат и одновременно миссионер, несколько позже (1252—1256) приблизительно повторил маршрут Карпини, но уже по поручению французского короля Людовика IX. Дипломатические планы обоих миссионеров потерпели крах, однако их книги сыграли значительную роль в формировании европейской географической науки. Особенно это относится к работе Рубрука «Путешествие в восточные страны», которая занимает одно из первых мест среди описаний средневековых путешествий на Восток, уступая, может быть, лишь книге Марко Поло. Около 1289—1328 гг. в Монголии побывал другой францисканский миссионер — Монтекорвино, прибывший туда морским путем вокруг южной оконечности Азии. Этим же маршрутом воспользовался Одорико из

Порденоне (1316—1330), написавший «Описание восточных земель мира», которое получило в XIV—XV вв. небывалую популярность. Вообще до второй половины XIV в. связи Европы со Средним и даже Дальним Востоком были довольно оживленными: туда нередко отправлялись дипломатические и религиозные миссии, отдельные купцы иногда проникали в глубь Азии, доходя до индийских берегов. Со второй половины XIV в. картина резко изменилась. Огромная Монгольская империя, занимавшая безграничные территории Центральной Азии, к этому времени распалась на отдельные враждующие между собой улусы, ухудшилась для европейцев ситуация на Ближнем Востоке и в Китае, наконец, началось турецкое завоевание, поставившее непреодолимый барьер между Европой и Азией. Таким образом традиционные пути связей между Востоком и Западом были разрушены, а сами связи прерваны. В следующем, XV столетии европейцы стали искать новый морской путь на Восток; пионером в этом деле выступила Португалия.

Португальские моряки, покровительствуемые одним из членов королевской семьи, принцем Генрихом, позже получившим имя Мореплавателя, с начала XV в. начали планомерное систематическое продвижение на юг, вдоль африканского берега. При жизни Генриха, в первой половине столетия, ими был исследован большой участок западного побережья Африки от Сеуты до Сенегала и Гамбии и островов Зеленого Мыса, т. е. до тех мест, где африканский берег начинает поворачивать на юго-восток. В 70-х годах XV в. португальцы пересекли экватор и вышли в Южное полушарие. Такое интенсивное исследование западного побережья Африки вызывалось стремлением к захвату богатств Черного континента — золота, слоновой кости и главным образом невольников, которые делали экспедиции чрезвычайно выгодными торговыми предприятиями. Одновременно происходило накопление географических знаний. Так, в частности, было разрушено старое представление о том, что тропический пояс Земли безлюден и что плавание в открытом море чревато гибелью (корабль, уходящий за горизонт, как бы проваливался в бездонную яму, из которой он уже не мог выкарабкаться); все большее распространение получали мысли о том, что Индийский океан не является замкнутым бассейном и где-то на юге соединяется с Атлантикой.

Дальнейшее исследование морского пути в Индию связано с именами Диогу Кана и Бартоломеу Диаша. Первый из них в двух своих путешествиях прошел вдоль Африканского побережья почти на 20 градусов (около 1500 миль), другой завершил движение португальцев вдоль западного побережья Африки и достиг южной ее оконечности. Дорога в Индию на первом, наиболее сложном из-за своей неизведанности отрезке была в основном проложена; несколько далее простирались знакомые по плаваниям арабов воды.

Довольно четкое представление имели европейские народы и о Северной Европе. Уже датский историк Саксон Грамматик (начало XIII в.) дал более или менее правильное описание Норвегии, Швеции и Финляндии. До известной степени регулярные отношения с Исландией и Гренландией (во всяком случае до XIV в.) поддерживались скандинавами, имевшими там свои колонии. К XV столетию сложились некоторые представления и о странах Восточной Европы, основанные на редких, правда, торговых и дипломатических, миссиях.

В целом к концу развитого средневековья западно-европейскими путешественниками была «открыта» практически вся Европа, хотя отдельные ее области были известны в разной степени; так, фактически «белым пятном» являлись северо-восточные земли Русского государства. Сравнительно хорошо были освоены некоторые области за пределами Европы, в частности Ближний Восток; начали складываться относительно правильные представления о контурах Африки и Южной Азии.

Одновременно с этим менялись и географические представления. В XV столетии в результате многократного переиздания Птолемея в ученых кругах утвердилась мысль о шарообразности земли и об обширности Мирового океана. Правда, именно благодаря заблуждению Птолемея (как, впрочем, и других античных авторов) размеры земного шара преуменьшались почти вдвое, и господствующей стала точка зрения, полагавшая, что Азия находится по ту сторону Атлантики. Но это заблуждение сыграло большую роль в распространении идеи «достичь Востока, направляясь на Запад»). Впрочем, в ее распространении еще большую роль играли торгово-экономические потребности западноевропейского общества, вступавшего в полосу так называемого процесса первоначального накопления капитала.

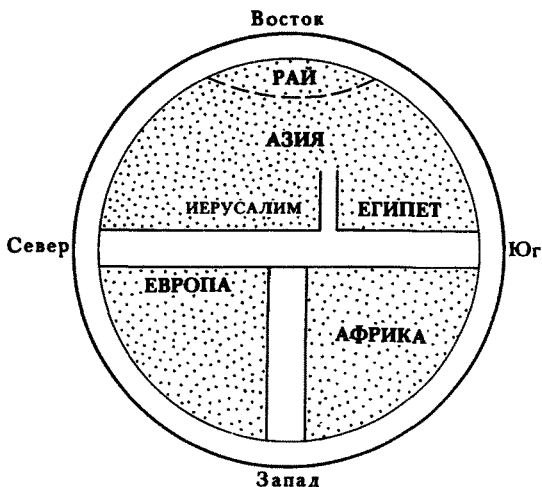


Схема мира на ранних средневековых картах

Картография раннего и развитого средневековья

Картографию этого времени трудно назвать наукой. Все дошедшие до нас карты представляют собой скорее схематические рисунки, сопровождаемые фантастическими надписями, имеющими самостоятельное и даже большее значение, чем собственно графический материал. Все эти «карты» строились по определенному шаблону. Подавляющую часть их площади занимала земля. Расстояния, масштабы, конфигурация земной поверхности никогда не выдерживались и нередко зависели от размеров текста, сопровождающего данное место карты. Восток (а следовательно, и рай) находился наверху листа, в центре располагалась Палестина, а в середине ее — Иерусалим. Верхнюю половину карты занимала Азия, нижняя поровну делилась Средиземным морем на Европу и Африку; Азия от них отделена Нилом и Танаисом (Доном). Общая форма карты — четырехугольник или овал, в X в. им на смену приходят круглые карты.

В качестве иллюстрации приведем одну из рядовых карт — Люнебургскую карту мира, составленную в Северной Германии в конце XIII в. Она соответствует библейским канонам и правилам картографии того времени.



Схема мира по Люнебургской карте

Характерны записи на карте (легенда), позволяющие судить об уровне знаний ее составителей: «А вот здесь Александр заключил два мерзких народа (Гог и Магог), которых антихрист будет иметь себе во товарищах», «А вот антропофаги, скорые люди, ибо имеют ноги подобные лошадиным, живут мясом и кровью людей», «В Ганге водится червь, который подобно раку имеет две клешни, ими схватывает он слона и ныряет с ним в воду» и т. п. Впрочем, фантастические представления об отдаленных землях не удивительны; удивление вызывают сведения и о близлежащих, хорошо известных в христианском мире областях. Так, совершенно странным образом на карте Англии нет Лондона, на его месте помещен Дувр. Соседями входивших в состав Германской империи славян указаны печенеги — народ, за несколько столетий до того сошедший с исторической сцены.



Карта Фра Мауро

Естественно, что подобные карты не могли служить руководством в путешествиях; в лучшем случае они выполняли роль иллюстраций к Библии. Однако постепенно путешествия, походы и торговые экспедиции накопили значительный материал, который нашел свое отражение в картографии; наиболее фантастические вымыслы мало-помалу исчезают, уточняются масштабы и конфигурация областей, хотя в целом карты продолжают создаваться по библейским канонам.

Наиболее известными картами развитого средневековья были следующие: карта середины XII в. араба Аль-Идриси, составленная по заказу норманского короля Сицилии Рожера II, Герфордская карта XIII в., карты Висконти и Каталанские карты XIV столетия, карта Фра Мауро 1459 г. В XV в. картография средневековья достигает наивысшего развития: в связи с переводом на латинский язык полного текста «Географии» Птолемея были воссозданы его карты — целый атлас. Однако даже

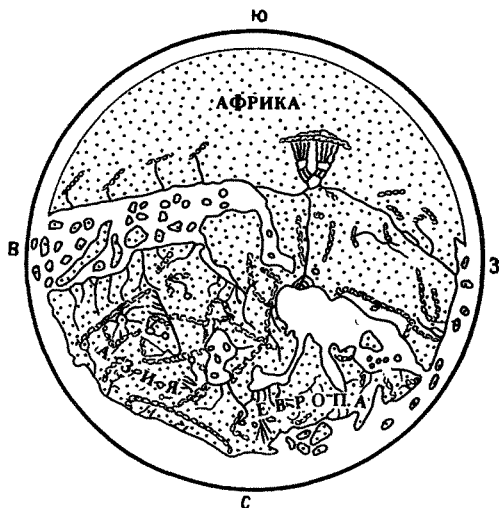


Схема мира по Идриси

эти лучшие образцы картографической мысли были далеки от практических потребностей времени.

Принципиально иными были распространившиеся с XII—XIII вв. морские карты, собственно и носившие это имя — *charta*, в отличие от сухопутных карт, называвшихся *mapa*. Наиболее известными из них были итальянские портуланы, т. е. карты морских побережий. Они были ориентированы по странам света (в центре карты находилась роза ветров, от которой шли тонкие линии — деление на румбы) и соблюдали масштабность расстояний. Таким образом, это был единственный вид карт в прямом смысле слова, обладавший к тому же относительной точностью. Портуланы охватывали территорию всего побережья Средиземноморья, а также и соседних областей — Черноморье, Атлантическое побережье Европы. Наиболее известны были венецианские портуланы, за ними шли генуэзские и испанские (Каталанская картографическая школа). Портуланы широко использовались в мореходной практике средневековья и сохранились в употреблении до XVII—XVIII вв. По их образцу нередко составлялись сухопутные итенерарии, т. е. описания пути, однако только словесные, без графического материала. Наиболее известным из них был трактат «Практика торговли» итальянского купца XIV в. Пеголотти.

Историческая география Западной Европы в позднее средневековье (XVI — первая половина XVII в.)

Политическая карта

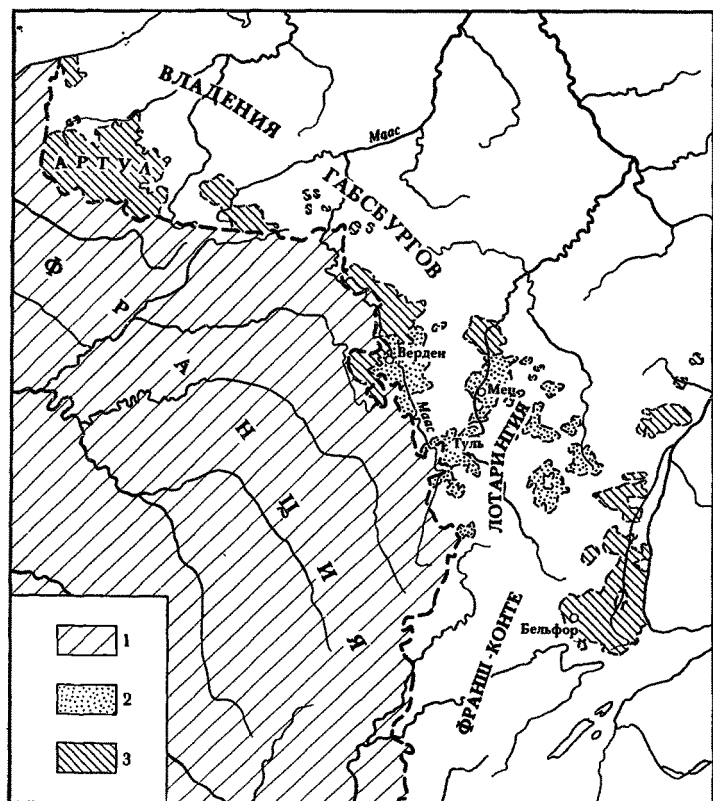
Политическая карта Европы в позднее средневековье подвергалась постоянным изменениям, однако они были не столь велики, как прежде. В XVI в. крупнейшей державой на континенте была империя Габсбургов. Под властью Карла V и Филиппа II находилась значительная часть европейских земель, простиравшихся от Балкан до Атлантики: Испания, Нидерланды, большая часть Италии, до отделения австрийских Габсбургов — германские, австрийские, венгерские владения; им принадлежали огромные территории в Новом Свете, Азии и Северной Африке. В 1581 г. Испания присоединила Португалию с ее колониальными владениями и превратилась в крупнейшую державу земного шара. Но уже в XVI в. начинается распад Испании. Революция в Нидерландах привела к отпадению значительной части земель от испанской короны, и в начале XVII в. Испания была вынуждена признать это *de facto*; за Габсбургами остались только Люксембург, Артуа, Хеннегау и часть Фландрии с Брабантом. В середине столетия Испания потеряла и Артуа с несколькими фландрскими городами, отошедшими к Франции, и лишилась владений, примыкавших к Пиренеям с севера. Еще раньше от испанской короны отпал Тунис. Вступление Испании в 30-летнюю войну на стороне австрийских Габсбургов поначалу обещало большие выгоды: испанские войска захватили Палатинат (Пфальц) и вели военные действия на территории Голландии; вскоре обстоятельства резко изменились, и часть территории са-

мой страны (Каталония, Арагон) оказалась надолго оккупированной французскими войсками. Наконец, в 1640 г. возвратила себе независимость Португалия. В середине XVII в. от бывшего могущества испанской державы не осталось и следа, и Испания превратилась в заурядное государство, хотя и самое обширное в южной части Европы.

В XVI—XVII вв. неуклонно растут владения Франции, поставившей своей целью «достижение естественных границ» (т. е. Пиренеев, Альп и Рейна). Эта безобидная формулировка не может скрыть агрессивной сути политики французского абсолютизма, стремившегося подчинить себе наиболее богатых и одновременно слабых соседей — в XVI в. Италию, в XVII в. — Рейнские земли. В XVII столетии завершилось объединение французских земель: все внутренние области королевства, раньше нередко связанные с ним только вассальными нитями и обладавшие значительной самостоятельностью, превратились в административные районы централизованного государства. Так, при Франциске I в состав королевства вошли Овернь, Ангулем, Валуа и Бретань, при Генрихе IV — Наварра, Беарн, Фуа, Перигор, Лимузен. После 1610 г. во Франции сохранилась только одна область, административно не подчиненная центральной власти, — город Авиньон с окружающими землями, составлявший собственность римских пап.

Франция стала крупнейшей державой континента: после Итальянских войн она временно оккупировала пьемонтские земли (Турин, Пинероло, Кьери) и приобрела важные крепости в Лотарингии — Туль, Верден и Мец (впрочем, на условии их вхождения в Империю), путем выкупа вернула себе Кале. В результате 30-летней войны территория Франции расширилась за счет Руссильона, Артуа и отдельных владений во Фландрии, Хеннегау, Лотарингии и Эльзасе. В середине XVII в. восточная граница государства представляла собой своеобразную картину: в Лотарингии она в основном проходила по верхнему и среднему течению Мааса, но восточнее и юго-восточнее ее находились многочисленные французские владения (Мец, Бельфор и др.), со всех сторон окруженные имперскими землями.

Земельные приобретения французского королевства в позднее средневековье были не столь велики, хотя Франция не раз выходила победительницей из столкно-



Северо-восточные границы Франции в XVI—XVII вв.:

1 — в середине XVI в.; 2 — приобретения французской короны до Тридцатилетней войны; 3 — рост французских земель в 1618—1659 гг.

вений с крупнейшими европейскими державами того времени, и в первую очередь габсбургской Империей. На протяжении XVII в. Франция приобретает ведущее положение в системе европейских государств, и этому в какой-то мере способствуют географические факторы: ключевые позиции страны на выходах ко всем стратегическим районам континента — Альпийско-итальянскому, Рейнско-германскому, Нидерландскому и Пиренейскому регионам, бассейнам Северного и Средиземного морей, Атлантическому океану.

Важную роль в европейской политике позднего средневековья стала играть также Англия. В состав англий-

ского королевства вошли практически все Британские острова: в XVI в. была завоевана Ирландия, в XVII в. — фактически присоединена Шотландия. Англичане потеряли свои владения на континенте (Кале, Булонь), однако в какой-то степени компенсировали это присоединением Нормандских островов. Островное положение делало Англию неуязвимой извне и в то же время позволяло ей в выгодный момент вмешиваться в европейские дела.

Крупнейшая континентальная держава — Империя — в эпоху позднего феодализма продолжала терять свой политический вес и после Реформации окончательно раскололась на враждующие лагеря. В целом в Империи в XVI в. насчитывалось до 300 различных государственных образований, и, хотя их внутренние границы были более или менее устойчивы, сами они постоянно переходили от одной династии к другой. Среди крупнейших магнатов католического лагеря — герцогов Баварских, курфюрстов-архиепископов Трира, Кельна, Майнца — выделялись Габсбурги. Несколько представителей этой династии владели собственно Австрией, Штирией, Каринтией, Крайной, Тиролем, Швабией, Эльзасом, Чехией и венгерскими землями. Значительная роль в политике принадлежала герцогам Баварским, после Вестфальского мира ставшим курфюрстами Империи. К протестантскому лагерю примыкали светские курфюрсты, из которых выделялся герцог Саксонский, а также многочисленные властители Гессена, Гольштейна, Померании, Пруссии, Бадена, Вюртемберга и других областей. Политические союзы германских князей, как уже указывалось, были неустойчивыми. Имперский престол по традиции принадлежал Габсбургам, чаще всего выступавшим примирительно по отношению к крайним силам. В результате Империя все больше превращалась в эфемерное объединение; ее политическое распыление было официально оформлено Вестфальским миром. Этот же мир изменил и ее границы. Часть немецких земель отошла к Швеции: Западная и часть Восточной Померании, Бременское архиепископство, территории вокруг Висмара, остров Рюген; Франция приобрела отдельные территории в Лотарингии и Эльзасе. В самой Германии увеличили владения Мекленбург, Брауншвейг, Кассель, Бавария (Верхний Пфальц) и особенно Бранденбург (Восточная Померания, Магдебург и другие земли), незадолго до этого объединившийся с Пруссией. Вестфальский мир-

ный договор также признал de facto отделение от Империи Нидерландов и Швейцарии.

Швейцарская Конфедерация складывалась с XIII в. в ожесточенной борьбе с Габсбургами. В начале XVI в. в нее входили уже 13 кантонов и ряд других земель, и она представляла собой фактически самостоятельное государство. Территория Швейцарии распространялась на итальянские склоны Альп и охватывала часть земель к северу от верхнего течения Рейна, в Швабии. Административно-территориальная структура государства не была однообразной; собственно территорию Союза составляли земли одних лишь кантонов, «союзные земли» (Сен-Галлен, Женева, Мюльхаузен и др.) находились в унии только с некоторыми из них; существовали также подвластные территории, управлявшиеся присылаемыми Конфедерацией или отдельными кантонами фохтами.

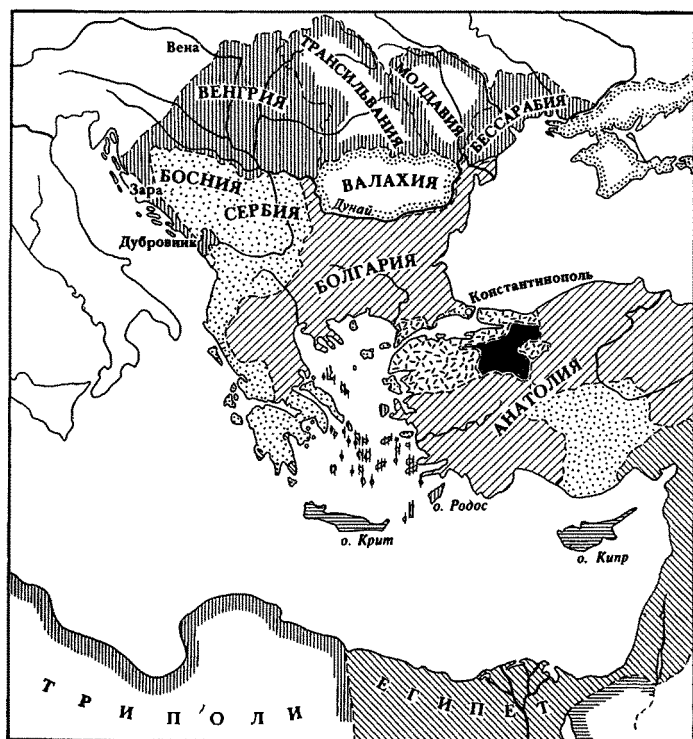
В Нидерландах в XVI в. также сложилась новая территориальная структура: прежние полунезависимые герцогства, графства, епископства превратились в провинции единого государства, управлявшегося испанскими наместниками. В ходе революции семь из них образовали Республику Соединенных провинций (Голландия, Зеландия, Утрехт, Хелдер, Фрисландия, Хронинген и Оверейссел с Дрентом). Десять южных провинций до конца XVII в. оставались под властью Испании (за исключением Артуа и нескольких фландрских городов, отошедших по Вестфальскому договору к Франции).

В Северной Европе крупнейшей державой в XVI в. была Дания. Датские короли на основе уний были одновременно королями Швеции и Норвегии, им принадлежали также острова на Балтике (Готланд, Даго, Эзель), Исландия, Гренландия, Фарерские острова. Одновременно они были герцогами Шлезвиг-Гольштейна и, следовательно, одними из крупнейших магнатов Империи. Однако владения Дании постепенно сокращаются; отделяется Швеция, и в руках датских королей остаются лишь несколько шведских провинций. После поражения в 30-летней войне Дания, хотя и сохраняет прежние территориальные границы, превращается во второстепенную державу. Ведущая роль в Северной Европе переходит к Швеции. Еще до 30-летней войны Швеция владела Финляндией, Эстляндией, Карелией, Ингерманландией. В ходе войны она захватила Курляндию, Лифляндию, часть Восточной Пруссии и Литвы, а также отвоевала у Дании

Готланд. По Вестфальскому миру Швеция получила важные области на севере Германии в устьях трех крупнейших рек — Эльбы, Везера и Одера. Таким образом в руках Швеции оказалось почти все побережье Балтики, а само Балтийское море превратилось в «шведское озеро». Территория шведского государства во второй половине XVII в. доходила до 900 тыс. кв. км, а население — до 3 млн. человек (из которых только треть проживала в Скандинавии).

Политическая карта Италии в позднее средневековье по сравнению с предыдущими столетиями заметно упростилась. В западной части Северной Италии находился ряд феодальных владений (маркизаты Монферрат, Салюццо и др.), из которых важнейшим было герцогство Савойя, после Итальянских войн значительно расширившее свою территорию за счет пьемонтских земель. Вся остальная Северная Италия была поделена между Венецианской республикой и Миланским герцогством, в ходе Итальянских войн ставшим достоянием испанской короны. Южнее располагались герцогства Феррара, Модена (находившиеся в руках Эсте), Мантуя (Гонзага) и образованное в середине XVI в. объединенное герцогство Пармы и Пьяченцы (Фарнезе); на западе лежали владения Генуэзской республики, включавшие также Корсику. Средняя Италия была поделена между Папским государством и Великим герцогством Тосканским (Медичи), в результате Итальянских войн захватившим Пизу и Сиену; к числу крупных владений здесь можно отнести Луккскую республику и герцогство Урбино. Вся Южная Италия, включая Сицилию и Сардинию, входила в Неаполитанское королевство, управлявшееся назначаемым из Испании вице-королем. Политическая карта страны во второй половине XVI — первой половине XVII в. остается неизменной; возрастает лишь территория Папского государства (присоединение Феррары, Урбино).

Новым и чрезвычайно опасным соседом западноевропейских стран в период позднего средневековья становится Османская империя. К середине XVI в. турки захватили весь Балканский полуостров (кроме далматинских владений Венеции и Дубровника), Сербию, Валахию, значительную часть Венгрии; им принадлежало почти все южное побережье Средиземного моря от Марокко до Египта; позже они завоевали Кипр и Крит. Ту-



Турецкие завоевания в XIV—XVII вв.

1 — в 1307 г.; 2 — в 1359 г.; 3 — в 1451 г.; 4 — к 1481 г.; 5 — к 1520 г.;
6 — к 1566 г.; 7 — к 1683 г.

рецкий флот постоянно угрожал генуэзским, венецианским и испанским владениям в Средиземном море, турецкие янычары осаждали Вену; над западноевропейскими странами, и в первую очередь Венецией и габсбургской Австрией, нависла непосредственная угроза. Однако после поражения при Лепанто турки приостановили продвижение на запад.

Важной особенностью позднего средневековья является превращение ведущих европейских государств в колониальные державы. На политической карте самой Ев-

ропы этот факт, естественно, не отразился, однако он решающим образом сказался на географии европейской торговли и промышленности, на развитии сельского хозяйства и демографических процессах.

Социальная география В структуре и размещении крестьянства XVI—XVII вв. произошли существенные изменения: резко стали заметны различия в положении крестьян к востоку и западу от Эльбы. Если на западе, за исключением Англии, основные категории сельского населения в целом оставались прежними, то в восточных землях подавляющую массу деревенских жителей стали составлять не свободные, а крепостные крестьяне, в некоторых районах (Мекленбург, Померания, частично Пруссия) полностью бесправные. Крепостная зависимость основной массы крестьян чаще всего выражалась в прикреплении к поместью, барщине и несвободном браке (восточная часть Шлезвиг-Гольштейна, Пруссия, Бранденбург, Силезия, Венгрия и другие земли Габсбургов). Среди них сохранилась небольшая прослойка земельных собственников — шульцы Померании и Силезии, прусские кульмцы, а также полностью безземельные батраки. Но подавляющее большинство этих крепостных были наследственными держателями — чиншевиками и пожизненными держателями на ласситском праве. Наиболее тяжелым и бесправным положение восточноэльбского крестьянства было в Мекленбурге, Шведской Померании, Польше.

Другой особенностью западноевропейского крестьянства позднего средневековья было значительное увеличение в его среде прослоек малоимущего, безземельного, разоряющегося крестьянства: арендаторов, не имеющих собственных наделов или имеющих жалкие клочки земли, поденщиков, батраков и просто бездомных бродяг, промышляющих случайными заработками. По сравнению с последними столетиями развитого средневековья их количество резко возросло. По мнению одного из современников, население Франции XVII в. составляли восемь миллионов человек податного сословия (крестьянство, горожане), миллион дворян, почти полмиллиона чиновников, несколько больше полумиллиона священников и монахов и свыше двух миллионов «плебеев», т. е. бродяг, нищих и пр.; иными словами, население страны на $\frac{1}{6}$ состояло из деклассированных низов, в массе — бывших крестьян. Конечно, эти цифры не могут претендовать

на абсолютную точность, но они достаточно показывают возросший удельный вес неимущих слоев деревни.

На обеднение и разорение крестьянства в каждой из стран Западной Европы влияли свои факторы. Во Франции это была «революция цен», налоговый гнет, гражданские распри, воздействие новых капиталистических процессов; в Испании — политика абсолютизма, Места и т. д.

В Англии, например, в XVI—XVII вв. быстрыми темпами шел процесс «раскрестьянивания» крестьянства — выделения в его среде зажиточных йоменов, переходящих в разряд капиталистических фермеров, джентри, рыцарей, сквайеров и пауперизации и обезземеливания основной его массы. Эти социальные сдвиги были вызваны совокупностью разных моментов процесса первоначального накопления: ростом мануфактурной промышленности в сельских районах, развитием арендных отношений предпринимательского типа, «революцией цен» и т. д. Основным рычагом экспроприации крестьянства были огораживания, особенно сильные в центральных графствах, а также на востоке и юге страны. На юге и востоке получила большое распространение скупка мелких держаний разоряющегося крестьянства йоменской верхушкой. Наконец, большую роль в экспроприации крестьян сыграла секуляризация, передавшая в руки «нового дворянства» земельный фонд трех тысяч английских монастырей. В результате этих процессов значительная часть крестьян оказалась лишенной земли и крова. Современники единодушны в том, что неимущие слои — сельскохозяйственные и мануфактурные рабочие, поденщики, нищие, бродяги — составляли наиболее многочисленную часть общества уже в XVI в. По данным конца XVII в., крестьянство в Англии не превышало $\frac{1}{7}$ всего населения. В середине XVIII в. английское крестьянство исчезает совсем.

Эти изменения в положении западноевропейского крестьянства вызвали подъем классовой борьбы. В Англии огораживания явились причиной широкого революционного движения, охватившего в 1549 г. полностью Норфолк, Сеффолк, Девоншир, Корнуэлл и отдельные местности более десятка других графств. В 1607 г. восстание против огораживаний распространилось на территории шести графств Средней Англии. Во Франции к концу Гугенотских войн разразились крестьянские вос-

стания в Нижней Нормандии и Бретани и настоящая война «кроканов» на западе страны (Пуату, Сентонж, Лимузен, Перигор, Марш). Во второй четверти XVII в. прокатились три волны больших крестьянских восстаний, не считая постоянных местных вспышек — в Южной Франции, на западе, в центре и юге и в Нормандии. Крестьянские движения характерны и для Нидерландов, хотя они там во время революции не всегда носили самостоятельный характер. Испанские крестьяне активно участвовали в войне «коммунерос», а в следующем столетии в восстаниях в Бискайе и Каталонии. Но наиболее крупным из выступлений крестьянства Западной Европы была, конечно, Крестьянская война в Германии, по своему масштабу, размаху и последствиям намного превзошедшая все предыдущие движения европейского крестьянства. Она дала толчок к революционным событиям почти во всех соседних странах (Нидерланды, Франция, Швейцария, Италия, Чехия), и ее эхо долго звучало в различных процессах и явлениях европейской истории.

Демография позднего средневековья

Демографические данные этой эпохи весьма относительны, однако их точность в сравне-

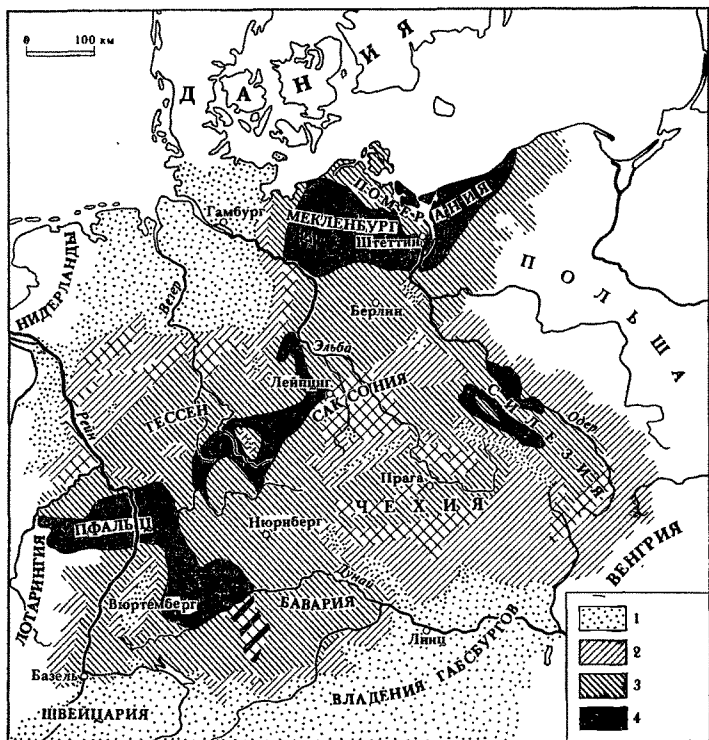
нии с предыдущим временем несколько повышается. Это связано с участвовавшей практикой метрической регистрации рождений, браков, смертей в отдельных местностях; в XVI в. был принят даже ряд указов, предписывавших клиру вести такую хронику (Англия — 1538 г., Франция — 1539 г.). И хотя все эти материалы пылились и гибли в приходских архивах, не будучи сведенными воедино, сохранившаяся их часть позволяет делать выводы по некоторым аспектам демографии того времени.

По-прежнему чрезвычайно высока была детская смертность. Так, материалы Лондона первой половины XVII в. показывают, что из 100 родившихся выживали до 16-летнего возраста лишь 40 человек. В имущих слоях картина была несколько более благоприятной; в Голландии, например, в знатных семьях из 100 детей доживали до 15 лет 70 (XVI в.) и 61 (XVII в.) ребенок. Рождаемость в целом была относительно высокой, и здесь по-прежнему значительную роль играли дети, рожденные вне брака; количество браков, как и прежде, было сравнительно невелико — в Цюрихе, например, в конце XV в. около 45% взрослых мужчин были неженаты. Причиной этого явления, как указывали сами современ-

ники, чаще всего были материальные трудности, связанные с содержанием семьи.

Продолжительность жизни оставалась небольшой: в тех же знатных нидерландских семьях из ста родившихся доживали до 50-летнего возраста в XVI в. 33, а в XVII в. — 25 человек. Средняя продолжительность жизни в Генуе во второй половине XVI в. составляла 23 года. Интересны суммарные данные по Лондону первой половины XVII в. Здесь из каждых 100 родившихся горожан выживало до 26 лет 25 человек, до 46 — 10 и до 76 лет — 1 человек. Свести эти (и другие) факты в какую-либо обобщающую систему трудно, однако несомненно, что в XVII в. в подавляющем большинстве стран средняя продолжительность жизни была ниже, чем в предыдущем столетии. И основную роль в этом сыграли голодовки, эпидемии и особенно войны.

Войны в позднее средневековье приобрели крайне бедственный для населения характер. Кондотьеры, ландскнехты и другие наемники, сделавшие военное ремесло источником своего существования, считали имущество завоеванного населения своей законной добычей. Грабежи, насилия, убийства мирных жителей стали нормой ведения военных действий. В связи с широким распространением огнестрельного оружия резко увеличились и масштабы военных потерь. Количество убитых и умерших от ран в отдельных сражениях доходило до десятка тысяч человек. Так, в Итальянских войнах битва при Равенне (1512) обошлась в 10 тыс. жертв, сражение при Мариньяно (1515) — в 10—12 тыс. человек, в битве при Павии (1525) потери обеих сторон превысили 12 тыс. человек. По подсчетам одного английского военного историка, только 49 крупнейших сражений и осадных операций XVI в. обошлись западноевропейским странам в 100 тыс. убитых солдат и офицеров. Не менее 100 тыс. жертв стоила германскому крестьянству Великая Крестьянская война 1524—1525 гг. В XVI—XVII вв. практически все европейские страны оказались полем военных действий: Италия в период Итальянских войн, Франция — Гугенотских войн, Нидерланды — во время революции. Особо большие потери принесла 30-летняя война. Разные авторы дают различные оценки ее последствий: некоторые, например, считают, что в Германии послевоенное население составляло 40—50% довоенного. В отдельных областях страны число жителей, уцелевших



Потери от эпидемий и военных действий в немецких землях во время Тридцатилетней войны (по сравнению с довоенным временем):

1 — 0—15%; 2 — 15—33%; 3 — 33—66%; 4 — св. 66%

в результате военных действий и не покинувших родные места, доходило до четверти от довоенного уровня.

По-прежнему настоящей трагедией для населения, особенно городского, были эпидемии. Чума в первой половине XVI в. несколько поутихла, приобретя характер эндемического заболевания, но уже во второй половине столетия по Европе снова стали регулярно прокатываться волны чумных эпидемий: 1563—1566 гг. — Англия, Швеция, Германия, Швейцария, Савойя, Франция, Испания; 1575—1577 гг. — Сицилия, Северная Италия, Тироль; 1580 г. — Швейцария и Франция и т. д. В XVII в. эпидемии приобрели, особенно в крупных городах (Лондон, Милан), характер настоящих демографических ка-

тастроф. Так, в Лондоне в 1603 г. от чумы умирал каждый пятый, а в 1625 г. — каждый шестой горожанин. Особенно большой ущерб нанесла эпидемия 1629—1631 гг., обошедшая Францию, Испанию, Италию и Швейцарию. Появились новые массовые заболевания — «потливая болезнь» (невыясненной этиологии), на протяжении XVI в. четырежды косившая население континента и Британских островов, сифилис, тиф, смертность от которого не уступала, а нередко и превышала смертность от чумы. Размах эпидемий усугублялся особенно участвовавшими в XVII в. голодовками. Помимо социальных причин (в Англии, например, процесс огораживаний, приведший к сокращению посевных площадей) на их распространенность оказали влияние и физико-географические факторы — наступившее в последнем десятилетии XVI в. похолодание. Положение населения облегчалось вследствие усиления торговых связей и распространения новых дешевых продуктов — картофеля и маиса (кукурузы), в XVII в. постепенно входивших в рацион массового потребителя. Однако прямая зависимость между ценами на зерно и уровнем смертности сохранялась во всех европейских странах.

Тесно связана с голодовками, войнами была массовая пауперизация европейского населения. Причины пауперизации разнообразны: «революция цен», усиление налогового гнета, прямой сгон крестьян с огораживаемых земель и т. д. В результате всех этих процессов сотни тысяч крестьян были лишены крова и средств существования, превратившись в частично занятых рабочих, нищих, бродяг и воров. В Англии, например, уже при Генрихе VII (1485—1509) были обвинены в воровстве и повешены 72 тыс. бродяг. Бродяжничество было массовым явлением также в Испании, Италии, Франции; в Нидерландах, в Брабанте, Италии и Австрии власти издавали против бродяг жестокие законы наподобие английских «кровавых законов».

Еще одним фактором, существенно влиявшим на демографическую картину Западной Европы в период позднего феодализма, были религиозные преследования. Десятки тысяч католиков и гугенотов погибли во время религиозных войн во Франции, тысячи кальвинистов — в Нидерландах и Англии, жертвой религиозного фанатизма пали многие протестанты и вообще заподозренные в «ереси» лица. Печально знаменитую роль сыграла в

этом инквизиция, деятельность которой в эпоху Контрреформации (особенно «охота за ведьмами») обошлась человечеству в огромное число жизней.

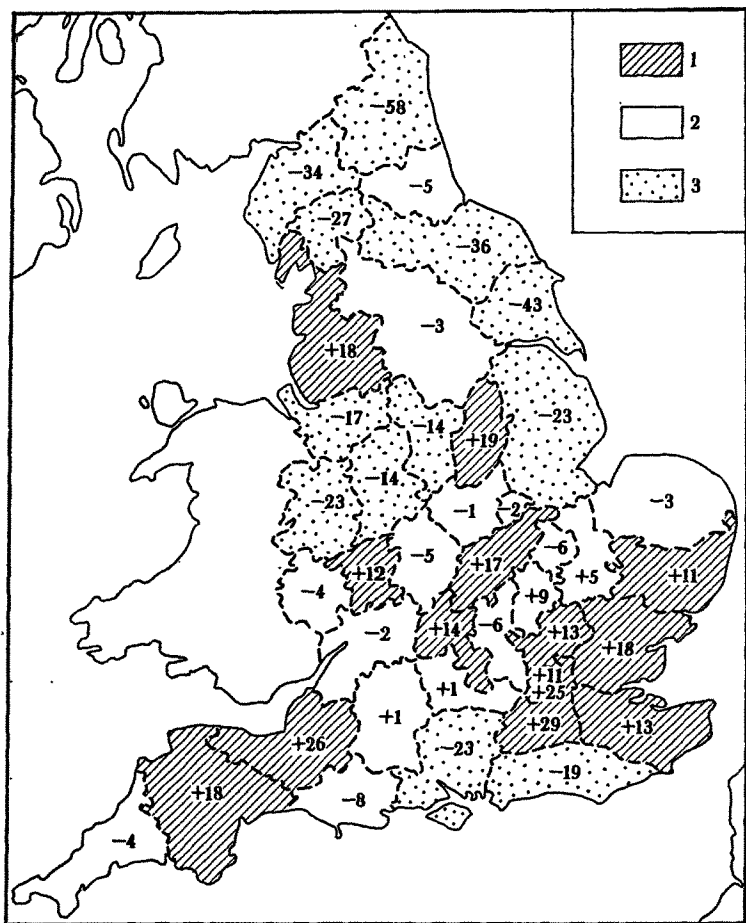
Вместе с тем в позднее средневековье некоторую роль играли факторы, положительно влиявшие на рост населения. Выше уже упоминались расширение торговли продовольствием и распространение дешевых продуктов питания; к этому надо прибавить развитие рыболовства (в том числе в открытом море — на Ньюфаундлендской банке и в высоких широтах Северного моря), скотоводства, огородничества и т. д. Стол европейского потребителя стал гораздо разнообразнее и питательнее, а это непосредственным образом отразилось на демографических процессах. На демографических процессах отразились и социально-политические моменты. Разложение цеховой системы и постепенное уничтожение сословных перегородок вызвали увеличение количества браков; к тому же вела отмена протестантизмом монастырей и celibата. Некоторые государства (в частности, Франция), исходя из фискальных и военных интересов, стали поощрять рождаемость — выделять пособия многодетным семьям, приданое неимущим невестам и т. п. Наконец, определенную роль сыграл и биологический фактор — повышение удельного веса женского населения. Правда, все эти обстоятельства не могли решающим образом повлиять на численность европейского населения, но они в какой-то степени компенсировали действие противоположных сил.

Изменение численности европейского населения в позднее средневековье было следующим. После резкого демографического спада XIV — первой половины XV в. начался медленный процесс прироста населения. Ранее всего он отмечался в Скандинавии, отдельных местностях Италии, Испании, Нидерландов; в истощенной 100-летней войной Франции и Англии он проявился позже. В XVI в. тенденция демографического роста становится характерной для всех европейских стран. В Нидерландах, Испании происходит значительный подъем числа жителей; например, население Арагона за XVI в. выросло почти в полтора раза. В основном европейское население в XVI в. повсеместно достигло уровня начала XIV в. и перевалило за него; во Франции и Англии, например, где первая половина XVI в. была более благоприятна с точки зрения политических условий, этот уро-

вень был достигнут соответственно к началу и в середине XVI в. В целом XVI век был временем стабильного роста европейского населения.

Иная картина наблюдалась в XVII в. Последствия разрушительных войн предыдущего времени, (Гугенотские, Итальянские войны, Реформация в Германии, Нидерландская революция), участвовавшие недороды, эпидемии, 30-летняя война и другие события резко сказались на численности населения; уровень его во многих странах к середине столетия ненамного превышает цифры начала века или даже несколько отстает от них; и лишь во второй половине XVII в. снова намечается тенденция к росту населения континента.

Территориально население распределялось следующим образом. В северной части континента наибольшей плотности оно достигало в Нидерландах, а точнее — в Голландии. Густо населены были также отдельные районы Франции (Иль-де-Франс, Нормандия, Северо-Восточная Франция), Англии (графства Центральной Англии к северу от Лондона, юг Восточной Англии). В наиболее населенных районах Нидерландов плотность доходила до 120—150 человек на кв. км; в английских графствах в середине XVII в. — до 50—60 человек на кв. км. Плотным было население Италии — Ломбардии, Тосканы, Кампании; в последней местах насчитывалось до 160 человек на кв. км (конец XVI в.). Вообще в Средиземноморье наиболее густое население было именно на Апеннинском полуострове: в Неаполитанском королевстве оно составляло в среднем около 50—60 человек на кв. км, а в Италии в целом — 44 человека. Густота населения в других средиземноморских странах была намного ниже: в Испании и Португалии — 17 человек на кв. км, в Южной Франции — несколько больше (средняя плотность по всей Франции — 34 человека на кв. км). Абсолютные цифры численности населения по разным странам, как и применительно к предыдущим эпохам, у разных исследователей варьируются в значительных пределах. Так, например, население Англии в начале XVII в. оценивается Роджерсом в 2,5 млн. человек, Кингом — в 4,9 млн. Для ориентировки приведем несколько данных одного из авторитетов в области средневековой демографии Ю. Белоха. По его расчетам, население Сицилии в 1501 г. насчитывало около 600 тыс. человек, в 1548 г. — 850 тыс., в 1570 г. — несколько более миллиона, в 1607 г. —



Плотность населения Англии ок. 1600 г. Средняя плотность — 87,6 чел/кв. милю (37,4 чел/кв. км):

1 — св. 10% от средней плотности; 2 — в пределах 10% выше и ниже; 3 — ниже 10%. Цифры означают величину отклонения в процентах от средней плотности (чел/кв. милю)

1,100 тыс.; позже, на протяжении всего XVII в., оно практически не менялось. В Неаполитанском королевстве по переписям испанской короны было зарегистрировано в 1505 г. 255 тыс. «очагов», в 1545 г. их стало 422 тыс., в 1595 г. — 540 тыс., в 1648 г. — 500 тыс. (традиционно считается, что «очаг», т. е. семья, в среднем состоит из

4,5 человек). По данным Гонсалеса, население Кастилии в 1530 г. насчитывало около 3100 тыс. человек, в 1541 г. — около 4 млн., в 1594 г. — приблизительно 6 млн. человек. Но только за первую половину XVII в. Испания потеряла около 25% населения. Здесь, на Пиренеях, по переписи 1530 г. больше всего жителей насчитывали области Севильи, Саламанки; по переписи 1594 г. — Севильи, Толедо, Саламанки, Заморры. Вместе с тем в стране существовали области с чрезвычайно редким населением; так, один из путешественников той эпохи отмечал, что во время своих поездок по Верхнему Арагону он целыми днями не встречал ни одного местного жителя. В Португалии также основная масса населения жила в северных районах; южные области (в частности, Альгарва) были населены относительно редко.

Особенностью географии населения эпохи позднего феодализма является резкое увеличение числа людей, живущих в городах. Причины этого разнообразны: пауперизация сельского населения, потребности развивающейся промышленности и т. д., в результате чего массы деревенского населения хлынули в город. Это явление наблюдалось почти повсеместно: Милан наводнили «бергамаски», жители района Бергамо, Геную — батраки Лигурии, Лондон — изгнанные со своих наделов английские крестьяне. Население городов бурно растет; если за столетие до этого средний европейский город насчитывал 15—20 тыс. жителей, то в XVI в. размеры его увеличиваются вдвое. В Испании, например, в 1530 г. такие центры, как Кордова, Вальядолид, Толедо, Барселона, Валенсия, имели по 30—40 тыс. жителей. К концу столетия даже такие, далеко не первостепенные, городские центры, как Палермо, Севилья, Мессина, Лиссабон, Рим, выросли до 100 тыс. человек. Венеция, после Черной смерти насчитывавшая около 60—70 тыс. жителей, имела в 1540 г. 130, а в 1568 г. — 170 тыс. человек. Свыше 100 тыс. населения к концу столетия было в Генуе, Милане, Антверпене, Амстердаме. Население Лондона в начале XVII в. приближалось к 200 тыс., Неаполя и Парижа (с пригородами) — 300. Темпы роста городского населения были невиданно большими. Амстердам, например, с 8 тыс. жителей в конце XV в. вырос к 1506 г. до 25 тыс.; во второй половине века — до 50 тыс.; а в 1630 г. насчитывал 130 тыс. человек. Население Лондона за вторую половину XVI в. увеличилось вдвое — со 100 до 200 тыс. При-

рост населения городов совершался главным образом за счет деклассированных элементов — люмпенпролетариата, бывших крестьян, что особенно было характерно для столиц: Неаполя, Парижа, Лондона. В столицах значительную часть населения составляли двор, армия, бюрократия и т. п. Так, в Берлине начала XVII в. гарнизон доходил до 20% от всего числа жителей.

В XVII в. рост городского населения притормаживается. В связи с эпидемиями этого столетия население многих городов катастрофически уменьшилось. Так, число жителей Венеции после чумы 1630 г. снизилось до 100 тыс. человек. Еще больший удар нанесла эта эпидемия Милану; по мнению современников, возможно, преувеличенному, она унесла жизни трех четвертей жителей. Невиданно тяжелые последствия имела также «Великая чума» 1665 г. для Лондона.

Наиболее густым городское население было в Голландии. Здесь в 1622 г. свыше 60% всех жителей проживали в городах; причем 75% из них жили в нескольких городах (Амстердам — 105 тыс. человек, Лейден — 45 тыс., Хаарлем — 40 тыс., Роттердам — 20 тыс. и т. д.). В дальнейшем процент городского населения увеличился: считается, что за последующие 30 лет численность населения крупных городов возросла в полтора раза.

Другой особенностью географии населения позднего средневековья были миграции. Они были вызваны разными причинами. Одно из них было резкое обнищание населения, особенно деревенского, заставлявшее многих крестьян искать счастья на стороне — как в городах, так и в других областях. Возникают стабильные пути переселений — савойских горцев на Нижнюю Рону, арагонцев в Каталонию, корсиканцев в Тосканскую Маремму — и встречный поток лигурийских батраков на равнины и плоскогорья Центральной Корсики. В связи с перемещением торговых и ремесленных центров идет миграция специалистов различных профессий — генуэзских моряков в Испанию, Португалию и Англию, итальянских шелкоткацких мастеров и венецианских стеклодувов в Нидерланды, Англию и Францию, миланских горных рабочих (из областей Комо и Бреши) в южно-германские земли и т. д. Новые районы промышленного производства и добычи ископаемых притягивают к себе массы специалистов со всех концов континента; так, на шахтах Саксонии, Богемии, Тироля работают мастера

из разных мест Центральной и Южной Европы, немецкие горные мастера руководят производством на английских, французских и других приисках.

Большое значение имела военная и военно-колонизационная миграция. Из Испании, например, ежегодно эмигрировало в Новый Свет 10—15 тыс. идалго и других искателей приключений и легкой добычи. К середине XVII в. Северная Америка насчитывала до 50 тыс. английских и столько же голландских колонистов. За три столетия, с конца XV до конца XVIII в., Швейцария дала только Франции около 700 тыс. наемников. Как правило, эти лица составляли самую активную часть населения своих стран, и потенциальные потери от их отсутствия были еще более велики.

Наибольшего размаха достигали миграции, вызванные религиозными преследованиями. В 1609 г. несколько сот тысяч морисков покинули Испанию. Во время 30-летней войны австрийские лютеране массами переселялись во Франконию и другие протестантские земли. В предыдущем столетии десятки тысяч беженцев из Испанских Нидерландов уходили пешком на север и переправлялись через Ла-Манш; за XVI в. население Голландии выросло вдвое — в значительной степени за счет выходцев с юга. Периодические изгнания евреев из земель испанской короны (Неаполитанского королевства, Миланского герцогства) привели к постоянному миграционному потоку их в северные области континента. Сама же Испания пополнялась беженцами — католиками из Ирландии, спасавшимися от преследований англичан. В Германии в XVI в., как и прежде, население западных областей переселялось на восточные земли. Масштаб переселения не уступал колонизационному движению XIII—XIV вв., однако теперь в нем значительную роль играли религиозные моменты: происходило массовое переселение меннонитов, гуттеритов и представителей других сект, подвергавшихся преследованию на старых местах и искавших «землю обетованную».

Церковная география В позднее средневековье Римская католическая церковь перестала быть единственной церковью на континенте: появляются лютеранство, кальвинизм, национальные церкви (англиканская, галликанская). В связи с этим церковная география Западной Европы претерпевает серьезные изменения.

Галликанская церковь возникла в результате соглашения между французским королем и папой (Болонский конкордат 1516 г.), по которому в руках королей оказалось право назначения высших сановников местной церкви — кардиналов, архиепископов, епископов, аббатов. И хотя догматически галликанизм почти не отличался от католицизма, политически и организационно он был самостоятельным направлением, независимым от римской церкви. Территория этой церкви совпадала с территорией государства, однако не вся она подчинялась королю (главе церкви): по Нантскому эдикту в двух местностях каждого баляжа и в неограниченном количестве замков было разрешено существование «реформированной», т. е. кальвинистской, церкви (разрешение не касалось Парижа и ряда других крупных городов).

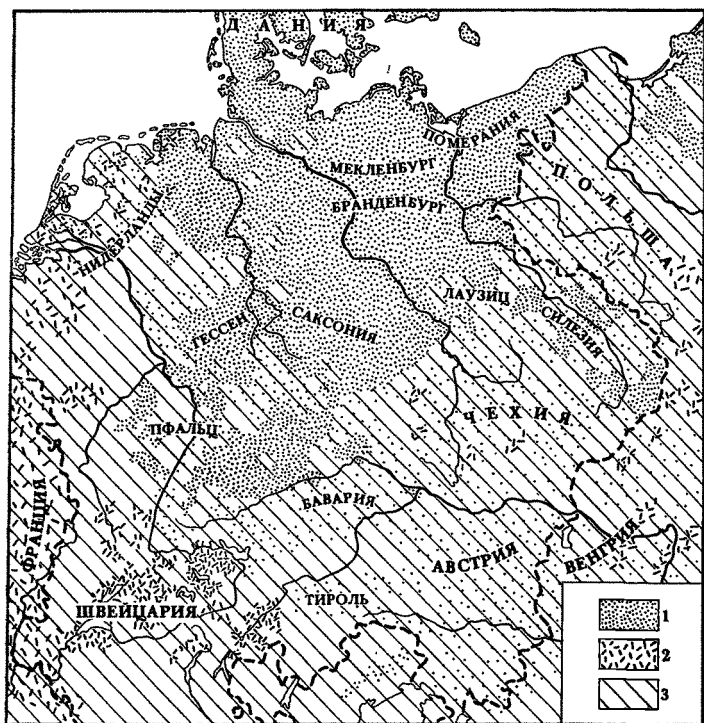
Процесс возникновения англиканской церкви был длительным: в 1532 г. был принят «Акт о супрематии», по которому король был объявлен главой национальной церкви; спустя несколько лет была проведена секуляризация монастырских земель, а в 70-х годах окончательно выработан англиканский символ веры. Англиканская церковь, хотя и стала господствующей, не была на островах единственной. Католицизм продолжал доминировать в Ирландии, да и в самой Англии он был временно реставрирован в середине века Марией Тюдор, но уже с 70-х годов XVI в. англиканизм одержал окончательную победу. Одновременно в стране возросло число кальвинистских общин (пуритане и индепенденты), особенно на востоке, где нашли прибежище многие беженцы из нидерландских и немецких земель. Кальвинизм (пресвитерианская церковь) был также очень распространен в Шотландии.

Помимо Франции (особенно южной) и Британских островов сфера распространения кальвинизма простиралась на западношвейцарские, нидерландские, немецкие, чешские, венгерские, польские и трансильванские земли. Наивысшего распространения кальвинизм достиг в середине XVI в.; во второй половине этого столетия во многих странах (Австрия, Чехия, Венгрия, Польша) началась феодально-католическая реакция, приведшая к его запрещению и постепенному искоренению. Однако в ряде стран кальвинизм укрепился и стал государственной религией (Шотландия, Голландия).

Наиболее распространенным территориально в позд-

нее средневековье было лютеранство; в период наивысшего подъема оно охватывало многие земли Центральной, Восточной и Северной Европы: Германию, Австрию, Чехию, Польшу, Венгрию, Скандинавские страны. Значительное количество лютеран проживало также в западноевропейских странах. Уже в середине XVI в. лютеранство стало государственной религией во многих областях Германии, в Дании, Швеции, причем в Дании и Швеции официально главой церкви стали короли. Однако в конце XVI и в XVII в. католическая реакция привела к восставлению католицизма в некоторых областях и сокращению ареала лютеранства.

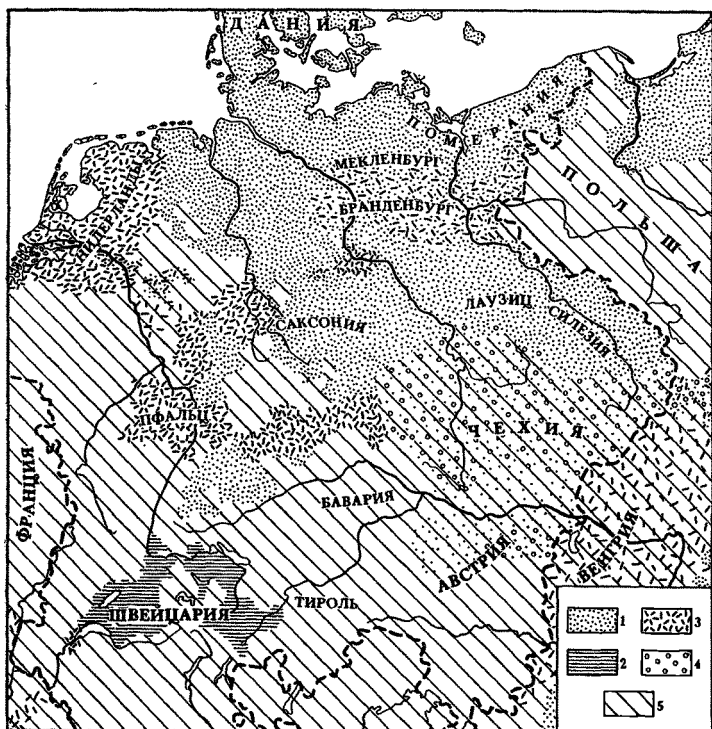
Помимо основных реформационных церквей в эпоху позднего средневековья получили широкое распространение и другие церковные направления, догматически и организационно представлявшие собой самостоятельные учения. В Швейцарии вокруг Берна, Базеля, Цюриха и в соседних немецких и австрийско-славянских землях в первой трети XVI в. было широко распространено цвинглианство; вскоре, однако, после поражения при Каппеле и смерти Цвингли в этой части Швейцарии было введено равноправие религий. В южных районах Швейцарии и на северо-западе Италии (Аоста) находились территории, сплошь заселенные вальденсами, учение которых в это время возрождается и находит многочисленных прозелитов. На востоке Нидерландов и в Северо-Западной Германии бурно распространяется анабаптизм; его последователи встречаются также во многих местах Восточной и Южной Германии и других областей континента. В чешских владениях Габсбургов широко распространилось учение «чешских или моравских братьев», наследников гусизма, борцов за национальные права и национальную культуру; в последней четверти XVI в. они совместно с лютеранами выработали единое «исповедание веры». Помимо этих враждебных католицизму направлений, в Европе существовало множество других, менее крупных сект и учений — антитринитарики, меннониты и пр. В сфере подчинения римской католической церкви в середине XVI в. безусловно находились только Испания, Италия и отдельные германские земли; Франция формально сохраняла католическую догматику, но фактически была независима от Рима; Нидерланды и другие европейские территории, «зараженные ересью», лишь номинально считались католическими. В дальней-



Реформационное движение в Центральной Европе ок. 1560 г.:
1 — области распространения лютеранства; 2 — кальвинизма; 3 — като-
личества

шем, однако, контрреформация вернула в лоно католицизма некоторые из стран (Южные Нидерланды, польские, австрийские и тирольские области и др.).

Пестрота и изменчивость религиозно-церковной географии позднего средневековья особенно ярко видна на примере Империи. После Аугсбургского мира, узаконившего «Аугсбургский символ веры» (религию определяет государь), католицизм сохранился приблизительно на трети территории страны. В основном он был распространен в Южной и Юго-Западной Германии и в областях по среднему и нижнему течению Рейна. Однако даже такие адепты Рима, как архиепископы Кельна, Трира, Майнца, не в состоянии были помешать распространению в своих землях кальвинизма и лютеранства. Домениальные владения Габсбургов, занимавших имперский



Реформационное движение в Центральной Европе ок. 1618 г.:

1 — области распространения лютеранства; 2 — цвинглианства; 3 — кальвинизма; 4 — движения чешских (моравских) братьев; 5 — католицизма

трон и исповедовавших католицизм, также в основном отпали от Рима, хотя сами императоры занимали пока компромиссную позицию по отношению к иным религиям. Оплотом католической агрессии в стране в это время являлась Бавария. Центром же лютеранского лагеря была Саксония. Помимо нее лютеранская церковь прочно утвердилась на севере Германии — в Дании, Шлезвиге, Померании, Мекленбурге, Бранденбурге, а также в Рейнском Пфальце, Гессене, Брауншвейге, Вюртемберге, Бадене, Баварском Пфальце; значительным влиянием лютеранство пользовалось в Польше, Силезии, Богемии, Моравии, Венгрии; практически лютеранство господствовало на большей половине территории Империи. Кальвинистские общины были распространены во многих горо-

дах прирейнских и верхнедунайских областей: Нюрнберг, Ульм, Регенсбург, Страсбург, Франкфурт и др., а также на граничащих с Нидерландами землях. Под влиянием кальвинизма находилась часть населения Венгрии, Чехии и Польши.

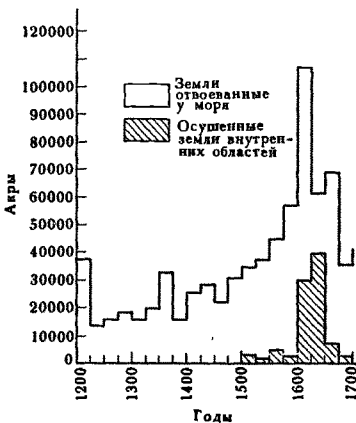
В результате католической реакции конца XVI—XVII в. картина распределения церковных территорий в Империи изменилась. К началу 30-летней войны провозгласили верность католицизму Польша, Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Тироль, вся Бавария, частично Вюртемберг и Баден, усилились позиции католической церкви в Венгрии; в ходе самой войны насильственно было восстановлено католичество в чешских землях. Усилилось влияние кальвинизма и он охватил отдельные территории Рейнского Пфальца, Гессена, Нассау, частично вытеснив оттуда лютеранство, которое, однако, территориально потеряло не так уж и много: к нему официально присоединились Пруссия и Силезия. В целом протестантские территории Германии в середине XVII в. занимали гораздо меньше половины страны.

География сельского хозяйства

Сельское хозяйство в позднее средневековье претерпело значительные изменения. Часть из них наметилась уже в предыдущее столетие, однако в полной мере эти сдвиги проявились именно в XVI—XVII вв. Во многих районах распространяются новые методы земледелия (многополье и плодосмен), искусственные луга, появляются новые культуры (картофель, маис, различные огородные культуры) и хозяйство в целом интенсифицируется. Еще более увеличивается специализация отдельных областей и районов, вокруг крупных городов создаются аграрные зоны, ориентирующиеся на снабжение горожан продуктами, т. е. сельское хозяйство в целом все более приобретает товарную окраску. Это особенно характерно для сицилийского зернового хозяйства, английского и испанского овцеводства, виноделия многих итальянских, испанских и французских областей. Другой отличительной чертой сельского хозяйства становится его большая разносторонность. Наряду с традиционными отраслями (земледелие, виноградарство, разведение овец, свиней) широкое развитие получают огородничество, садоводство, выращивание крупного рогатого скота, лошадей, ослов и мулов, птицеводство. Продукция каждого

отдельного хозяйства становится более разнообразной, и это сказывается на географии сельскохозяйственных культур, отраслей и сельского хозяйства в целом.

Наибольшего развития сельское хозяйство в позднее средневековье достигло в Северной Италии и Нидерландах. До XVI в. самыми передовыми сельскохозяйственными районами Италии были отдельные наиболее развитые территории юга, Тосканы, холмистой части венецианской «террафермы»; именно здесь начал формироваться «аграрный



Увеличение площади осушенных земель в Нидерландах (XIII—XVII вв.)

пейзаж современной Италии». В XVI в. на первое место в стране выходит Паданская низменность. Здесь широко развивается ирригация, вводится многополье и плодосмен, луговодство (орошаемые и посевные луга), культивируются рис, маис, шелковица, разнообразные садово-огородные культуры. Подъем производства происходит на фоне развития агрономической науки, вобравшей в себя лучшие достижения римского сельского хозяйства. Расцвет мелкой земледельческой культуры был столь высок, что, в отличие от большинства крупных итальянских городов (Венеция, Генуя, Флоренция), ввозивших большую половину продуктов со стороны, города Паданской равнины (Милан, Парма, Мантуя и др.) обходились в основном собственной продукцией и даже часть ее экспортировали — например, знаменитые пармские и миланские сыры, вина из Асти, Соаве, Кастеджо.

Уже во второй половине XVI в. намечаются черты упадка ломбардского хозяйства: сокращаются посевные площади и производство продукции, появляются старые формы хозяйствования. В XVII в. Северная Италия теряет свое исключительное положение в европейской агрикультуре, на первое место среди западноевропейских стран выходят Нидерланды.

Сельское хозяйство Нидерландов переживает подъем уже в XIV—XV вв.: начинается процесс отвоевания зе-

мель у моря, развивается молочное животноводство. Наивысших успехов нидерландская агрикультура достигла в конце XVI—XVII в. В первой половине XVII в. почти втрое увеличилась площадь отвоеванных у моря земель (польдеров), на них, не обремененных традициями, вводились новые системы обработки (многополье с циклом в 6—9 лет), возникали посевные луга, применялись новые орудия труда (легкий брабантский плуг) и удобрения (торф, известь, городские отходы). Большое значение приобрело мясо-молочное животноводство, ориентированное на рынок. В связи с этим резко увеличились посевы фуражных культур (клевер, люцерна, турнепс). Большой размах получило разведение технических культур — льна, хмеля, позже картофеля и табака; некоторые из них (вместе с привозным зерном) стали базой изготовления джина и пива, шедших на экспорт. Наибольшего развития достигло огородничество. Уже в XVI в. общеевропейской известностью пользовались капуста и морковь Лейдена и Делфт, в XVII в. — амстердамская и хаарлемская цветная капуста, бобы, огурцы, клубника. Приобрело славу цветоводство (особенно разведение тюльпанов и гиацинтов). Однако подъем сельского хозяйства Нидерландов захватил лишь небольшую часть территории страны; на севере такие области, как Хелдер, Оверейссел, Дрент, Хронинген, представляли собой отсталые районы; что же касается Южных Нидерландов, то сельское хозяйство их в ходе революции и в последующий период испанского господства пришло в запустение. Даже в развитых в аграрном отношении местностях уровень и масштабы производства были относительно невысокими. Недостаток земель приводил к тому, что продукция национальной агрикультуры обеспечивала потребности населения всего на 10—15%; почти десять месяцев в году Нидерланды кормились привозными продуктами, лишь отдельные отрасли хозяйства (огородничество, рыболовство, мясо-молочное скотоводство) производили избыточную продукцию.

Как уже говорилось, особенностью позднесредневекового сельского хозяйства являлась увеличивающаяся товарная специализация отдельных районов. Областью преимущественного развития зернового хозяйства, продукция которого шла главным образом на экспорт, была Сицилия. В XVI в. Сицилия стала настоящей житницей Средиземноморья; отсюда, главным образом через Мессину и Палермо, вывозилось огромное количество пшени-

цы в Испанию и другие страны Южной Европы. В конце столетия, однако, производство зерна на острове резко упало: традиционные примитивные методы обработки земли во внутренних гористых областях не могли дать серьезного прироста продукции, а изменение природных условий (уменьшение лесного покрова, климатические перемены) и — что сыграло самую печальную роль — налоговая политика испанского абсолютизма катастрофически сказались на сельском хозяйстве страны. В конце XVI в. Сицилия превратилась в импортера зерна. Районами товарного зернового хозяйства в Южной Европе были также Арагон, снабжавший Каталонию и отчасти Валенсию, Прованс в Южной Франции, в Италии — Апулия, Марке, Романья. Производство зерна в этих областях было неизмеримо меньше сицилийского и в конце столетия (а в Провансе даже во второй половине XVI в.) также резко упало; на рынках этих территорий начинает преобладать привозной хлеб. Районами более или менее значительного развития зернового хозяйства были Центральный Французский массив, Пикардия, Нормандия, Центральная и Восточная Англия; в иные годы хлеб этих областей составлял важную статью их экспорта. Самым развитым зерновым районом континента была Юго-Западная Германия; ее продукция регулярно шла в Италию и Нидерланды. Однако в целом Западная Европа снабжалась в эти последние столетия средневековья все-таки восточноевропейским хлебом. В связи с этим изменился и характер потребляемой продукции: вместо пшеницы во многих местах на первое место выходит рожь, на юге с XVII в. широко применяется кукуруза.

Значительного развития в позднесредневековой Европе достигло скотоводство, при этом на первое место выходит овцеводство, увеличивается роль крупного рогатого скота, лошадей и других вьючных животных (ослов, мулов). Улучшаются и породы скота. Так, испанские мериносы давали чуть ли не вдесятеро больше обычного шерсти очень высокого качества. Большое развитие овцеводство особенно перегонное получило в Южной Европе. Основные маршруты перегонов были те же, что и в предыдущий период, однако масштабы их резко возросли. Так, в середине XV в. через контрольно-таможенный пункт (догана) в Тавольере (Апулия) проходило ежегодно около 600 тыс. овец, а в начале XVII в. их число выросло до 5500 тыс. Особенно большого размаха достигло овце-

водство в Испании, где благодаря поощрительной политике государства по отношению к Месте овцы, по крылатому выражению Мора, тоже «поедали людей»; перегонные пути (по-кастильски каньяды) достигали здесь ширины нескольких сот метров; практически на несколько километров от них возникала пустынная зона, где все посевы уничтожались проходящими стадами, и хозяйству десятков тысяч испанских крестьян наносился непоправимый ущерб. Со второго десятилетия XVII в. испанское овцеводство, как и все хозяйство страны, вступило в полосу упадка, однако от этого его разрушительное воздействие на экономику деревни не уменьшилось. Подобная же практика перегонов, правда с меньшими отрицательными последствиями, была широко распространена во многих областях Средиземноморья. Там каньяды носили иное название: в Италии — траттури, Сицилии — траццери, Лангедоке — драйи, Провансе — каррере, в Восточных Пиренеях — камис рамадерс. К северу от Средиземноморья овцеводство было развито во многих областях — во Фландрии, Бретани, значительной части немецких земель, но более всего в Англии. Во второй половине XVII в. здесь насчитывалось около 12 млн. овец, получивших многочисленные новые пастбища на отнятых у крестьян огороженных землях. Правда, только овцы гористых районов Линкольна, Норфолка, Йоркшира, а также острова Уайта, Дорсетских высот, Чилтерна и Котсуолда давали высококачественную шерсть. Широкое распространение в Англии получило разведение крупного рогатого скота; по приблизительным подсчетам, количество коров в стране превышало 4 млн. Крупным скотом особенно изобиловали Девоншир, Уэллс, а также собственно английские земли — Лейстершир, Нортхемптоншир, Кент. Лучшие породы крупного скота разводились в Нидерландах, Швейцарии и Италии; молочные продукты этих стран более всего ценились на общеевропейском рынке. Развитию этой отрасли животноводства во многих странах континентальной Европы способствовало то обстоятельство, что в питании подавляющей части населения большой вес приобрела солонина, продукт, удобный в транспортировке. Благодаря этому мясное животноводство получило выход на внешний рынок, а это дало дальнейший толчок его специализации. На развитие овцеводства и разведение крупного рогатого скота влияли также потребности европейского общества в коже.

Основные районы виноградарства сложились уже в предыдущие столетия; в позднее средневековье шел процесс повышения качества их продукции. На специализацию районов виноградарства влияли условия сбыта продукции; так, например, крепленые и десертные вина при длительной транспортировке теряли свои вкусовые качества, поэтому на массовый экспорт шли главным образом натуральные легкие вина. В XVII в. сбыт продукции виноделия стал более затруднительным из-за широкого распространения других напитков (пива, спиртных изделий). Это вызвало некоторое снижение масштабов виноградарства, усугубившееся климатическими изменениями конца XVI — начала XVII в. Однако вино по-прежнему производилось во всех областях Южной и частично континентальной Европы, и во многих районах оно ориентировалось на продажу: в Италии такими районами были Кампанья, Тоскана, Ломбардия, в Испании — юг страны, Канарские и Балеарские острова, во Франции — Гасконь, Аквитания, Прованс, Шампань, Иль-де-Франс и Бургундия, в Германии — Рейнская и Мозельская области. Масштабы виноделия этих районов были весьма значительными; так, в Англию во второй половине XVII в. ежегодно ввозилось около 10 тыс. бочек испанского и 7 тыс. бочек португальского вина.

Из других отраслей хозяйства довольно развиты были оливководство, выращивание технических и садово-огородных культур. Оливы, раньше культивировавшиеся преимущественно на юге Италии, в Апулии, Сицилии, теперь становятся важной частью аграрного пейзажа Средней и Северной Италии, Прованса, Восточной и Южной Испании. Рис выращивается в Ломбардии, Венето, на юге Испании, сахарный тростник — на острове Сицилия; в Южной Италии и на юге Пиренейского полуострова появляются большие плантации тутовника. Из других технических культур практически во всех странах континента были распространены шафран, вайда, хмель, конопля. Намного расширился круг огородных культур. Из новых на юге континента наиболее прижились помидоры и подсолнечник, на севере — фасоль и тыква. В местах значительного развития животноводства (Фландрия, Голландия, Кент) широкое распространение получили фуражные культуры. И, наконец, повсеместно было развито садоводство, наибольшего размаха достигшее в средиземноморских странах. Фрукты Испании, Италии и

Южной Франции большими массами прибывали на рынки северных стран — Англии, Голландии, Германии; причем наибольшей популярностью там пользовались фиги и цитрусовые — лимоны и апельсины. Вокруг каждого крупного европейского центра или поблизости от него находились большие массивы садов. Так, например, Лондон снабжался яблоками, грушами, вишней и разными ягодами из садов Кента и Эссекса, Париж — виноградом и фруктами Иль-де-Франса.

Вообще приспособление сельскохозяйственной округи к потребностям города — явление, довольно распространенное в эпоху позднего феодализма. В окрестностях каждого крупного городского центра выращиваются разнообразные овощи, фрукты, разводится мясо-молочный скот, птица, предназначенные для продажи в городе. Иногда эти источники снабжения находятся на значительном расстоянии от рынка; так, в том же Лондоне пиво изготавливалось из ячменя, закупаемого в Восточной Англии, мука на хлеб шла из южных графств, сыр же нередко был лейчестерширского происхождения. Париж был рынком сбыта для молочных продуктов Нормандии, вин Ивонны и Луары, фландрского мяса и пикардийского хлеба. Следует заметить, что торговые связи были относительно неустойчивы и во многом зависели от политической и метеорологической конъюнктуры.

География промышленности

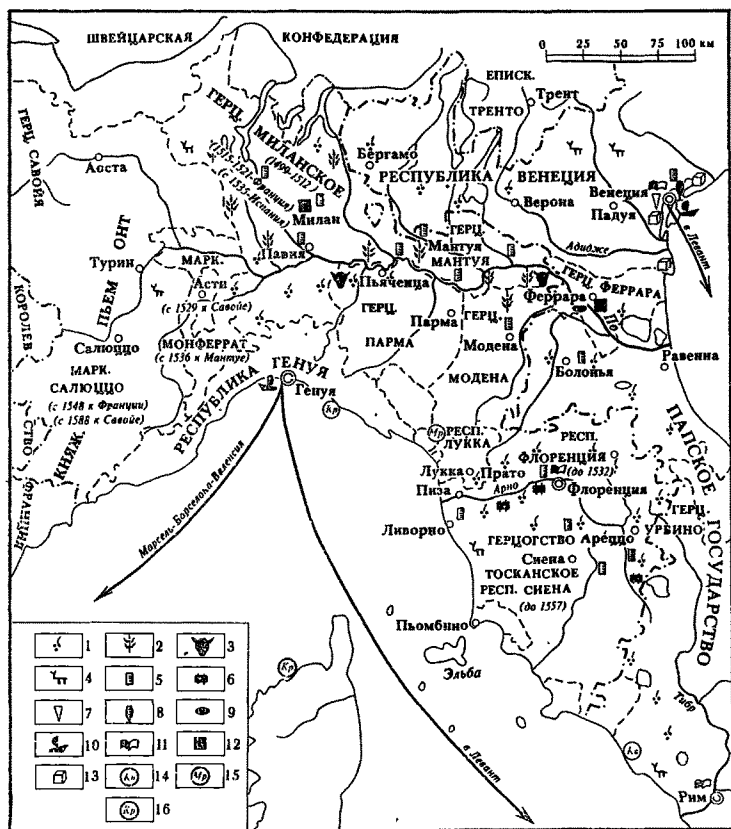
Экономика Западной Европы в эпоху разложения феодализма вступила в новый этап, подня-

лась на новый качественный уровень развития — этап мануфактурной промышленности. Вместе с тем во многих районах сохраняли прежнее значение и старые промыслы, организованные по цеховому принципу. Соответствующие сдвиги произошли и в размещении производства.

В Средиземноморье наиболее развитым экономическим районом продолжала оставаться Северная и Средняя Италия, четырехугольник Венеция — Милан — Генуя — Флоренция. В этих городах сохраняли свое значение прежние отрасли производства — металлообработка и изготовление оружия (теперь вплоть до тяжелой артиллерии) в Милане, шерстяное дело во Флоренции, судостроение и производство стекла в Венеции и ее окрестностях и т. д. Однако монополия этих городов на производство традиционных товаров стала исчезать, а их производство — сворачиваться. Миланское оружие даже на

итальянских рынках стало вытесняться немецким; кроме того, у Милана появился еще один серьезный соперник — Феррара, опиравшаяся на капиталы и рынки купцов Дубровника. В тяжелом положении оказался и венецианский Арсенал. Для строительства кораблей не хватало леса (в 1520 г. сенат издал постановление о монопольном праве Арсенала на лес, растущий во владениях республики, но его можно было пускать только на постройку государственных судов). Выпускаемые венецианцами галеры устарели, да и новый тип судов (карраки) не удовлетворял потребностям судоходства, вышедшего за границы Средиземноморья. Шерстяные ткани в той же Италии заменялись смешанными (шерсть с хлопком или льном), привозимыми из Южной Германии или производимыми в итальянских городах (фустаньи, пиньолати): шерстяное производство падает. Милан, в 80-х годах XVI в. насчитывавший около 70 суконных предприятий, к 20-м годам XVII в. имел их всего 15. Показательна судьба шерстяной промышленности Флоренции. Вершиной сукноделия города были 30-е годы XIV в., когда в нем существовало около 200 мастерских, производивших до 100 тыс. кусков сукна. В середине XVI в. производство сократилось до 15 тыс. кусков, однако в последующие десятилетия оно выросло примерно вдвое. После кратковременного подъема к концу XVI в. наступает кризис шерстяного дела. В 40—50-е годы XVII в. в городе насчитывалось 30—40 мастерских, выпускавших всего 5—7 тыс. кусков ткани. Венецианский посол доносил тогда сенату, что сукноделие Флоренции производит так мало продукции, что герцог вынужден содержать за свой счет его работников, предоставляя им разные занятия и ежедневные пособия. Сам цех Лана отмечал, что без поддержки со стороны Великого герцога Тосканского его работники умирали бы с голоду.

Сокращение производства традиционных изделий еще не означало полного экономического упадка этого района. Тот же Милан увеличивает выпуск фустаньи, переходит к изготовлению дорогостоящих поделок из металла, в Генуе развивается производство бумаги, в Венеции — книгопечатание, во Флоренции — художественное изготовление дорогих кожаных вещей. Начинается бурное развитие во всех городах новой отрасли — шелкоткачества.



Экономическое развитие Северной и Средней Италии в XVI в.:

1 — виноградарство и виноделие; 2 — зерновое хозяйство (пшеница); 3 — мясо-молочное животноводство; 4 — овцеводство; 5 — производство шелковых тканей; 6 — сукон; 7 — парчи; 8 — стекла и зеркала; 9 — майолики; 10 — судостроение; 11 — книгопечатание; 12 — металлообработка; 13 — добыча соли; 14 — квасцов; 15 — мрамора; 16 — кораллов

Шелк в позднее средневековье становится одним из самых ходовых и дорогих видов товаров. Наиболее тонкие шелка поступали в Европу с Востока — Китая, Индии, Сирии, но основная масса потребителей довольствовалась средиземноморскими тканями. В Сицилии шелковое дело было основано еще арабами, позже оно из Сицилии распространилось на полуостров (Лукка, Неаполь). В позднее средневековье его главными центрами становятся Неаполь (где, по словам современника, четыре пя-

тых населения жило изготовлением и продажей шелка), сицилийские города и города Южной Италии, затем Флоренция, Генуя, Лукка, Модена, Болонья, Павия, Венеция, Милан и многие другие североитальянские города. Во Флоренции, например, шелкоткачество в 70—80-х годах XVI в. (т. е. время относительного подъема сукноделия) занимало второе место в экономике города, ненамного уступая шерстяному производству; в 1588 г. флорентийских сукон было продано на сумму полтора миллиона скуди, шелка — один миллион.

Помимо этих отраслей производства, в отдельных областях полуострова были развиты местные промыслы, также рассчитанные на международный рынок: изготовление майолики в Ферраре и Савоне, добыча соли в окрестностях Трапани (Сицилия), квасцов в Тольфе (район Чивитавеккья, Средняя Италия), кораллов (побережье Лигурийского моря), добыча и обработка мрамора (Каррара в Тоскане). Однако экономический кризис, черты которого стали заметны уже в XVI в., все более усиливался, и в XVII в. промышленность итальянских государств пришла в полный упадок.

Испания в позднее средневековье была «страной великих, но не использованных возможностей». Богатейшая сырьевая база (полезные ископаемые, шерсть), наследие арабских ремесленных традиций, монопольное положение на новых торговых путях, огромные колонии — все это, казалось бы, должно было выдвинуть ее в ряды крупнейших промышленных держав мира. Однако своеобразие исторического развития страны привело к иному результату.

В XVI в. крупнейшим экономическим центром Испании был Толедо. Здесь производилось оружие, ткани, посуда, ювелирные изделия, известные всей стране. Сукноделие было распространено в Сеговии, Куэнке, Барселоне, Валенсии, Севилье и Гранаде. В городах Южной и Юго-Восточной Испании вырабатывались шелковые ткани (ремесло осталось в наследство от арабов), в Арагоне выделялись изделия из кожи, в первую очередь винные мехи, широко используемые в быту и при транспортировке жидкостей; там же было распространено ковровое дело. Большой славой пользовались керамические изделия — севильский фаянс, майолика из Талаверы, Валенсии, Теруэля. В Месете в небольших количествах добывались серебро и ртуть, в Кантабрийских го-

рах — железо. Кроме Толедо важным центром металлообработки была Саламанка; в бискайских портах строились корабли. Однако на протяжении XVI в. масштабы испанской промышленности резко сокращаются, и ее продукция вытесняется товарами, ввозимыми из-за рубежа, — французскими сукнами, неаполитанскими шелками, миланскими металлоизделиями, переработанными в Голландии драгоценными камнями, сахаром, табаком и другими колониальными товарами. И даже военный флот Испании более чем наполовину состоит из кораблей, построенных на верфях главного морского соперника пиренейских государств — Нидерландов.

Нидерланды в XVI в. представляли собой наиболее развитый экономический район континентальной Европы. Огромная роль принадлежала здесь производству шерстяных тканей, однако в позднее средневековье характер его меняется, во-первых, в связи с изменением сырьевой базы. Если раньше шерстяные цехи Фландрии, Брабанта и Голландии базировались на английской шерсти, то в XVI в. экспорт шерсти из Англии почти прекращается и нидерландская промышленность переходит на испанскую шерсть, что усложняет и удорожает производство. Во-вторых, на европейских рынках в больших масштабах появляется английское сукно, хотя и менее качественное, но значительно более дешевое. Эти и ряд других причин (например, алькабала) привели к упадку традиционную отрасль нидерландской промышленности; так, в Генте в 1543 г. сохранилось всего 25 действующих ткацких станков. Правда, падение и развал шерстяного дела во многом компенсировался подъемом новых отраслей ремесла — производством плюша в Брюсселе, полотна в Генте, Ипре, Куртре, кружевного дела во многих городах Фландрии и Брабанта. Важное значение имела добывающая и обрабатывающая промышленность Намюра и Льежа, насчитывающая десятки шахт и сотни доменных печей, выпускавших значительную продукцию. Возникают многочисленные мануфактуры, вырабатывающие товары, ранее здесь не производившиеся, — сахарные, мыловаренные, текстильные и пр. В целом до 60-х годов XVI в. Фландрия и Брабант продолжали оставаться в числе наиболее развитых в экономическом отношении областей Европы. Однако затем положение резко меняется. Экономическая политика испанской короны, военный разгром страны и конкуренция северных провинций нанесли

такой удар промышленности Южных Нидерландов, от которого они так и не смогли оправиться. Снова были возрождены цеховые нормы жизни, практически ликвидированы мануфактуры, и цветущие прежде торгово-промышленные районы Фландрии и Брабанта превратились в аграрное захолустье. О былом размахе промышленного развития этого района напоминала лишь промышленность обладавшего некоторой автономией Льежского епископства, где продолжали существовать шерстоткацкие мануфактуры, горные промыслы и металлургия. Ведущая роль в экономике всей Европы перешла к Голландии.

До XVII в. в Голландии были относительно развиты шерстяное производство, маслоделие, пиво- и мыловарение, рыболовство, судостроение и смежные с ним отрасли производства — канатное дело, изготовление парусов и т. д. В XVII в. голландская промышленность делает резкий скачок, и это несмотря на почти полное отсутствие в стране ремесленного и сельскохозяйственного сырья. На первое место выходят отрасли хозяйства, связанные с торговлей, — судостроение, рыболовство, пивоварение, переработка колониальных товаров. Крупнейшими центрами судостроения и связанных с ними побочных промыслов были Амстердам, Энхёйзен, Хоорн, Заандам. Здесь строились корабли самых разнообразных типов — от мелких речных до крупных торговых, предназначенных для далеких плаваний. Масштабы кораблестроения были таковы, что они удовлетворяли потребности самой Голландии, крупнейшей морской державы того времени, и многочисленные заказы других стран. Так, например, во второй половине XVII в. четверть английского флота была построена на голландских верфях. Что же касается флота самой Голландии, то за два столетия (XVI—XVII в.) он вырос в десять раз. Сырьевой базой голландского судостроения были восточноевропейские лес, пенька, французская парусина, шведское железо и другие изделия, доставлявшиеся из разных стран.

Не менее важной отраслью хозяйства было рыболовство. До сих пор у голландцев бытует поговорка, что Амстердам построен на костях селедок. Сельдь добывалась главным образом в Северном море, западных водах Балтики, позже — в Атлантике и арктических районах. Особого размаха рыболовный промысел достиг во второй четверти XVII в., когда голландские рыбаки стали при-

менять засолку сельди прямо на борту и поточную организацию промысла — одни суда занимаются ловом, другие отвозят улов в порт. В результате масштабы рыболовства выросли до невиданных в те времена размеров: в первой половине XVII в. голландский сельдяной флот насчитывал от 2 до 3 тыс. судов и общий доход от рыболовства превышал 20 млн. гульденов. Крупнейшими портами рыболовства и центрами по переработке сельди были Амстердам, Заандам, Брил, Энххёйзен, Дортрехт, Хаарлем, Хоорн и Хардвик. Соль для этого промысла доставлялась морем с Пиренеев, из Западной Франции, сушей — из Южной Германии; частично она шла даже из Исландии и Северной Америки.

Большого размаха достигла промышленность, перерабатывавшая привозное сырье. Это сахароварение, расфасовка и обработка табака, гранировка восточных драгоценных камней и особенно пивоварение, удовлетворявшее не только потребности местного населения, но и в значительной части внешний рынок (Англия, Германия); сырьем для него служило восточноевропейское зерно. Большой популярностью пользовался также голландский джин.

Расширилась построенная на мануфактурной основе шерстяная и суконная промышленность. Плюш, вельвет, саржа, льняные и хлопчатобумажные ткани голландского производства получили признание во всем мире. По самой дорогой цене шли амстердамские полотна. Текстильные мануфактуры Лейдена в начале XVII в. производили свыше 100 тыс. кусков ткани в год; выросло производство текстиля в Утрехте, Кампене, Гауде и других городах. В Хаарлеме получило широкое развитие белильное дело и льнополотняное производство. В Роттердаме возникли мануфактуры по производству плюша и полульняных тканей. Широкое развитие приобрели металлообработка и изготовление точных приборов (навигационные средства, подзорные трубы, часы) в Лейдене, Амстердаме, Хоорне и других городах. Всеевропейской известностью стал пользоваться делфтский фарфор. И, наконец, книгопечатание. Нидерланды были одним из крупнейших центров книжного дела в Европе XVI—XVII вв. Еще в XVI в. антверпенская типография Плейтена насчитывала несколько десятков печатных станков; позже масштабы печатного дела увеличились. В XVII в. книгопечатные мастерские Амстердама, Лейдена, Утрехта, Девентера и

многих других голландских городов производили значительную долю книжной продукции континента (особенно географических атласов и карт).

Значительного развития в XVI—XVII вв. достигла английская промышленность. На протяжении всего этого времени основу английской промышленности и соответственно экспорта составляли шерстяные ткани: уже в середине XVI в. на их долю приходилось около 80% всего национального экспорта, на долю необработанной шерсти — всего 9%, а спустя полстолетия торговля ею за рубежом вообще была запрещена законодательно (тогда же была сделана попытка запретить и вывоз неокрашенного и неотделанного сукна). Центрами шерстяного производства были: на востоке — Норфолк и Нориш, на западе — Глостершир, Девоншир, Сомерсетшир, на севере — Уэстморленд; особого расцвета достигли новые городские центры — Манчестер, Эксетер. Грубые сукна, фланель, саржа были распространены на севере и западе страны, наиболее тонкие, рафинированные — в восточных областях.

Возросла добыча каменного угля в Нортумберленде и Глостершире: в начале XVII в. из Ньюкасла было вывезено свыше 200 тыс. т угля, в середине века — свыше 350 тыс. Всего за столетие (с середины XVI до середины XVII в.) добыча угля в Англии увеличилась в восемь раз. Уголь вывозился морем в Нидерланды, Францию, Германию, откуда и его название — *see coal* (морской уголь). В середине XVII в. Англия производила $\frac{4}{5}$ всего добывавшегося в Европе угля; в этой отрасли горного дела было занято до 30 тыс. шахтеров. Несколько меньшим был масштаб добычи железа, однако она компенсировалась начавшимся импортом железа из Швеции. На этой сырьевой базе развернулась обрабатывающая промышленность новых центров, Шеффилда и Бирмингама, не обремененных цеховыми ограничениями. Судостроение было развито в Лондоне, Плимуте, Гулле, Бристоле. В портах восточного побережья (Лондон, Гуль, Илсвич и др.) имел стоянки сельдяной флот Северного моря; позже получили значение рыболовные центры, ориентированные на Северную Атлантику (Бристоль, Плимут и др.).

Промышленность двух крупнейших стран Западной Европы — Франции и Германии — развивалась разными путями. Во Франции постепенно росло производство, осо-

бенно заметно в XVII в. Здесь развивается шелковое дело — Лион, Тур, юго-западный угол Прованса (Авиньон, Ним, Бокер, Арль), продолжают работать суконные предприятия (Северо-Восточная Франция, Страсбург), возникают хлопчатобумажные и льняные мануфактуры (Дофине, Прованс, Сентонж, Пуату, Мен, Иль-де-Франс). Высокого развития достигает производство товаров бытового обихода — парфюмерии, мыла, шляп и пр., имевшееся почти во всех городах страны. Добывающая промышленность была невелика по масштабам — в небольших количествах из Арденн лишь шло железо; гораздо больше был размах соледобычи (Прованс, западное побережье Франции). На смену прежним центрам металлообработки, Парижу и Страсбургу, постепенно приходят новые районы — Невер, Сен-Этьен, Гренобль. На Роне, в Дижоне и Париже процветали бумажные фабрики, а Лион и Париж были крупнейшими центрами книгопечатания (особенно велико было значение Лиона, который вместе с Венецией и голландскими городами занимал ведущее место в этом производстве). В XVII в. развивается рыболовство, особенно в Бретани и в портах по Ла-Маншу, причем рыбаки разных мест специализируются на ловле разных видов рыбы: суда из Булони, Фекана, Роскофа промышляют добычей макрели у входа в воды Ла-Манша; порты западного побережья Бретани (Дуарнен и др.) специализируются на сардинах; Онфлёр, Сен-Мало, Гранвиль, Бургнеф и другие порты отправляли свои корабли за сельдью в Атлантику, к берегам Канады и на Ньюфаундлендскую банку. В целом экономика Франции в XVII в., в эпоху Сюлли и Ришелье, находилась на подъеме. Важную роль в ее развитии сыграла протекционистская политика абсолютизма, поощрявшая рост предприятий, работающих на армию и флот (производство полотна и сукон, оружия) и на удовлетворение потребностей дворянского сословия (парфюмерия, шелка, дорогие сукна); большое значение имела также внешняя политика государства, открывшая огромные новые рынки (Новый Свет, турецкие сферы влияния) французским товарам.

Противоположную роль сыграло государство в Германии. Своекорыстная политика имперских князей в сочетании с политическими обстоятельствами эпохи Реформации, 30-летней войны привели национальное производство к упадку. В XVII в. карта промышленности Германии

почти не отличается от такой же карты конца XV в.; те же самые отрасли производства были развиты в практически тех же местах. Горное дело (добыча серебра, железа, меди) по-прежнему концентрировалось в Саксонии, Силезии, Тироле и чешских землях; каменная соль выработывалась в Юго-Западной Германии; центрами металлообработки оставались Золинген, Нюрнберг; шерстяные ткани изготавливались по Рейну от Арнема до Кельна, в районах Цвиккау, Ульма, Аугсбурга; здесь же, в южных областях, а также в Вестфалии было развито текстильное и льняное производство; крупнейшими ярмарочными центрами оставались Кельн и Франкфурт-на-Майне (теперь к ним присоединяются Брауншвейг, Лейпциг, Франкфурт-на-Одере). Однако качественное содержание этой картины иное: так как производство основано на старых цеховых принципах, возможности его прогрессивного развития весьма ограничены. В результате Германия, еще в конце XV — начале XVI в. бывшая в авангарде экономического развития Европы, постепенно превращается в настоящее захолустье континента.

Итак, экономическая карта Европы в XVI—XVII вв. значительно изменилась по сравнению с предыдущим временем: намного увеличилось количество промышленных центров, причем в качестве таковых теперь стали выступать не отдельные населенные пункты, а целые районы — города со своей округой. Переместился и центр тяжести промышленного развития континента: на первое место выходят северные и западные регионы, юг и восток катастрофически отстают в своем развитии. И, наконец, это развитие идет на новой основе, позволяющей резко увеличивать его темпы и масштабы, — на основе мануфактурного производства.

В позднее средневековье география европейской торговли претерпела значительные изменения: резко расширились ее пределы и масштабы, изменился удельный вес различных ее ареалов, произошли перемены в направлении и характере грузопотоков. На протяжении последних столетий феодальной эпохи менялось также соотношение водной и сухопутной торговли за счет неуклонного роста последней, но несмотря на это морская торговля продолжала играть ведущую роль.

Торговля
позднего феодализма

В позднее средневековье география европейской торговли претерпела значительные изменения:

резко расширились ее пределы и масштабы, изменился удельный вес различных ее ареалов, произошли перемены в направлении и характере грузопотоков. На протяжении последних столетий феодальной эпохи менялось также соотношение водной и сухопутной торговли за счет неуклонного роста последней, но несмотря на это морская торговля продолжала играть ведущую роль.

В Средиземноморье в XVI—XVII вв. морская торговля продолжала доминировать. Главными торговыми центрами на востоке этого региона были Венеция и Дубровник (Рагуза), занявший в результате покровительства турок важное место в посреднической торговле с Ближним Востоком; на западе (с последней четверти XVI в.) — Марсель, благодаря соглашениям французской короны с Турцией установивший активные связи с Левантом и Гарбо (Североафриканское побережье). Генуя, окончательно потеряв свои позиции в Восточном Средиземноморье, несколько компенсировала их установлением прямых отношений с Севильей; однако теперь она вышла из разряда великих торговых держав. Повышается значение Ливорно (морских ворот Тосканы), Барселоны, Картахены, Мессины и Палермо, хотя масштабы их торговли уступали венецианской.

Меняется и характер грузов. Транспортировка продуктов становится одной из главных задач флота; Венеция, например, ежегодно тратила на приобретение продуктов около 8 млн. дукатов. Главную роль в перевозках играет зерно. В XVI в. в Средиземноморье ежегодно транспортировалось около 50 тыс. т зерна — как местного, так и из других районов (Причерноморье, Балтика и пр.). Значительную часть его (около 10 тыс. т) давала Сицилия, а затем Балканы и Египет; роль Апулии, Калабрии, Романьи, Прованса была гораздо меньшей. В XVII в. в хлеботорговле произошли большие изменения: в Средиземноморье хлынул на английских, а затем голландских судах балтийский хлеб; это было вызвано падением местного производства (после 1592 г. Сицилия, как уже говорилось, превратилась из экспортера в импортера хлеба; в это же время снизилось производство зерна в Апулии, еще раньше — в Провансе). Из других продуктов, транспортировавшихся морем, важную роль играли сыр (итальянский и южнофранцузский), соль, северная сельдь.

Значительное место в перевозках занимало различное сырье — квасцы, добывавшиеся в районе Чивитавеккья (Средняя Италия), английские свинец и олово, сода из Алеппо и особенно шерсть и кожа. Кожа пользовалась в ту эпоху большим спросом; она шла на одежду и обувь, упряжь и разнообразные поделки, на винные мехи и предметы роскоши. Много ее производилось в Испании, но там же она в основном и расходовалась;

другие средиземноморские страны ввозили кожу из Северной Африки, Восточной Европы, а с конца XVI в. и из Нового Света (через Испанию). Итальянская шерстяная промышленность использовала главным образом испанскую шерсть. Со второго десятилетия XVII в. итальянцы вынуждены были искать рынки шерстяного сырья в других местах: флорентийцы — в Сирии, Тунисе, Алжире, венецианцы — на Балканах, — хотя это и была шерсть более низкого качества, чем пиренейская.

В позднее средневековье прямой путь с Востока на Запад (правда, теперь уже не через Ближний Восток, захваченный турками, а через арабское Красное море) временами продолжал функционировать, и по нему европейские страны снабжались восточными специями и драгоценностями, китайским и персидским шелком в те периоды, когда португальцы, атакуемые арабами и турками, временно теряли контроль над торговлей в Индийском океане. Однако по этому пути удавалось провозить сравнительно мало товаров (в 1550—1570 гг., например, 1,5—2 тыс. т специй в год), и они теперь уже не могли удовлетворить возросшие запросы европейского общества и не играли заметной роли в торговом обороте средиземноморских стран.

Для торговли этого региона характерна возрастающая роль сухопутных путей: увеличиваются масштабы и степень регулярности в отношениях посуху между отдельными районами внутри страны и особенно между Средиземноморьем и остальной Европой. Дело в том, что испанцы, обладавшие почти на всем протяжении XVI в. самым крупным военным флотом, практически закрывали доступ в Средиземноморье своим постоянным противникам — англичанам, голландцам — и перекрывали выход из него периодическим недругам — венецианцам, французам, Дубровнику. Естественным выходом из этой ситуации было развитие сухопутного пути через Альпы. Лишь к концу века, после сокрушительного разгрома испанской Армады, появилась возможность снять испано-португальскую блокаду, и Средиземноморье наводнилось голландскими, английскими, французскими купцами. Тогда же в связи с климатическим сдвигом усложнился и альпийский путь, но это уже не могло решающим образом повлиять на развитие сухопутной торговли. Из международных ее артерий важнейшей была линия

Венеция — Южная Германия, из внутренних — дороги с Пиренеев к северному побережью, в бискайские порты, где концентрировалось более половины всего экспорта испанской шерсти. Возрастает роль ярмарок в городах, стоящих в стороне от проторенных торговых путей, например, в Италии — Синегалья, Пьяченца и Больцано.

С средиземноморским торговым регионом в позднее средневековье тесно связывается еще один район — Южная и Юго-Западная Германия. Она поставляла в романские области хлеб и другие продукты, сельскохозяйственное сырье, льняные ткани, изделия металлопромышленности. Обратным потоком на север шли промышленные изделия итальянского производства и восточные товары. Однако в XVII в. из-за ухудшения условий альпийской торговли связи этих районов несколько ослабли и южногерманская торговля стала ориентироваться на Нидерланды по рейнскому речному пути.

В целом южноевропейская торговля в эпоху позднего феодализма несколько возросла, главным образом за счет изменения характера товаров, однако в сравнении с быстро развивающейся торговлей североευропейских стран она явно проигрывала. Особенно резко разница в торговой активности этих районов стала проявляться со второй половины XVI в., когда в результате развития заокеанской торговли Средиземноморье постепенно превращалось в захудалую торговую периферию. На первое место выходят страны, непосредственно связанные с колониями, в первую очередь Португалия и Испания, затем Нидерланды, Англия и Франция.

В 1503 г. в Лиссабон пришел первый крупный караван с индийскими пряностями; после этого связь Португалии с Юго-Восточной Азией становится регулярной. И хотя эта торговля сопровождалась большими жертвами (в первой половине XVI в. в кораблекрушениях и стычках погибал каждый восьмой, а в 1550—1650 гг. — даже каждый пятый корабль), прибыли от нее были чрезвычайно высоки и нередко достигали нескольких тысяч процентов. В Лиссабонский порт широким потоком шли кофе, перец, опиум, индиго, чай, корица, жемчуг, золото и многие другие ценные товары из Индии и Малакки, черное дерево, слоновая кость и рабы — из Африки, сахар и кофе — из Бразилии. Большинство этих товаров, не задерживаясь в Португалии, сразу же пере-

правлялось в другие страны, особенно в Голландию и Венецию.

После открытия в 40-х годах XVI в. серебряных рудников в Потоси наладилась регулярная связь Испании с Новым Светом. С 1543 г. монопольным центром торговли с испанскими колониями становится Севилья, и это делает ее крупнейшим портом Атлантики. Одновременно поднимаются другие портовые города Андалузии — Кадис, Палос, Сан-Лукар. Расположенная в 60 км от устья Гвадалквивира, Севилья поначалу сохраняет свое монопольное положение, но к середине XVII в. на первое место постепенно выдвигается Кадис. В испанские порты также поступали сахар, красители (индиго, красильное дерево), драгоценные камни, кофе, кроме того, табак, какао; главным предметом импорта было серебро. По некоторым подсчетам, до 60-х годов XVII в. в Севилью было доставлено из Нового Света 181 т золота и 17 тыс. т серебра (не считая потерь от пиратства).

Порты Пиренейского полуострова играли большую роль и во внутриевропейской торговле. Через порты северного побережья, в первую очередь Бильбао и Сантандер, экспортировалась основная доля шерсти; сушей высококачественная шерсть северокастильских мериносов доставлялась из Бургоса (особенно из провинций Сеговии и Сориа); дальше она отправлялась бискайским «шерстяным флотом» на континент — во Фландрию и затем в Брабант. Другим важным предметом экспорта было вино. До XVI в. наибольшим спросом в северных странах (Англия, Нидерланды, Северная Германия) пользовался бордосский кларет, и еще в начале этого столетия бордосские вина составляли $\frac{3}{4}$ английского винного импорта; но уже к концу столетия они стали вытесняться легкими сухими винами Юго-Западной Испании и Канарских островов. Испания вывозила также и крепкие вина — мадеру, херес, малагу, которые стали производиться здесь после того, как родина популярнейшей в Европе мальвазии — Крит — попала в руки турок, однако трудности сохранения вкусовых качеств этих вин при транспортировке ограничивали их экспорт. Еще один продукт питания вывозился с Пиренеев — соль. Главные места ее добычи на Атлантическом побережье Европы — морской берег от Луары до Гаронны и Южная Португалия. Последняя в XVI в. резко увеличивает добычу соли, и Сетубал становится крупнейшим ее экс-

портером на континенте. Все нидерландское рыбное дело зиждется на пиренейской соли, и прекращение ее доставки в результате разрыва с Испанией привело к тому, что голландцы вынуждены были привозить ее из Исландии и даже Америки. Кроме указанных товаров с Пиренейского полуострова вывозилось также железо, керамика, мыло, фрукты, шелк, но в гораздо меньших количествах; ввозились же французские промышленные изделия, которые затем шли в испанские колонии, голландская сельдь, итальянские ткани. Помимо портов, названных выше, некоторое значение имели также порты Средиземноморского побережья (например, Барселона), но, лишенные связи с Атлантикой и Северным морем, они принимали участие только в каботажной средиземноморской торговле.

В XVI в. Испания была одной из крупнейших морских держав Европы: объединенный испано-португальский флот по тоннажу превосходил голландский и в несколько раз превышал флоты других государств (Англии, Франции, Германии, Венеции). Но уже в конце столетия Голландия догоняет пиренейские страны и постепенно выходит на первое место.

Важную роль в торговле Атлантического побережья играли также французские порты Бордо, Ла-Рошель, Брест, Сен-Мало, Шербур и др. Вначале ведущее место среди них занимали западные гавани, особенно Бордо, экспортировавший в больших масштабах вино, но в XVII в. вперед выходят города Северо-Западной Франции. Они были центрами рыболовства (особенно в районе Ньюфаундлендской банки), базами военного флота и «государственного пиратства», через них осуществлялась связь с американскими владениями Франции. Постепенно растет и их экспорт — холст, мешковина, парусина, зерно и другая сельскохозяйственная и промышленная продукция окружающих районов. Эти же товары стали занимать в XVII в. ведущее место в торговле западных портов, вытеснив традиционный предмет их экспорта — вино. Французские ткани (шелк, шерсть, полотно, парусина), парфюмерия, металлические изделия и другие предметы промышленного производства заняли важное место в торговле этих портов с Португалией и Испанией и таким образом получили признание в заокеанской торговле, отчасти вытеснив из нее собственную промышленную продукцию пиренейских государств.

В позднее средневековье возрастает и сухопутная торговля этих районов. В отличие от средиземноморского региона здесь она развивается преимущественно внутри государств, так как политические обстоятельства ограничивали прямую связь между ними. Крупнейшим центром межобластной торговли во Франции был Лион, в Испании — Медина даль Кампо, Бургос, Толедо, Сан-Себастьян; все это были города, славившиеся своими ярмарками.

В северной части континента в начале XVI в. нити всей торговли держали Ганза и Нидерланды, но на протяжении этого столетия влияние ганзейских городов сходит на нет. Брюгге, центр ганзейского влияния в Западной Европе, приходит в упадок. В связи с активизацией морского пути вокруг Ютландии сухопутный (и по каналам) маршрут Любек — Гамбург также захирел; голландцы же получают право свободного прохода через Зунд. Постепенно Нидерланды становятся монополистами в торговле этого региона. Если в конце XV в. Ганза и Нидерланды обладали приблизительно одинаковым флотом, то к концу следующего столетия голландский флот выходит на первое место в Европе. Он доминирует в балтийской торговле, осуществляет значительную часть перевозок других западноевропейских стран. Так, в XVII в. на голландских судах транспортировалось $\frac{2}{5}$ товаров английского экспорта и $\frac{1}{6}$ импорта. Из 714 судов, в 1601 г. посетивших Лондонский порт, более половины (360) было голландских, менее трети (207) — английских. Даже во время разрыва отношений с Испанией (последние годы XVI в.) в иберийские порты ежегодно приходило 400—500 голландских кораблей с зерном. В конце XVI — начале XVII в. голландские купцы прорываются в Средиземное море и устанавливают связь с Юго-Восточной Азией; постепенно их роль и в этих районах становится значительной. В XVII в. голландский флот достигает невиданных для того времени размеров: в 1670 г. его общее водоизмещение перевалило за 550 тыс. т и он превысил по масштабам флоты Англии, Франции, Испании, Португалии, Германии и Шотландии, вместе взятые. Нидерланды по праву становятся «морским извозчиком № 1» тогдашнего мира.

Главным предметом экспорта самих Нидерландов была сельдь. Если в первой половине XVI в. ведущая роль в сельдяной торговле принадлежала ганзейцам, тор-

говавшим балтийской рыбой, то с конца XVI в. голландская сельдь Северного моря стала доминировать на европейском, а позднее и на мировом рынке. Другим важным предметом вывоза было пиво, а также промышленные изделия (часы, приборы, книги, суда). Однако основная торговля велась не товарами голландского происхождения, а продукцией хозяйства других стран. И здесь первое место принадлежало хлебу. Постоянными импортерами его были Испания, Португалия, Скандинавские страны, в отдельные годы — Англия и Франция, позже — Италия. Основная масса ввозимого в эти страны зерна в XVII в. доставлялась из Балтики на голландских судах. Другим распространенным товаром балтийской торговли был лес. Кроме хлеба и леса из Восточной Европы шли пушнина, воск, мед, кожа, пенька, деготь и другое сырье, однако лес и зерно были главным предметом вывоза. Так, в Данциге из каждых трех выходящих из порта кораблей два были гружены хлебом, один — лесом. Хлеб составлял в середине XVI в. 65%, а во второй четверти XVII в. — 53% всего экспорта Прибалтийских стран. Конечно, в этой торговле участвовали не только приморские области; тот же Данциг собирал в своем порту продукцию всего бассейна Вислы.

Большое значение имела и колониальная торговля Нидерландов. Из Юго-Восточной Азии в Голландию прибывали пряности, шелковые ткани, драгоценности, из Нового Света — сахар, ром, табак. Переработанные на голландских предприятиях, они затем расходились по всей Европе. В эту торговлю вкладывались невиданные для того времени средства. Так, капитал Вест-Индской голландской компании в начале XVII в. составлял свыше полумиллиона фунтов стерлингов (для сравнения укажем капиталовложения одноименной английской компании — около 30 тыс. фунтов); дивиденды ее вкладчиков доходили до 35—40%.

Главным предметом английского экспорта была шерсть; в северной части континента она считалась наиболее качественной. В XVII в. шерсть стала вытесняться шерстяными тканями, но она продолжала составлять основную часть экспорта (в начале XVII в. на шерсть и ткани приходилось $\frac{9}{10}$ всей внешней торговли Англии). Вывоз тканей особенно увеличился после 1617 г., когда Фландрия, главный закупщик английской шерсти, отказалась от ее ввоза. Кроме шерсти из Англии вывозились

также металлы (свинец, олово), уголь; ввозилось же главным образом вино. В XVI — начале XVII в. в стране возникают многочисленные компании по торговле с заморскими странами; самыми крупными из них были Ост-Индская, Марокканская и Гвинейская, Восточная, Русская, Лондонская и Компания Гудзонова залива. Крупнейшими портами страны были Лондон и Бристоль.

Изменяется и внутренняя, в первую очередь сухопутная, торговля. Если раньше основная масса товаров внутри стран шла водным путем, по рекам, то в эпоху позднего феодализма сухопутная торговля стала не уступать водной; что же касается внутренних, континентальных областей, то там она превышала последнюю. В этом сыграло роль и расширение масштабов самой торговли, выросшей из тесных рамок речных маршрутов, и установление относительного порядка на дорогах централизованных государств и другие обстоятельства. Однако стоимость транспортировки грузов на подводах по-прежнему намного превышала стоимость провоза по воде, поэтому при перевозке громоздких товаров на дальние расстояния, как и раньше, использовался водный транспорт.

Монеты, применявшиеся в практике позднесредневековой торговли, были по сути дела интернациональны. Конечно, каждая из них имела свой национальный ареал, где она предпочтительно употреблялась, однако золотые цехины (дукаты), гульдены, соверены, экю, гинеи, серебряные талеры, пистоли, ливры и другие монеты имели хождение практически по всей Европе и служили средством расчета в любых сделках. Что же касается более мелких денежных единиц, то их судьба в разных странах была различной. В одних (Англия, Франция) завершается процесс упорядочения денежной системы и замены многочисленных местных вариантов монеты единой государственной единицей, в других (Италия, Германия) монетное разнообразие, характерное для предыдущих столетий, сохраняется и даже увеличивается. Так, например, в Милане эпохи позднего средневековья имели хождение 28 различных монет.

Итак, в позднее средневековье изменились направления и характер грузопотоков, усилилась сухопутная торговля, вместо двух обособленных районов (Северный и Средиземноморский) в Европе сложился единый торговый ареал, наиболее развитыми областями которого стали земли, непосредственно связанные с Атлантикой. За-

падная Европа оказалась тесно связанной путем торговли с Восточной. Возник новый вид торговли — колониальная, охвативший огромные территории и безмерно расширивший ареал европейской торговли. И если в XVI в. колониальная торговля представляла собой открытый грабеж, то в XVII в., сохраняя свой характер, она приобретает также тенденцию к использованию новых земель в качестве рынков сырья (кожа, соль) и сбыта (французские промышленные товары, голландская сельдь). В целом масштабы торговли в эпоху позднего феодализма неизмеримо возросли.

Не менее важны и другие изменения в европейской экономике, связанные с развитием торговли. Укрепились и расширились торговые связи внутри областей, сложились местные рынки, намного превосходящие своими размерами рынки прежних средневековых городов. Как правило, в каждой из областей выделилось несколько центров, концентрирующих нити торговли широкой округи. Такими центрами для Нормандии, например, становятся Руан и Гавр, Бургундии — Шалон и Дижон, Лангедока — Тулуза, Каркассон и Ним, Прованса — Арль и Марсель. Выделяются более крупные центры, торговые связи которых охватывают территорию нескольких областей; во Франции позднего средневековья это Париж и Лион, в Англии — Лондон. В отдельных случаях (Нидерланды, например) процесс консолидации товарных связей приводит к началу образования единого национального рынка; в XVII в. вся торговая деятельность страны была по сути дела аккумулирована в Амстердаме, крупнейшем торговом и банковском центре не только Голландии, но и всей Европы.

Торговля оказала влияние на развитие европейской экономики и общественных отношений еще в одном направлении. Огромные барыши, получаемые от торговли (особенно колониальной), создали базу для развития европейской мануфактурной промышленности: именно торговый капитал лег в основу производственного капитала эпохи первоначального накопления.

Транспорт
и пути сообщения

В позднее средневековье основная часть перевозок падала по-прежнему на морской транспорт,

тем более что в ареал морской торговли вошли новые огромные пространства. В связи с этим новые задачи встали перед судостроением. Возникают новые

типы судов — португальские и испанские каравеллы, голландские флоты и пр., приспособленные к условиям плавания в открытом море. В то же время по-прежнему продолжают строиться старые типы кораблей, например, венецианские галеры, средиземноморские карракки и пр. Характер торговли, тесно связанной с военными действиями и пиратством, требовал постройки небольших, но быстрых и маневренных судов; потребности той же торговли, в которой большую роль стали играть громоздкие товары (хлеб, сырье и т. д.), диктовали необходимость увеличения их грузоподъемности и тоннажа.

В целом тоннаж судов в сравнении с предыдущим временем возрос. Если Колумб отправился в свое первое плавание на трех каравеллах водоизмещением в 120, 80 и 50 т, то во времена Филиппа II уже запрещалось совершать трансатлантические рейсы кораблям менее 300 т водоизмещения. В Средиземноморье нередко встречались суда до 1000 и более тонн. Правда, постепенно эти крупные корабли вытеснялись средними и мелкими, более приспособленными к условиям как океанского, так и каботажного плавания. Начинается специализация судов в зависимости от их назначения — военные, торговые для перевозки крупных грузов каботажем, океанские и т. д.; правда, часто все это еще было относительным; так как те же океанские суда заканчивали дальние рейсы, поднимаясь по рекам до Севильи или Лондона. В судостроении намечаются национальные особенности: голландские суда, например, и по материалу, и по конструкции, высоким мореходным качествам и своей дешевизне резко отличались не только от пиренейских, но и английских. Постройка судна на голландских верфях обходилась на 40—50% дешевле, чем, например, на английских. Совершенствуются и речные суда. Наряду с баржами большой вместимости (до 300—400 т) возникают многочисленные типы мелких ботов, шлюпов, буксирных дощаников и пр. Например, в Голландии в XVI в. насчитывалось около 40 различных видов судов, приспособленных для плавания по рекам и каналам. Именно в это время в главных чертах оформляется такелаж и всякого рода приспособления, используемые в современной речной практике.

Сухопутный транспорт также эволюционирует, хотя и не в такой степени, как морской. Среди упряжных животных наиболее употребительными стали лошади и му-

лы (в южных странах); последние широко использовались и как верховые и вьючные животные. Широкое распространение мулов (в Испании в конце XVI в., по мнению современников, их было около миллиона) — особенность позднего средневековья. Развиваются и средства передвижения: на колесах появляются железные ободья, возникают кареты, предназначенные только для пассажиров, грузовые фургоны вместимостью до 2 т и т. д. Как уже говорилось, роль сухопутного транспорта в торговле постепенно возрастает.

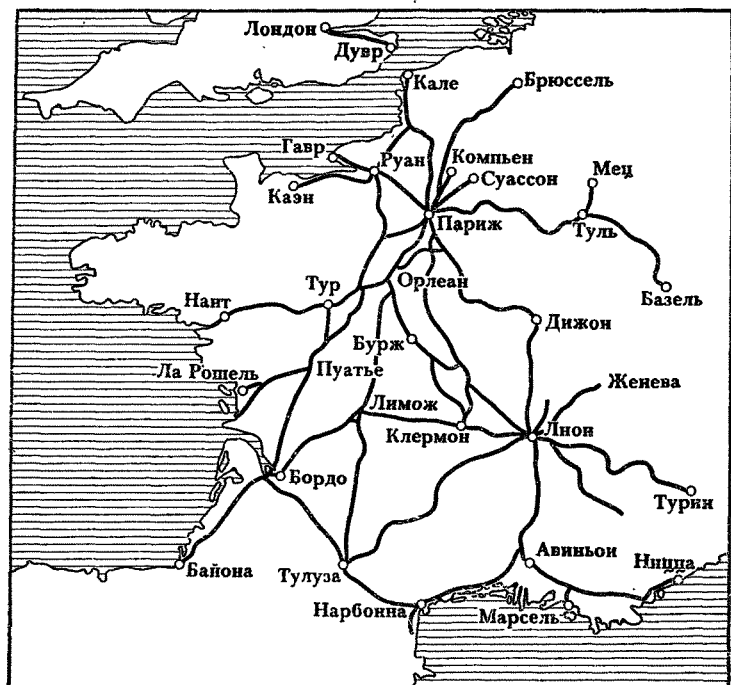
По сравнению с XV в. коренных изменений в дорожной сети и дорожном строительстве не происходит. Однако контроль за строительством и состоянием дорог усилился и стал одной из важных функций государственной администрации; так, во Франции при Кольбере была введена государственная дорожная повинность, которую несли в принудительном порядке безработные и жители работных домов. В XVII в. активизируется и строительство каналов; если раньше в этом плане выделялись Нидерланды и Северная Италия, то теперь к ним присоединяется Франция. Как и прежде, при постройке каналов преследовались две цели — осушения земель и создания транспортного пути. Так, многочисленные каналы, проведенные в Феннланде (Северо-Восточная Англия), помимо того, что осушали болота, давали также выход к морю шерсти восьми окрестных графств. Вместе с тем нередко при строительстве каналов имели в виду только их транспортное назначение. Таковы французские каналы Сент-Омер — Кале и Большой Лангедокский канал, построенный по последнему слову тогдашней техники: на протяжении 148 миль здесь были сооружены 119 шлюзов, поднимавших судно на высоту около 200 м.

Маршруты прежних морских путей, несмотря на выход на океанские просторы, изменились мало: корабли все так же плавали в непосредственной близости от береговой линии, открытые моря в XVI в. «были пустыни, как Сахара». Даже морской путь в Индию и к островам пряностей более чем наполовину пролегал вблизи берегов, лишь на отдельных участках (южная оконечность Африканского континента, Сокотра — Малабарский берег) уходя в открытое море. Правда, в XVII в. голландские моряки, освоившие этот путь, стали ходить гораздо мористее. В Атлантике корабли также не избирали кратчайший путь к порту назначения, а направля-

лись традиционным маршрутом к Антилам; это облегчало пиратский промысел. Поэтому уже со второй половины XVI в. одиночные корабли стали избегать появляться в открытом море; торговые караваны стали сопровождаться военными конвоями.

Крупнейшими портами XVI в. были Лиссабон и Севилья, связанные с заокеанской торговлей. В Средиземноморье выделялась по-прежнему Венеция, несколько меньше был грузооборот Рагузы (Дубровника); крупнейшими портами были также Генуя, Марсель, Палермо, Ливорно, Барселона. Из других испанских портов важную роль играли порты Бискайского побережья — Сан-Висенте, Сантандер, Ларедо, Бильбао — центры судостроения и рыболовства. В северном регионе ганзейские города (Любек, Гамбург) и Брюгге в начале столетия еще соперничали с Амстердамом, но к концу его нидерландские порты (Брил, Роттердам, Хоорн) во главе с Амстердамом окончательно оттесняют Ганзу. В Англии в это время выделяются Лондон, Бристоль, Ярмут, Плимут, Гулль, во Франции — по-прежнему Бордо, но теперь уже поднимаются города северного побережья: Брест, Сен-Мало, Кале. XVII столетие проходит под знаком резкого возрастания грузооборота портов северного побережья континента, и в первую очередь Амстердама, который становится крупнейшим портом тогдашнего мира; возрастает роль Лондона и северофранцузских городов. Окончательно приходит в упадок ганзейское мореплавание, и теперь связь с Балтикой осуществляется в основном голландскими судами. По ориентировочным данным, из 400 тыс. кораблей, за полтора столетия прошедших Зунд и Большой Бельт, почти 60% были под голландским флагом. В южном регионе XVII век проходит под знаком постепенного сокращения морского оборота и масштабов портовой деятельности. В частности, закатывается былая слава Севильи, возвышается Кадис; однако это был уже порт более мелкого разряда. Наиболее активными районами плаваний этого региона продолжали оставаться Адриатика, Тирренское море, к ним присоединяется Лионский залив.

Как уже говорилось, роль сухопутного транспорта в торговле между двумя регионами в XVI в. постепенно возрастала. Дорожная сеть все больше расширялась, движение на дорогах становилось сравнительно регулярным и интенсивным. Так, в Париже начинались 11 трак-



Маршруты королевской почты во Франции (первая половина XVII в.)

тов, соединявших столицу с крупнейшими городами страны и заграницы: через Орлеан с Бордо и с Тулузой, через Лион в Авиньон; дороги в Сен-Мало и Руан, Ипр, Брюссель, в Кельн (через Реймс и Льеж), Женеву (через Дижон), Страсбург и Франкфурт-на-Майне (первая через Туль, вторая — через Верден). В середине XVII в. Париж имел уже регулярное (как минимум раз в неделю) пассажирское сообщение с 43 городами Франции.

Увеличились и скорости передвижения. Так, курьеры Филиппа II достигали Брюсселя за две недели, венецианская курьерская служба, созданная Габриеле Таксис, доставляла письма из Италии в Брюссель со средней скоростью 130—140 км в день, т. е. за 5—6 дней. На море в отдельных случаях была зарегистрирована скорость 150—200 км в сутки. С этой точки зрения интересны сроки, в которые доходили известия о разных событиях. Известие о битве при Лепанто (у юго-западного побе-

режья Балканского полуострова), состоявшейся 7 октября 1571 г., пришло в Венецию 18 октября, в Неаполь 25 октября, в Париж и Мадрид 31 октября, т. е. спустя три с половиной недели. Сообщение о Варфоломеевской ночи шло в Мадрид со средней скоростью 100 км в сутки. Однако все это — экстраординарные случаи: обычная рейсовая скорость транспорта была по-прежнему невысока: так, например, купцы пересекали Средиземное море по линии Тунис — Ливорно в среднем за 10—11 дней. Все так же остановки занимали время не меньше, чем плавание, все так же навигаторы предпочитали плавать летом, с апреля по сентябрь.

Путешествия и открытия XVI—XVII вв. XVI—XVII века по праву называются эпохой Великих географических открытий. За полто-

ра — два столетия европейцы неоднократно обошли кругом земной шар, открыли два новых материка, прочно обосновались в Азии и избороздили значительную часть морской поверхности нашей планеты. Это был настоящий подвиг, потребовавший огромного напряжения сил, мужества и больших жертв, хотя в основе всех этих предприятий лежало стремление к наживе, алчность, удовлетворявшаяся беззастенчивым грабежом вновь открытых земель. «Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹.

Одним из важнейших событий того времени было открытие Америки. В первых двух своих плаваниях (1492—1493; 1493—1496) Колумб побывал на Кубе, Гаити, Ямайке, Багамских и некоторых других островах Карибского моря. В августе 1498 г. во время третьего путешествия он впервые высадился на побережье Южноамериканского континента недалеко от устья реки Ориноко. Во время четвертой экспедиции (1502—1504) Колумб вторично побывал у Американского материка, в течение 9 месяцев плавая у берегов Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики, Панамы. В эти же годы, на грани двух столетий, испанские капитаны Охеда, Пинсон, Лепе, Ла Коса и другие продолжили его исследования и нанесли

¹ Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., изд. 2, т. 21, стр. 408.

на карту значительную часть побережья Американского материка от 10° южной широты до Юкатана. В 1500 г. португалец Кабрал высадился на побережье Бразилии. К концу первого десятилетия XVI в. уже несколько тысяч километров береговой линии Центральной и Южной Америки были нанесены на испанские и португальские карты. Почти одновременно с этим европейцы достигают побережья Северной Америки: геноуэзцы (на английской службе) отец и сын Кабот (1497; 1498) и португальцы братья Кортериал (1500; 1501, 1503) побывали у берегов Ньюфаундленда, Лабрадора и других земель Североамериканского материка. Уже тогда, в первом десятилетии XVI в., в Европе стало складываться представление о том, что эти земли являются не частью Азии, а каким-то новым континентом, «Новым Светом». По имени одного из путешественников, который в числе первых выдвинул эту идею, — Америго Веспуччи — южная часть материка постепенно стала называться Америкой; после выхода карт Меркатора это название стало применяться к обеим частям континента.

Одновременно начинается колонизация новых земель. Охеда, Бальбоа, Авила, Бадахос, Понсе де Леон, Кордова и десятки других конквистадоров курсируют вдоль восточного побережья Нового Света, основывая там опорные пункты и совершая вылазки в глубь континента. В 20-х годах Кортес завоевывает Мексику (Новую Испанию), Гватемалу, Гондурас и другие земли Центральной Америки вплоть до Панамы (Золотая Кастилия), в 30-х годах Писарро покоряет Перу и Колумбию (Новая Гренада), а несколько позже Вальдивия — Чили. Почти все восточное побережье Южной Америки также находилось под властью Испании и Португалии (Бразилия). В Северной Америке испанцы захватили Флориду и предприняли ряд экспедиций в глубь материка на земли современных южных штатов США, дойдя до Тихоокеанского побережья (Новая Наварра). Первые попытки колонизации новых земель предприняла также Франция. В 20-х годах флорентиец на службе французского короля Вераццано обследовал Американское побережье от 35 до 50° с. ш. Спустя десять лет Картье предпринял три экспедиции к северным берегам Нового Света, во время которых он открыл Канаду и поднялся по реке св. Лаврентия до современного Монреаля. В 40-х годах французы основали на этих землях (Новая Франция) несколько

поселений, но они оказались недолговечными. Однако французские суда стали частыми гостями этой части Атлантики: богатая рыбой Ньюфаундлендская отмель постепенно все больше осваивалась рыбаками. Так, за несколько десятков лет, к середине XVI в., практически все побережье Южной, Центральной и частично Северной Америки, а также некоторые внутренние земли стали известны европейцам и были провозглашены собственностью испанской, португальской и французской короны.

Первым из европейцев, увидевшим воды Тихого океана, был Бальбоа, в 1513 г. пересекший Панамский перешеек. После захвата Мексики, Перу и Чили все побережье «Южного моря» от Калифорнии до Огненной Земли оказалось в руках испанцев. Однако связь между восточным и западным побережьем континента была чрезвычайно затруднена; так, маршрут Орельяны, в 1541—1542 гг. спустившегося по Амазонке до океана, был повторен только спустя два столетия. Уже в 1515—1516 гг. Солис попытался обогнуть континент с юга, однако ему удалось дойти только до устья Ла-Платы. Первым достиг южной оконечности Американского материка, в 1520 г. Магеллан, однако и после этого морской путь вокруг Америки использовался крайне редко: чилийское серебро, например, транспортировалось морем на север до Панамы и там переправлялось сушей к Атлантике.

Первое кругосветное путешествие было совершено в 1519—1522 гг. Предпринимая его, Магеллан ставил перед собой ту же цель, что и Колумб: «достичь Востока, плывя на Запад», однако теперь, спустя четверть века, он гораздо отчетливее представлял себе сложность этой задачи. О трудностях подобного предприятия говорит хотя бы то, что из пяти кораблей эскадры, отправившейся из Испании, уцелел только один; сам Магеллан погиб на Филиппинах, а из 265 человек экипажа вернулись на родину 22. Повторить этот маршрут европейцы смогли только спустя более полстолетия; это сделал Дрейк в 1577—1580 гг. Остальные попытки обойти вокруг света (Лоайса-Элькано и др.) не увенчались успехом; лишь отдельные члены разных экипажей (например, Урданетта), потеряв корабли, с большими трудностями добирались разными путями до дома. Однако эти плаванья первой половины XVI в. привели к тому, что испанцам удалось подойти с востока к Филиппинам, Новой Гвинее и различным мелким островам Микронезии. Несмотря

на заманчивость установления прямой связи с островами пряностей, практического значения этот маршрут не получил; по-прежнему главным путем доставки красителей и пряностей в Европу был путь вокруг Африки, находившийся в руках португальцев.

Первым по этому пути прошел в 1497—1498 гг. Васко да Гама, завершив многолетние усилия своих предшественников. Уже через десятилетие при вице-короле Альбукерке португальцы стали фактическими хозяевами торговых путей в Индийском океане, а несколько позже достигли Малакки, Китая, обосновались на Яве и вышли к «родине пряностей» — Молуккским островам. Впрочем, рубежи португальских открытий точно не известны, так как результаты плаваний строго засекречивались; не исключено даже, что некоторые из португальских моряков побывали в Австралии. Господство португальцев на морских путях в Южную и Юго-Восточную Азию было неоспоримым вплоть до конца 80-х годов (гибель Непобедимой Армады).

Таким образом, к середине XVI в. две европейские державы — Испания и Португалия — стали господствовать на безбрежных просторах вновь открытого мира. В следующем столетии (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) положение меняется: Нидерланды начинают вытеснять Португалию с восточных путей; рушится монополия Испании в Западном полушарии, где большую активность проявляют Англия и Франция. Изменяются и главные районы исследовательских поисков; ими теперь становятся северные области Американского материка и территории к югу от Малайского архипелага.

Побудительным мотивом путешествий этого периода была та же цель — найти другой путь к традиционным богатствам Востока, открыть сказочное Эльдорадо. Именно этим и руководствовались Фробишер, Девис, Гудзон, Баффин и другие исследователи конца XVI — начала XVII в., искавшие знаменитый Северо-Западный проход к азиатским землям и обследовавшие значительную часть северо-восточного побережья Американского материка. Одновременно англичане (Ченслор) и голландцы (Баренц) пытались пройти в Азию северо-восточным путем, вдоль берегов Сибири. Отсутствие желанного золота в значительной степени компенсировалось пушниной и другими природными богатствами северных об-

ластей. Начинается колонизация земель Североамериканского материка. Уже в XVI в. англичане основывают Вирджинию, затем Новую Англию, голландцы — Новую Голландию. Возобновляется колонизация Канады французами, проникшими в глубь континента и открывшими Великие Озера. Неоднократные экспедиции из Флориды и Мексики на север и северо-запад (Новая Мексика) предпринимали также испанцы, дойдя до Калифорнии, однако их проникновение в эти области не было устойчивым. Гораздо большую активность испанцы проявляли в Южной Америке. Имея своими исходными пунктами устье Ла-Платы и Перу, они отправляли многочисленные экспедиции в глубь континента. Большую роль в открытии новых областей сыграли миссионеры, особенно иезуиты, основывавшие свои миссии в самых глухих местах материка. Несколько экспедиций в Бразилии предприняли португальцы; здесь их соперниками выступали французы и голландцы. В целом, однако, открытия этого времени (середина XVI — середина XVII в.) в Южной Америке не имели такого кардинального значения, как, скажем, деятельность англичан и французов на северном континенте; они в основном детализировали уже сложившиеся географические представления.

Крупнейшим событием этого времени было открытие Австралии. Еще с античности было широко распространено мнение о существовании в южной части земного шара обширного материка, масса которого должна была уравновешивать земли Северного полушария. Открытие испанцами Огненной Земли и Новой Гвинеи, которые они сочли за выступы гипотетического континента, казалось бы, подтверждали эту идею. Испанские экспедиции конца XVI — начала XVII в. (Менданья, Кирос, Торрес) привели к открытию Маркизских, Соломоновых и многочисленных других островов южной части Тихого океана. Не исключено даже, что Торрес вплотную подходил к Австралийскому побережью. Однако, несмотря на то, что почти каждый исследователь полагал, что открытая им земля и есть желанная *Terra Australis*, сам материк достигнут ими не был.

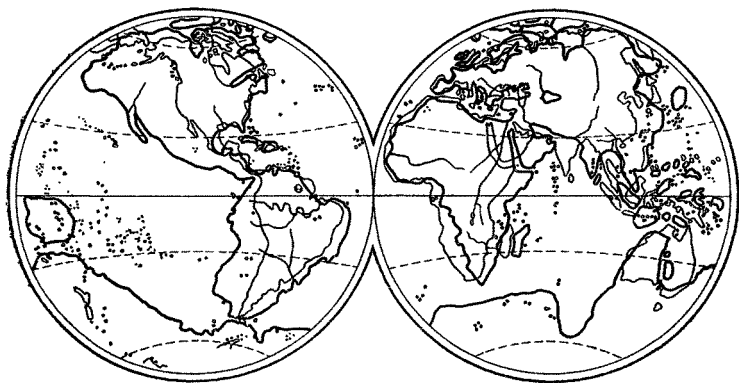
В дальнейшем инициатива в этом районе переходит к голландцам. В самом конце XVI столетия они фактически ликвидируют португальскую монополию на торговлю с Юго-Восточной Азией и спустя несколько лет становятся единственными хозяевами путей в этом районе, а

в 1619 г. на острове Ява основывают Батавию (совр. Джакарта), ставшую главным центром голландского господства в этом районе земного шара. Голландские моряки во всех направлениях бороздят волны Мирового океана, поднимаясь на севере до Курил и неоднократно высаживаясь на юге на побережье Австралийского материка. К 40-м годам XVII в. примерно треть береговой линии континента (преимущественно северная и западная части его) была известна голландским мореходам. Однако общее представление о нем было совершенно превратное: по-прежнему эти земли считались частью пресловутого материка, занимающего якобы подавляющую часть Южного полушария. Честь исправления этого заблуждения принадлежит Тасману, в 40-х годах обогнувшему континент (хотя и вдали от его берегов, в открытом море) и доказавшему, что он со всех сторон окружен морем.

Картина географических открытий XVI—XVII вв. была бы неполной без упоминания об открытиях русских путешественников в Азии. К середине XVII в. русские землепроходцы и мореходы дошли до Шилки и Амура, побережья Охотского моря и обогнули северо-восточную оконечность Азиатского материка, фактически открыв таким образом северо-восточный проход в Южную Азию. К сожалению, их открытия не были достаточно известны на Западе и не получили достойного отражения в картографии той эпохи.

Таким образом, к середине XVII в. конфигурация земной поверхности в общих чертах стала известна европейскому обществу. Это нашло соответствующее отражение и в картографии той эпохи. Прежним библейским представлениям в землеведении, все еще бытовавшим до второй половины XV в., времени широкого распространения трудов Птолемея, был нанесен сокрушительный удар. В эти полтора столетия позднего средневековья была практически доказана шарообразность Земли, установлены ее масштабы, в основном нанесены на карту очертания Азии, Африки и Америки и начались исследования некоторых внутренних земель новых континентов.

Из карт наибольшей известностью в XVI в. пользовались получившие тогда широкое распространение атласы. Наиболее популярными были атласы антверпенского картографа и издателя А. Ортелия «*Theatrum Orbis Terrarum*» (1570) и огромный, так и не законченный при



Карта мира по Г. Меркатору. Тонкой линией даны истинные очертания материков

жизни автора атлас немецкого ученого Г. Меркатора (первый том вышел в 1595 г.). Картина мира, представленная Меркатором, была следующей. Значительную часть земного шара занимали воды Мирового океана, омывавшие три массива суши — Старый Свет (Европа, Азия, Африка), Новый Свет и гипотетическую Южную Землю, размерами намного превосходящую современную Антарктиду и Австралию, вместе взятые. Кроме них на севере в полярных областях Меркатор расположил многочисленные участки суши, отделенные проливами от северных земель Америки и Азии. Три океана (Атлантический, Индийский и Тихий, называемый им Восточным Индийским океаном) разделяли эти комплексы суши. Многие из вычерченных им земель земного шара были представлены с наиболее возможной для того времени тщательностью и полнотой, однако другие районы грешат типичными для того времени традиционными ошибками, во многом идущими от Птолемея. Среди них бросаются в глаза чрезмерная вытянутость Европы и Северной Америки с юго-запада на северо-восток, излишняя протяженность Средиземного моря в широтном направлении, извращенные контуры Каспийского моря и Финского залива, не говоря уже о приблизительности изображения более отдаленных и менее известных областей. В целом труд Меркатора был выдающимся для своего времени произведением. Огромной его заслугой является введение координатной сетки в особой, получившей

его имя проекции, повсеместно распространившейся в морской практике в последующие времена. Среди других достижений картографии XVI—XVII вв. можно отметить карты Баварии, Саксонии и Англии (с Уэльсом), выполненные новым методом — съёмками на местности. В первой половине XVII в. выходят и первые карты, посвященные средневековой Европе. Возникают специализирующиеся на выпуске карт фирмы — Хондия в Амстердаме, Сансона — в Париже. Однако степень точности и подробности карт этого периода была очень поверхностной: только-только начинает внедряться в практику триангуляционный метод съёмок, рельеф местности выражается крайне схематично (впервые барометр Торричелли был применен Паскалем для определения высоты поверхности лишь в 1648 г.).

Географические достижения XVI—XVII вв. сыграли громадную роль в истории современной Европы. Великие географические открытия вовлекли в сферу европейской торговли огромные новые территории, резко изменив карту торговых маршрутов. Сказались они и на географии самой Европы. Помимо территориальных изменений произошли и качественные сдвиги: новые потребности ускорили замену ремесла мануфактурой, привели в отдельных местах к консолидации местных рынков в национальные. Начался переход к формированию географии новой эпохи — эпохи зарождающегося капитализма.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма

- Маркс К. Капитал*, т. I, гл. 14, 24. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.* изд. 2, т. 23, ч. I.
Маркс К. Морская торговля Австрии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12.
Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
Энгельс Ф. К истории древних германцев. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Франкский период. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Марка. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.

Источники

- Агрикультура в памятниках западного средневековья. М.—Л.*, 1936.
Древние германцы. М., 1937.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
Книга Марко Поло. М., 1956.
Лизафетта. Путешествие Магеллана. М., 1950.
Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.
Путешествия Христофора Колумба. М., 1952.
Путешествие Шильтбергера по Европе, Африке и Азии с 1394 года по 1427 год.—«Известия Имп. Новороссийского ун-та», т. I, вып. 1—2. Одесса, 1867.
Свет Я. М. После Марко Поло. М., 1968.
Хенниг Р. Неведомые земли, т. II—IV. М., 1961.
Хрестоматия по истории средних веков. Разные издания.

Литература

- Абрамсон М. Л. Состояние производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии.—Сб. «Средние века» (далее — СВ), 28. М.*, 1965.
Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI—XIII вв. Л., 1973.
Авербух М. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.
Багров Л. С. История географической карты. Пгр., 1917.
Барг М. А. К вопросу о росте населения Англии в XI—XIII вв.—«Вопросы истории» (далее — В И), 1947, № 11.
Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950.

Беркович М. Е. О характере немецкой средневековой этнической общности в XI—XIII вв.— СВ, 36. М., 1973.

Бессмертный Ю. Л. Некоторые данные по истории земледелия в бассейне Рейна в XII—XIII вв.— «Европа в средние века: экономика, политика, культура». Сб. статей к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972.

Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

Вайнштейн О. Л. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха.— «Историк-марксист», 1938, № 6.

Витвер И. В. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963.

Грацианский Н. П. Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период.— «Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья». М., 1960.

Громыко М. М. Внешняя торговля Голландии и Зеландии в XVI в.— Сб.: Из истории средневековой Европы. МГУ, 1957.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Добрынин Б. Ф. Физическая география Западной Европы. М., 1948.

Ерамов Р. А. Физическая география зарубежной Европы. М., 1973.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968.

Инстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.

История средних веков. Учебник для исторических факультетов университетов, т. I—II. М., 1966.

Калесник С. В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.

Колесницкий Н. Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI—XIV вв.)— СВ, 23. М., 1963.

Косминский Е. А. К вопросу об образовании английской нации.— ВИ, 1951, № 9.

Котельникова Л. А. Агрикультура и урожайность зерновых в Тоскане в XII—XIV вв.— СВ, 36. М., 1973.

Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Разные издания.

Левандовский А. П. Об этническом составе империи Каролингов.— ВИ, 1952, № 7.

Лесников М. П. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV в.— СВ, VII, 1955.

Лозинский А. А. О росте населения Парижа в XVI в.— СВ, 37. М., 1973.

Люблинская А. Д. К вопросу о развитии французской народности. (IX—XV вв.)— ВИ, 1953, № 9.

Люццатто Д. Экономическая история Италии. М., 1954.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967.

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970.

Майер В. Е. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии XIV—XVI вв.— СВ, 27. М., 1965.

Масленников Н. С. О предпосылках образования испанской нации.— ВИ, 1954, № 11.

Медушевская О. М. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. М., 1959.

Митчелл М. Эль-Кано — первый кругосветный мореплаватель. М., 1968.

Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма. М., 1973.

Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 1929.

Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII — XII вв. М., 1964.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.

Покишишевский В. В. География населения зарубежных стран. М., 1971.

Ревуненкова Н. В. Население Монпелье в XII в. — СВ, 30. М., 1967.

Ролова А. Д. К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI и в первой половине XVII в. — СВ, 23. М., 1963.

Рутенбург В. И. От Пеголотти до Уццано. — СВ, 28. М., 1965.

Сванидзе А. А. К исследованию демографии шведского города. — СВ, 31. М., 1968; СВ, 32. М., 1969.

Свет Я. М. В страну Офир. М., 1967.

Серовайский Я. Д. Севοобороты средневековой Франции IX—XIII вв. — СВ, 35. М., 1972.

Скряжнская Е. Ч. Техника эпохи западноевропейского средневековья. — Сб.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М. — Л., 1936.

Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.

Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969.

Тушина Г. М. Марсельский торговый флот XIII в. — «Уч. Зап. Горьковского ун-та», вып. 109 (1). Горький, 1971.

Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). — СВ, 36. М., 1973.

Фриман Э. Историческая география Европы, т. I—II. М., 1892.

Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1956.

Цвейг С. Подвиг Магеллана. Разные издания.

Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958.

Шаскольский И. П. Историческая география. — Сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. II. Л., 1968.

Шевеленко А. Я. Природный фактор и европейское общество V—X вв. — ВИ, 1969, № 10.

Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии. — «Историк-марксист», 1941, № 5.

Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина. — «Вопросы географии», сб. 20. М., 1950.

Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1955.

Яцунский В. К. Историческая география. — «Советская историческая энциклопедия», т. 6.

В основу карт, схем и диаграмм положены материалы из следующих изданий:

Atlas zur Geschichte. Bd. I. Leipzig, 1973.

The Cambridge Medieval History. vv. I—VIII, Maps. Cambridge, 1924—1936.

Darby H. C. (ed.) A New Historical Geography of England. Cambridge, 1973.

East W. G. An Historical Geography of Europe. London, 1966.

Grosser Historischer Weltatlas, t. II. München, 1970.

Historical Atlas. By W. R. Shepherd. 8 ed. N.—Y., 1956.

Historisch-Geographisches Kartenwerk. Britische Inseln, Frankreich, Belgien, Niederlande, Luxemburg. Leipzig, 1960.

Philips Atlas of Ancient, Mediaeval and Modern History. London, 1938.

Pounds N. J. G. An Historical Geography of Europe. 450 BC—AD 1330. Cambridge, 1973.

Smith C. T. (maj.) An Historical Geography of Western Europe before 1800. London, 1967.

Westermanns Atlas zur Weltgeschichte. B., 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Предмет исторической географии	3
История возникновения и развития исторической географии как науки	9
Географическая среда и развитие общества в феодальную эпоху	12
Физико-географическое районирование Западной Европы . .	17
Отличительные черты физической географии средневековья	30

Часть I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V—XV ВВ.)

География населения и политическая география	42
Этническая карта средневековой Европы	42
Политическая карта Европы в период раннего средневековья	52
Политическая география Западной Европы в период развито- го феодализма	63
Социальная география	73
Численность населения, его состав и размещение	79
Типы сельских поселений	91
Средневековые города Западной Европы	95
Церковная география средневековой Европы	107
Некоторые черты географии средневековой культуры . . .	112
Экономическая география	117
География сельского хозяйства	117
Развитие сельского хозяйства в раннее и развитое средневе- ковье. Внутренняя колонизация	117
Системы земледелия и землепользования	122
Особенности аграрного строя различных стран Западной Ев- ропы	127
География ремесла и торговли	134
Особенности размещения средневекового ремесленного про- изводства	134
Шерстяное производство	135
Горное дело, металлообработка, судостроение	139
География ремесла отдельных стран Западной Европы . .	142
Средневековая торговля	149
Средиземноморский район торговли	153
Северный район европейской торговли	158
Ареалы монетных систем	162
Транспорт и пути сообщения	164
Географические представления и открытия раннего и развито- го средневековья	170

Географические представления раннего средневековья	170
Географические представления и открытия эпохи развитого средневековья	174
Картография раннего и развитого средневековья	179

Часть II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)

Политическая карта	183
Социальная география	190
Демография позднего средневековья	192
Церковная география	201
География сельского хозяйства	206
География промышленности	212
Торговля позднего феодализма	221
Транспорт и пути сообщения	230
Путешествия и открытия XVI—XVII вв.	235
Краткая библиография	243

Вячеслав Викторович Самаркин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Редактор Т. Г. Липкина. Художественный редактор Т. А. Коленкова. Технический редактор Р. С. Родичева. Корректор М. М. Сапожникова.

А-00397. Сдано в набор 11/XII—75 г. Подп. к печати 11/VI—76 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Объем 7,75 печ. л. Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,84. Издат. № Ист—134. Тираж 15 000 экз. Зак. 817. Цена 59 коп.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1976 г. Поздняя № 31.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14. Издательство «Высшая школа»

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.